Агаша Колч

АГУНЯ

ПРОВАЛ 4

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

© «Баба-Яга против!» Против того, чтобы зараза прагматизма, занесённая из другого измерения, погубила мир сказок и чудес Дремлесье, благодаря существованию которого мы помним «Репку» и «Курочку Рябу», «Финиста — Ясного Сокола» и «Василису Прекрасную», учимся добру, благородству и вере в чудеса. А ведь хотела тихо отсидеться…

- Колч Агаша.
- Глава 1
- Глава 2.
- Глава 3.
- Глава 4.
- Глава 5.
- Глава 6.
- Глава 7.
- Глава 8.
- Глава 9.
- Глава 10.
- Глава 11.
- Глава 12.
- Глава 13.
- Глава 14.
- Глава 15.
- Эпилог.

Колч Агаша.

ПРОВАЛ

Книга четвёртая.
КУРСАНТ АГАПИ

© Колч Агаша, 2018.
© **«СамИздат»**, 2018.

® Все права защищены.
Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

***

Глава 1

Глубоко вдохнула морозный воздух, наслаждаясь его хрустальной чистотой. Мелкими шажками прошла по кругу, любуясь снегом, облепившим ветви деревьев, хрустящим под подошвами моих валенок. Задрав голову, смотрела, как из светло-серой небесной пелены на меня, на окружавший лес, на полянку, на которой стою, планировали большие сероватые хлопья. Чем ниже опускались они, тем светлее становились, а упав на рукав тулупчика, казались обрывками белоснежного кружева, разодранного кем-то высшим на миллионы частиц и выброшенного за ненадобностью.

Когда я остановилась и перестала топтаться, стало так тихо, что было слышно шуршание снежинок, касавшихся друг друга в полёте. Почти каждый день хожу на эту полянку слушать лес и снег. Узенькая тропинка в триста шагов от ворот до малюсенького пятачка утоптанного снега и назад — мой привычный маршрут для прогулки.

— Агуня! Агуня!, — донесся зов кота.

Филипп предпочитал совершать свой недолгий променад на высоком крыльце избы, в которую мы заселились две недели назад, а не шастать по глубоким рыхлым сугробам. Еще он очень не любил, когда я исчезала из виду, а полянка хоть и была недалеко, но из-за деревьев не была видна.

«Иду!», — отправила ментальный посыл котейке, но пошла не назад, а чуть в сторону, к густым зарослям смородинника.

Поклонилась кустикам в пояс и попросила разрешения срезать немного побегов, чтобы отвар душистый сделать. То ли ветерок пробежал по полянке, то ли и впрямь смородина дала «добро», но качнулось несколько веточек, стряхивая с себя снег. Их и срезала захваченным острым ножичком, оставляя почки для выгонки новых побегов.

— Ну что ты раскричался, как маленький?, — ворчала я на фамильяра, обметая веничком снег, налипший на валенки. — Куда я от тебя денусь?

— Лес кругом. Скоро темнеть начнёт. Придут мороки и волки. Мне страж наказывал присматривать за тобой.

— Пусть придут. Ограда у нас крепкая, ворота я заперла, крыльцо охранным заклятьем закрыла. Занавесочки задёрнем, светлец запущу, и будем… Чем ты хочешь заняться, котофеич?

— Услышать, наконец-то, как ты до жизни такой докатилась.

Наивно полагала, что перенос случится сразу после моего согласия и, оставшись наедине с Филиппом, смогу выплакаться, облегчая душу. Оказалось, что всё непросто. Моему разочарованию не было предела, когда узнала, что необходимо пройти курсы и сдать экзамены наблюдателя с адаптацией к местным условиям.

Подготовкой занимался старший уполномоченный межгалактической тайной стражи лэр рес Плой лично. Наверное, потому, что я наотрез отказалась встречаться с кем бы то ни было еще. Мою русскую лексику и речевой стиль пришлось корректировать, чтобы соответствовать духу времени.

— Иначе тебя народ местный не поймёт. Да и ты их тоже, — объяснил Инк, облегчая мне головную боль после очередного сеанса гипноурока. — Обычаи, традиции и ритуалы, чтобы не путала. Вдруг на тризне попросишь гусляров плясовую исполнить.

Обязательным знанием наблюдателя был и пантеон местных богов, которые не сидят себе где-нибудь на острове Буяне, а промеж людей крутятся. Хоть я и была старательной ученицей, но надеялась, что старенькую, страшненькую, хроменькую бабушку никто из высших визитом не осчастливит. Нет у меня желания с ними лично знакомиться. Но самым неожиданным было изучение технического устройства избушки и средств передвижения.

— Изба и есть изба. Четыре стены, печь, труба, окно. Что там изучать? В какую сторону двери открываются, что ли?, — ворчала, открывая толстенную книгу под названием «Инструкция по эксплуатации ИС-4(У)». — Эта аббревиатура что-то значит или понтов ради?

— Изба Стационарная. Четыре — количество жизнеобеспечивающих агрегатов, стилизованных под опоры. «У», — усовершенствованная, — ответил мой инструктор. — Отвыкай от сленга, туристка. Переходи на адаптированную речь.

— Баба-Яга против! В образе вредной старухи мне всё можно, — огрызнулась, углубляясь в чтение, но после попытки понять содержание двух первых абзацев взмолилась: — Можно это на человеческий язык перевести?

— Что непонятно?

— Всё!

Умение писать инструкции понятными для обычных пользователей — великий талант, которым владеет редкий инженер. Они чаще всего, чтобы окончательно запутать читателя в деталях и процессах, используют узкоспециальные термины и понятия. И вот уже отверстие становится «функциональным проёмом», а крепления называют «метизами». Поэтому, сохраняя

уважение к собственному интеллекту, техническую литературу не читаю.

— Тут написано, что…, — Инк посмотрел на Филиппа, готового слушать краткий курс по эксплуатации изб, и отодвинул «Инструкцию». — Провожу вас и покажу, где и что перекрывать в случае поломки. Правда, за время моей работы в земном секторе такого не бывало, но с твоим везением…

Следующим пунктом подготовки были курсы управления ступой. Для этого лэр уполномоченный перенёс нас на какую-то пустошь, где стоял готовый к эксплуатации летательный аппарат.

— Думаю, что не сложнее, чем автомобилем рулить, — самонадеянно предположила я. — Тем более, что правил движения нет, и в полёте не с кем столкнуться.

— Ну, попробуй, — предложил Инк, полагая, что для меня лучшая учёба — это бег по граблям.

— Сначала инструктаж по пилотированию и технике безопасности, — я всё же решила быть осторожной.

— Всё просто. Залезаешь внутрь…

Ступа была мне по шею, и даже заглянуть в неё я толком не могла, не то что залезть. Кот, топтавшийся на моем горбу, видел больше, поэтому прокомментировал:

— Темно, как у… кхм… Короче, темно.

Повернулась к инструктору, сложила руки на впалой груди и, пытаясь напугать, зыркнула из-под кустистых седых бровей. Личину попросила наложить ещё в первый день подготовки. Чтобы привыкнуть к себе новой и не шарахаться от случайного отражения. Из седого парика и платка смастерила шапочку под стать хорошо продуманной мною и великолепно исполненной архимагом иллюзии лица Бабы-Яги. В моём недодраконовском теле процесс теплообмена явно сбился — я постоянно мерзла. Даже в атмосфере тёплой влажности Океана вечерами кутала ноги в плед. Поэтому с удовольствием носила и шапочку, и юбку из грубой шерстяной ткани неопределённого цвета, и лохматую кацавейку из меха неизвестной мне зверюги. В багаж обязательным условием потребовала добавить четыре комплекта термобелья телесного цвета. Кто знает, что там за избушка. Может, из всех щелей дует.

Мой хмурый вид Инка не впечатлил никак. Тогда я скомандовала Филиппу:

— Давай!

Конечно же, мне не было видно, как кот, занявший вершину горба, выгнул спину дугой, распушил хвост и утробно завыл, но знала, что комплектом с моими вытянутыми к нерадивому инструктору хищно скрюченными пальцами с чёрными ногтями,

на концах которых мерцали голубые разряды, и рыком, в унисон фамильяру, испугать могло…

Эту мизансцену мы с котейкой отрепетировали, стоя перед зеркалом в ванной комнате, когда рес Плой полдня мотался где-то по своим делам.

Страж, не ожидавший от нас подобного, сделал пару шагов назад:

— Но-но! Я при исполнении.

— Так исполняй, а не морочь голову бедной старушке!

Летать нам с Филиппом понравилось. Правда, руки от тяжёлого песта, служившего рулём, быстро уставали, и мы поначалу пару раз чуть было не перевернулись. Но перспектива высыпаться с высоты десяти метров на каменистую поверхность быстро мобилизует и придаёт силы.

— Ну, нормально. Немного практики — и будете асами, — похвалил Инк, помогая открыть узкую дверцу, через которую можно попасть внутрь ступы, и принимая из уставших рук пест.

Переход в Дремлесье совершали с пересадкой. Первый портал страж открыл на планету, где располагалась штаб-квартира Межгалактического Совета. Именно оттуда через мощные стационарные порталы можно попасть в любой известный мир, введя соответствующий код координат. Мы с Филиппом сидели в зале ожидания, мало чем отличающемся от земных вокзалов и обстановкой, и атмосферой. Кто-то в нетерпении, ожидая своей очереди, прогуливался вдоль рядов кресел, кто-то, сидя в этих креслах, спал, кто-то суетливо перебирал багаж, пытаясь убедиться в том, что ничего не забыл, а кто-то бежал к объявленному порталу. Вручив мне большую чашку кофе, архимаг ушёл по своим делам. Как ни убеждал он меня, что моя образина и горб не привлечёт ничьего внимания, но перед уходом из Замка я вытребовала себе объемную накидку с капюшоном и плотно в неё запахнулась, опустив колпак пониже. Сейчас, рассматривая пассажиров, поняла — Инк был прав. Вряд ли кого-то заинтересовало бы моё страхолюдное обличие в таком многообразии форм разумной жизни. В огромном здании межгалактических переходов гуманоидные преобладали, но в толпе встречались и такие расы, что я не могла причислить их какому-то виду. Пару раз в суете мелькали точные копии меня, правда уменьшенные вполовину. Такие же накидки с низко надвинутыми капюшонами, такие же горбы… Гномы, что ли?

— Пойдемте. Наша очередь через три отправления, — провожатый легко подхватил тяжеленную дорожную сумку и поспешил к ближайшему порталу.

«Всё же хорошо, что он решил нас проводить — я бы здесь растерялась, заблудилась и потерялась», — поделилась с котом впечатлениями.

«Работа у него такая», — отмахнулся Филипп.

Отчего-то они с Инком друг друга недолюбливали. Открыто не конфликтовали, но холод в отношениях был заметен невооружённым взглядом. Меня это смешило, но вида не подавала — пусть сами разбираются, кто из них альфа.

Одеться потеплее заранее не додумалась, поэтому после переноса замёрзла мгновенно. Выход портала был в пристроенном к избушке сарайчике для мётел, лопат, вёдер и всякого огородного инвентаря, идти до крыльца всего десять шагов, но мне показалось, что я уже обморозилась. Страж, видя моё состояние, подхватил на руки и, разметая магией сугробы, завалившие тропинку, стремглав бросился в дом.

«Вот как у него всё получается? Расстилаются дороги, распахиваются двери, — думала я, когда он укладывал меня на тюфяк тёплой печной лежанки и укутывал в лоскутное одеяло. — Как хорошо быть архимагом».

Избушка выглядела запущенной. Тепло поддерживалось автоматически, а вот порядок надо наводить регулярно. Но, похоже, моя предшественница об этом не заботилась. Яркие обёртки, пустые бутылки, засохшие огрызки валялись везде, где была горизонтальная поверхность: на подоконниках, столе, лавках и затоптанном полу.

— Заклятие на вынос мусора помнишь или мне навести порядок?

— Справлюсь. Лучше с маготехникой познакомь, — прохрипела я, сползая с лежанки.

Иной раз сама своего голоса пугалась, поэтому старалась говорить меньше. Вот и сейчас не поймешь — то ли уже простудный хрип, то ли настроением разбитый сип. Инк, не обращая внимания на мои эмоции, как заправский гид, начал обзорную лекцию по пространству, в котором мне предстояло жить.

— Изба стационарная установлена на четыре опоры, которые обеспечивают полную автономную жизнедеятельность. Запас обеспечения магосилой максимальный. Все части выполнены из негорючего материала с высоким коэффициентом прочности к перепадам температуры, а также к внешним и внутренним силовым воздействиям. Все предметы практически неотличимы от местных материалов. С лестницы и крыльца вы попадаете в «холодную» часть дома, разделённую на три части. Центральная

— сени. Налево — кладовая с продовольственными запасами, магически надёжно защищенная от грызунов и прочих вредителей. Направо — клеть для верхней одежды, дров, ступы и всего, что может храниться в холоде и не нужно в избе. Пройдя через сени, вы заходите в «тёплый дом». Справа от входной двери, как видите, печь. Дрова можете не жечь — отопление и нагрев плиты от одной из опор, которая… Впрочем, это лишняя информация. Лежанка, которую ты уже опробовала, удобная — невысокая и тёплая. Температура в доме регулируется вьюшкой, — страж взял палку, показал, как двигается устройство.

— Закрыла — будет теплее, открыла — прохладнее. За углом кухонный кут. В шкафчике посуда. Сундук под ним — грузовой мини-портал. Можешь заказывать продукты, необходимые вещи, отправлять письма и посылки, но не более десяти килограммов в день. Здесь ухваты, кочерга, совок для золы. Встроенным пультом в этой печурке настраивается жар печи и плиты. Вот здесь удобства, — Инк нажал неприметный сучок, и часть печи повернулась, открывая маленькую комнату с душем, умывальником и унитазом.

— Чтобы по морозу не бегать в домик на окраину огорода. Обеспечивает сбор и очистку отходов одна из опор. С остальным всё понятно: широкие лавки вдоль стены и под окном могут служить спальными местами для гостей. В сундуке побольше — подушки и одеяла. Тот, что поменьше, — для твоих вещей и одежды. Ну и стол. Всё в наличии, только грязное. Начинайте обживаться, а я пошел, если вопросов нет.

Вопросов не было. Рес Плой поклонился и вышел, чтобы через портал в сарае вернуться к своим делам.

Так началась наша жизнь в Дремлесье. Заклинанием очистила избушку от грязи, пыли и мусора. Грязные полотенца, постельное бельё, занавески и половички вынесла в клеть и наложила заклятие очищения. Пора было подумать о хлебе насущном, но кладовка была пуста.

— Филипп, как думаешь, чем питаются зимой Бабки-Ежки?

И мы принялись составлять список необходимых продуктов.

— Мясо запиши!

— Вот же написала: обработанная тушка птицы. На бульоне суп сварим, и для тебя мясо будет.

Список был большой, но я строго отслеживала вес заказанного, чтобы вместиться в норму. Открыла сундук, положила лист, закрыла крышку, принялись ждать. Минут через сорок мелодичный перезвон возвестил об исполнении заказа. Нетерпеливо заглянула в короб. На дне сиротливо жались друг к другу тушка курицы, холщёвый мешочек пшёнки, две луковицы и

три крупных морковки.

— А где всё?, — возмущённо мявкнул кот.

Развернула список, который вернули с заказом. Большая часть пунктов была вычеркнута, и резолюция через весь лист:

«Вещи и продукты, чуждые эпохе и миру, не доставляются!»

Размашистая неразборчивая подпись чиновника, оставившего меня без кофе, шоколада, сыра, ветчины и печенья. Интересно, как получала моя предшественница спиртное и еду в современных упаковках?

Со временем научилась формулировать заказы так, что их в основном исполняли. Например, просила не пачку сливочного масла, а кувшинчик коровьего. Не оливковое или подсолнечное, а растительное. Не бекон, а окорок. Не картошку, а репу или брюкву. Наша кладовка заполнялась, я придумывала новые рецепты из тех продуктов, которые были доступны.

Правда, нам с Филиппом много не надо. Только кофе по утрам для полного счастья…

Все остальное меня вполне устраивало. Никто не отводил смущенно или неприязненно взгляда от моего искалеченного тела и страшного лица, было время для изучения травников, небольших прогулок и размышлений.

Жили мы дружно.

Когда я занималась, кот с удовольствием слушал рассуждения о свойствах различных трав.

Когда отдыхала, любил играть в «города», в «крестики-нолики», которые рисовали щепочкой на песке, насыпанном в большое глиняное блюдо, в различные варианты «Слов».

— Как мне тебя называть?, — спросил меня как-то Филипп.

— В смысле?, — не поняла я вопроса.

— «Эй, ты!», — неприлично. — Мышью, как дерево…

— Древо, — автоматически поправила фамильяра.

— …это парадокс, — не реагируя на замечание, закончил кот. — Туристкой? Кстати, а чего он тебя так зовёт?

— Потом расскажу. В этих мирах меня знают как Агапи. Правда, коверкают на все лады. На Океане я — Агпи. У них такая птичка есть. На Драконниде я — леди Агпия. Здесь буду Баба-Яга.

— Мне не нравится! Во-первых, ты не баба. Во-вторых, Яга — это общее понятие. У тебя должно быть личное имя, — пока я отходила от шока — мой кот знает древнеславянскую мифологию и умеет считать, — тот что-то бормотал себе поднос.

— Придумал! Ты — Агуня.

— Хоть горшком назови, — равнодушно пожала плечами и пошла готовить ужин.

Глава 2.

— Избушка, избушка, встань по-старому, как мать поставила!, — заорал кто-то у ворот так, что в кладовке охнули крынки.

— Кажись, к нам гости, — потянулся Филипп, отрываясь от чтения.

Утром он поставил меня в известность о том, что решил научиться читать. На русском. Вдруг пригодится, пока мы здесь.

— Лапушка, старославянский — не совсем русский.

— Что, совсем не похоже?

— Давай я тебя научу современному алфавиту, а похоже или нет — ты сам разберёшься.

Достала из сундука контрабандные тетрадь и стило и принялась писать печатные буквы, сразу же называя и слова, которые начинаются на озвученный знак.

— «А», — абзац, — показала в книге, о чем говорю.

— Абразив, — притащила из кухонного закутка камень, на котором правила ножи.

— Акула, арбуз, алыча, абрикос… Помнишь, у нас под балконом два дерева абрикоса росли? Весной цвели красиво…

— Мало что помню из прошлой жизни. Как сон. Не отвлекайся, давай дальше.

— Бэ — так читается «б». Белый, больной, баба, берёза, — написала слоги. — Сможешь прочитать?

— Ба-ба. Это не сложно.

— Вэ — так читается «в». Ведро, веник, ворота…

Филипп оказался способным учеником, и после обеда пришлось написать для него небольшой рассказ на злободневную тему нашего уклада. Кот читал, а я писала письмо деду с извинениями и просьбами.

Горлопан не дал дописать послание, над которым я билась, подбирая слова, чтобы объяснить свое поведение. Уходя в Дремлесье, так и не решилась попрощаться с Тесшасом лично. По возвращении с Острова слёзно умолила Инка смотаться в учебку, чтобы передать записку деду с обещанием, что при первой же возможности навещу его. Не хотелось мне вешать свои заботы и эмоции на дракона. Ему и так сейчас несладко. Не хватает только внучки-мутанта.

Второе письмо, с инструкцией относительно чоттов и клипсами для ментальных переговоров, попросила передать кухарке Наве.

Сунув ноги в валенки, с головой закуталась в одеяло,

нагретое на лежанке, и вышла на крыльцо. Парень был под стать голосу: высокий, широкий в плечах, с кулачищами больше моей головы.

Но брутальность портила излишне смазливая мордаха. Из-под шапки живописно выбивались длинные белокурые пряди. Большие голубые очи, затененные длинными густыми ресницами, не искрились интеллектом, беззастенчиво разглядывали моё подворье. Румянец во всю щёку, пухлые алые губы, растянутые в улыбке, жемчужные — один к одному — зубы, как у модели в рекламе здорового образа жизни: живая иллюстрация к пословице «Сила есть — ума не надо».

— Чё надо? Глотку дерёшь, зверьё лесное пугаешь. Иди, откуда пришёл!, — рявкнула я на гостя, магически усилив голос.

Парень оказался не из трусливых. Другой бы от моего рыка, подкреплённого внешним видом, драпал без оглядки, а этот стоит, улыбается. Вспомнились слова, что учили в школе: «Безумству храбрых поём мы песню». Вот только петь я не собиралась.

— Ах ты, старая карга! Добра молодца приветить надо, в баньке попарить, напоить-накормить, а не хаять с крыльца, в дом не пустив, — подбоченился красавчик. — Будет тебе известно, хрычовка, что я сын царский.

— Оно и видно, что мажор дурно воспитанный. Тебе здесь не гос… не постоялый двор, а частная территория. Иди подобру-поздорову, а то… как выскочу, как выпрыгну, полетят клочки по… кустам и деревьям.

Парень потоптался, почесал затылок и сменил пластинку:

— Бабулечка-красотулечка, пусти в избушку погреться, — и после паузы добавил: — Студёно очень. Замёрзну ночью.

Короткий зимний день и в самом деле наливался густой синевой в тенях между деревьями и сугробами. Еще час — и упадёт тьма, выйдут на охоту мороки и волки. Сожрут царского детёныша неразумного, а мне грех на душу брать не хочется.

— Ну заходи, — и, не спускаясь с крыльца, магией отодвинула тяжёлый засов калитки. — Куда несёшься, оглашенный? Затвори за собой.

Царевич послушно вернулся к ограде, заложил запор на место, подергал, проверяя надёжность, и побежал к крыльцу.

— Веник в углу, снег здесь стряхивай. Шубейку в клеть повесь, — распорядилась я и пошла в дом.

К ночи холодало.

— Кто там?, — спросил кот.

— Царевич, — коротко ответила и стала убирать со стола бумагу и стило.

Негармонично они смотрелись в домике тёмной старухи.

— Зачем пустила?, — ревниво заворчал Филипп.

— По инструкции положено. Мы с тобой только зовёмся наблюдателями, а по сути — шпионы Совета. Наша задача собирать информацию, писать и отправлять отчёты. Отпрыск царский — носитель информации. Понял? И еще… Ты, пожалуйста, помолчи, пока он здесь. Ментально пообщаемся.

Недовольный фамильяр прошелся по лавке, перепрыгнул на лежанку и свернулся пушистым клубочком, спрятав нос в шёрстку. Но я видела приоткрытую щёлку жёлтого глаза. Бдит.

— Мир вашему дому, хозяюшка, — протиснулся в дверь гость.

— Проходи, садись, добрый человек, — кивнула на лавку, а сама присела на лежанку рядом с Филипом. — Рассказывай, чего тебе дома не сидится. Какая нужда в такую погоду шляться по лесам?

— Бабушка, ты бы меня сначала в баньке попарила, накормила, а потом уже и расспрашивала.

— «Наша песня хороша, начинай сначала». Знаю я вашего брата. Ты поешь и уснёшь, а утром уйдёшь. Сейчас рассказывай!

— Сестра моя сбежала. Василиса Премудрая. Мы с ней близнецы, но я старше. К ней царь Кощей посватался, а она сбежала. Вот иду возвращать. Ишь чего надумала — политику мне добрососедскую портить! Найду, за косу домой приведу.

Парень со злостью стукнул кулаком по лавке, и та жалобно скрипнула. Пора отвлечь царевича от проблем, а то он меня без мебели оставит.

— А тебя как зовут, милок?

— Василий Прекрасный, — горделиво задрал нос царевич, шаря глазами по стенам в поисках зеркала.

Не найдя, опять заныл:

— Есть хочу!

— Так у меня нет ничего. Гостей не ждала. Нам с котиком много не надо, запасы кончились, — скорбно повздыхала я.

«Нечего прикармливать. Быстрее уйдёт», — ответила на вопросительный взгляд фамильяра.

— Так у меня есть, из чего готовить!, — царевич вскочил и кинулся к двери.

Вернулся с тощей походной торбой. Помогая себе зубами, распутал узел и вытряхнул на стол сову.

— Вот, подстрелил в лесу. Ощипай, из потрошков суп свари, а тушку запеки, — распорядился «охотник».

— Разве сов едят?

— Когда есть нечего, едят всё!, — авторитетно заявил парень.

— Даже кота твоего съесть можно.

Филипп мгновенно закончил притворяться спящим, прыгнул мне на спину и скомандовал:

«Давай!»

Мы повторили отрепетированную композицию «Умри, несчастный!», которую я дополнила словами:

— Это я тебя сейчас съем! Вырву сердце и скормлю Фильке!

Хорошо быть героем на безопасном расстоянии, да еще и за оградой, а вот когда скрюченные пальцы с чёрными птичьими когтями тянутся к твоему горлу, а перед глазами — оскаленная пасть с крокодильими зубами…

Василий побледнел и по лавке скользнул в угол. Осознав, отчего скольжение было таким стремительным, царевич покраснел. А я, демонстративно зажав иллюзорный нос, отвернулась.

— Шёл бы ты отсюда…

— Куда?, — робко спросил парень, понимая, что с мокрыми портками на морозе ему придётся туго.

— В баню!, — рявкнула я и, немного смягчившись, добавила: — Хотел же с дороги попариться. Там штаны в щёлоке постираешь, да на полке разложишь. Глядишь, к утру просохнут.

Вся спесь с моего гостя стекла вместе с мочой. Он даже меньше ростом стал и потускнел как-то. Прихватив торбу, пятясь спиной вдоль стены, выскочил в дверь. Простучали каблуки красных сапог по ступенькам крыльца, заскрипел снег на дорожке, хлопнула дверь баньки.

— Слабак!, — констатировал Филипп и вернулся на лежанку.

Инструкцию по пользованию баней заказывала специально. Поломав голову над тарабарщиной терминов, с трудом разобралась, как эксплуатировать приятное приложение к избушке. Размела сугробы, очистив дорожку, и пробралась внутрь заброшенной мыльни.

Наводя порядок, в предбаннике наткнулась на дистанционный пульт управления. Методом научного тыка разобралась и с ним. Подумаешь, разочек устроила небольшой потоп, не поставив водозабор на автомат, и однажды чуть было не изжарилась, не поняв, как фиксировать верхний предел температуры.

Зато теперь по настроению и желанию расслабляюсь в парилке, пользуя вместо контрастного душа сугробы.

Услышав от царевича «В баньке попарь», пультом включила режим нагрева воды и каменки. Так-то она всегда тёплая, даже ночевать можно, но на пар, даже лёгкий, не тянет. Мне не тяжело, а в доме не будет вонять походным потом.

Вызвав из клети ведро и тряпку, убрала последствия нашего с Филиппом представления.

— Аккуратнее надо бы, а то ненароком до инфаркта кого доведём. Куда потом труп девать будем?, — ворчала я, отправляя инвентарь назад.

— Агуня, — позвал меня кот, сидевший на столе около птицы. — Она живая.

Сова и вправду открыла глаза. Лёжа на левом боку, она оглядывалась, осторожно поворачивая голову. Правое крылышко, измазанное в крови, безжизненно лежало вдоль тела.

— Эх ты, горемыка! Как же тебя угораздило? Дай посмотрю крылышко. Не бойся, трогать не буду, просто просканирую.

Закрыла глаза и провела над тельцем рукой. Ладонь щипнул легкий удар энергии, а перед глазами появилась рентгеновская картинка скелета. Обе косточки предплечья крыла были сломаны. Френки бы вмиг всё вылечила, а у меня целительской силы мало. Придется крыло фиксировать.

— Филипп, ты сможешь её мягко подержать? Надо кости немного сдвинуть, а это больно. Боюсь, что дергаться будет и навредит себе еще больше.

Но сова так энергично закрутила головой, что я задумалась:

«Разумная, что ли? Прямо не изба Бабы-Яги, а цирк со зверями. Кот говорящий и сова».

— Ты понимаешь меня?, — на всякий случай спросила птицу.

Кивает.

— Пусть тебя кот подержит. Больно будет. Вдруг ты дёрнешься.

Опять отрицательно крутит головушкой, вытаращив глаза.

— Ну смотри, я предупредила.

Закрыла глаза и на магическом зрении принялась врачевать. Старалась делать быстро, но навыков особых нет, и руки как крюки.

Птица терпела, но, когда я закончила фиксировать кости и приматывать крыло к тельцу, ослабла окончательно. Она лежала на столе, закрыв глаза, и дышала через приоткрытый клюв.

— Бедняжка… Мало мы его напугали!, — кот погладил лапкой птицу по голове и спросил: — Куда ты её пристроишь? Избушка маленькая, спрятать негде.

— Давай в туалете? Там тепло и покойно. Положу в корзинку и повешу на крючок для полотенца.

Так и сделали.

В наших запасах давно уже хранилась тушка неизвестной птички. Побольше перепелки, но меньше курицы. Когда мы её получили на заказ по пункту «тушка птицы, готовая для

приготовления», то единогласно и не раздумывая хотели отправить назад. Птица явно умерла своей смертью. После тяжёлой и продолжительной болезни. Но что-то меня удержало от возврата. Так и морозился трупик на дальней полке кладовки, пока царевич совиных потрошков не захотел.

— Тьфу! Тьфу! Гадость какая! Что это?, — отплёвывался Василий от гадкого привкуса после двух ложек супа из «совы».

— Похлебка из дичи, что ты принёс, — смиренно ответила я, поглаживая Филиппа.

Не стану же я ему рецепт рассказывать, при помощи которого заведомо испортила варево. Вдруг суп из неведомой птицы понравился бы и ввел бы царевич моду на сов охотиться. А мне такая затея не по душе — «Баба-Яга против!».

Вот чугунок выбрасывать придется, как и тарелку с ложкой. Хорошо, что я их нашла во время уборки в клети среди хлама и мусора. Запас, как говорится, карман не тянет да может сгодиться.

— Больше есть нечего?, — тоскливо спросил гость, отталкивая от себя тарелку.

Сползла с лежанки, пошаркала в кухонный закуток, вернулась с кружкой отвара из смородиновых веточек. Рядом два сухарика ржаных положила.

— Почему Василиса не хочет замуж за Кощея?

— Потому што дура, — катая во рту сухарь, ответил царевич. — Штарый, говорит, и штрашный. Не думает, что шарство у него больше нашего. И армия шильнее. Наслушалась шказок. Говорит: по любви шамуж пойду. Нерашаль… Не, не так… Нераш…

— Нерационально?, — подсказала, удивляясь, откуда Василий слов таких нахватался.

— Вот!

— Бедная девочка. Как же она по такому морозу и снегу одна в лесах?, — пожалела царевну.

— Ничего ш ней не штанет! Она Шивку угнала. Знаешь, какой шеребеш? Другого такого во вшём швете нет!

— Одна шерстинка серебряная, другая золотая?

— Вот! Даже ты слышала, — встрепенулся Василий и, кажется, сухарь целиком проглотил от возбуждения.

Потому что шепелявить перестал.

— Конь — огонь! Бежит — земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Теперь за ней и не угнаться.

— Так где же ты её сыщешь, когда она на таком коне?

— Она к тётке нашей подалась. Больше некуда, — сонно пробормотал царевич и повалился на подушку, которую я заранее

положила на лавку.

Заснул и захрапел. Вынесла на крыльцо и поставила в сторонку испорченный чугунок, прикрытый тарелкой. Надо бы за ограду, но ночью за ворота выходить опасно — там мороки и волки.

Убрав со стола, ширмой, чтобы свет гостя не разбудил, поставила заслонку от печи и села дописывать письмо деду.

«Дорогой Константин Макарович…»

Да, это про меня. Как же хотелось быстрым росчерком стила вывести: «Дедушка, забери меня от сюда, Христа ради! Хватит, погостила. Сил нет терпеть боль одиночества, страх перед будущим и отсутствие кофе».

Конечно, написала другое: «Всё прекрасно! Здоровье хорошее. Избушка уютная. Еда отличная. Погода замечательная. Курорт пятизвёздочный, не меньше».

Не перечитывая, запечатала, подписала и бросила в сундук доставки.

Зашла навестить совушку.

— Чего не спишь? Крылышко болит? Пить хочешь?, — принесла в большой ложке воды, подержала, чтобы удобнее было жажду утолить. — Ты, птичка, не переживай. Всё хорошо будет. Крыло заживёт, я тебя выпущу. Потерпи, глазастая.

Спала плохо. За оградой выли волки. В избушке храпел Василий. На лежанке шипел раздражённый Филипп. В корзинке шуршала сова.

Невыспавшаяся и от этого злая, встала и, ненадолго заглянув в уголок за печкой, принялась готовить завтрак. Принесла из кладовки чугунок гречневой каши с грибами да крынку простокваши. Замесила тесто и, пока оно подходило, накрошила лука побольше, обжарила в сливочном масле и смешала с гречкой. Лепила пирожки под пристальным взглядом проснувшегося царевича.

— Что смотришь? Иди в баню за портками да сапогами своими. Нужник там рядом.

Вчера из бани гость прибежал босым, набросив на распаренное тело свою шубейку походную. То, что должно быть прикрыто отсутствующими штанами, пряталось под длинной, ниже колен, рубахой.

— Сапоги тоже пусть просохнут, — объяснил следы от мокрых ног парень.

Пожала плечами — мне-то что. Пусть сохнут. Прошептала заклинание на уборку, тряпка, что лежала у порога, все подтёрла и на место улеглась.

Сегодня бегать по снегу голыми ногами царевич явно не

хотел. Но тело требовало утреннего уединения, а с ним не поспоришь. Кряхтя и ворча себе что-то под нос, Василий поспешил на улицу.

Спокойно долепив пирожки, посадила противень в печь и занялась составлять сбор для утреннего отвара.

— Ты говорила, что у тебя нет ничего съестного, — попенял вернувшийся парень.

— Вчера не было.

После умывания на светло-русых прядях и на щетине блестели капельки воды, а румянец вспыхнул, как утреннее солнышко за окном. Сапоги и чистые порты добавили уверенности и наглости.

— Что есть в печи — на стол мечи!, — заявил он, присаживаясь на лавку.

— Твоё хлёбово на крыльце стоит. Можешь в дорогу взять.

— Что же ты меня на дорожку и не покормишь?

— Покормлю. Отчего же не накормить. Только ты мне, мил человек, заплати.

— Так у меня нет ничего. Поистратился в дороге.

— Расскажи мне о царстве Кощеевом всё, что знаешь. Это и будет твоя плата.

Глава 3.

— Царство Кощеево…, — начал свой рассказ Василий хорошо поставленным голосом.

Похоже, что ораторское искусство входит в обязательную программу обучения царевичей.

— …находится на северо-западе обитаемого пространства Дремлесья. Называется по имени царя правящего, но Кощей — прозвание, а не имя. Мой дед рассказывал, что когда он маленьким был, то слышал историю о Кощее, как тот в Дремлесье попал. Его же недаром Бессмертным кличут. Он пережил уже не одно поколение дремлесовцев. Так вот…

Было это тогда, когда дед моего деда был отроком. Порубежное нашему, государство царя Карачуна было много меньше, чем сейчас, но славилось богатством и миролюбием. Выход к морю давал купцам карачуновским возможность торговать с дальними странами, посылая ладьи за тридевять морей. Туда везли наше исконное: ткань льняную, меха, воск, рыбу солёную в бочках. Домой привозили ковры, шелка да парчу узорчатую, зерцала из стекла гладкого, скакунов тонконогих, фрукты редкие. Однажды из похода привезли мальчика. Как сухарь сухой и тёмный — кожа да кости. Слова нашего не понимал и сам лопотал непонятное. Мореходы подарили мальчика царю как забавную игрушку за то, что штуки удивительные своим телом он делал. Складывал руки и ноги так, что понять нельзя было, где колено, а где локоть. По углям босым ходил и, согнув ноги калачом, парил над ковром недолго. Много разного делал, что раньше не видели, за это Карачун приблизил к мальчонку к себе. Имя если у него и было, то не знал никто, поэтому звали Кощей, что значит «пленник». Правда, рос он не как невольник, а вместе с царскими сыновьями — погодками Бославом и Драговитом. Все науки и премудрости на равных с ними учил. Разум имел быстрый и изворотливый, но хилое тело — меч поднять не мог. Пока Карачуновичи осваивали ратное мастерство, Кощей в башне у чародея отирался да в библиотеке в свитках старинных копался — магию изучал. Потом началось странное. Сначала в столице, а потом и в окрестностях стали ведуны и колдуньи умирать. Как поветрие пронеслось. Причину не знал никто. Не болели, не лежали, но оставались от них только тела высохшие. Чародей царский мрачнел после каждого случая больше и больше, а когда нашли труп сильного волхва, жившего уединённо на опушке леса, сказал Карачуну…

— Бабушка, у тебя пирожки не сгорят?

— Что он сказал?, — не поняла я резкого поворота событий.

— Это я спрашиваю, — сглатывая голодную слюну, ответил Василий.

— Тьфу ты! Такой рассказ испортил, — цыкнула зубом и похромала в закуток к печке.

— Так что дальше было?, — спросила, когда царевич, сожрав почти всё печево, выставленное на стол, отвалился и сыто рыгнул.

Допив отвар, гость перевёл дух и продолжил рассказ:

— Так вот… Чародей предупредил царя, что в их государстве появился колдун, который копит силу, выпивая её из ведьм и волхвов, но Карачуну не до того было — у него сыновья пропали. Поехали на охоту, погнались за вепрем и не вернулись. Свита с ног сбилась, все следы изучили, но найти не смогли. Отец от горя слёг и вскоре умер, не оставив завещания и наследника. На третий день после похорон боярская дума собралась, чтобы выбрать нового царя. Каждый род предлагал своего выдвиженца, с которым не соглашались остальные. В зале уже летали клочья волос, вырванных из бород, когда Кощей вошел в зал, сел на трон и сказал:

— Тихо!

Те, кто там был и выжил, рассказывали потом, что от его голоса мороз по коже пробежал и все замерли. Многие разом поняли, что спор окончен, ибо пришёл новый царь. Но были такие, что продолжили бузить. Они собрались в группу и дружно возмущались, поглядывая в сторону занятого трона. Кощей просто вытянул руку в их сторону, и они упали. Замертво. Все. Так началось его правление. За эти годы в его царстве не осталось волхвов, ведунов, колдунов и знахарей. Кого-то выпил, кто-то сбежал подальше. Зато значительно прибавилось земель и владений. В последнее время войска соседей всё чаще стали появляться у наших рубежей, что беспокоит государя отца нашего. Седьмицу назад прибыли послы звать Василису замуж за Кощея. До неё у него было пять или шесть жён, а сейчас царь вдовствует.

Вспомнив о сбежавшей сестре, парень нахмурился, вздохнул и засобирался.

— Надо вернуть дуру. Думает только о себе, а не о государстве нашем.

— Зачем Василисе о вас радеть, если вы её за Кощея отдать хотите?

Ответом гость меня не удостоил. Подхватил со стола оставшийся пирог, сунул его в торбу и вышел в сени. Зашуршал

там шубейкой, остывшей на морозе, и хлопнул входной дверью.

— Ни тебе спасибо, ни мне до свидания, — прокомментировал Филипп его уход.

— Пойду калитку закрою за гостем, — предупредила кота, завернулась в нагретое на лежанке одеяльце и вышла на крыльцо.

Картина, открывшаяся с высокого крыльца, была эпичной. У ворот царевич, вооружившись деревянной лопатой, расчищал пространство от сугробов, скопившихся за зиму. Увидел меня, остановился и сказал:

— Хорошо, что вышла. Ты это… Забудь, что я тебе рассказал. Батюшка приказывал секретно Ваську привести. Чтобы до Кощея не дошла весть о её побеге. Помалкивай! Поняла?

— Поняла. Сугробы расчищаешь в качестве платы за молчание моё?, — хихикнула я.

— Ещё чего! Ковёр расстелить надо — иначе не взлетит.

Василий осмотрел расчищенный участок, достал из торбы пёстрый комочек, встряхнул…

На землю лёг яркий шёлковый платок, украшенный по углам кистями. Парень, отряхнув сапоги, встал в центр, прошептал что-то типа: «Земля, прощай!»

Измятая ткань расправилась, приняла жёсткую форму, словно лежала на столешнице.

«В добрый путь!», — услышала я вторую часть активации артефакта, и ковёр, словно кусок крепкой фанеры, взмыл над землёй, унося царевича за ограду.

— Скатертью дорога, — махнула вслед рукой и вернулась в избушку.

Захватив по пути из кладовки тушку зверька в стазисе, похожего на кролика, пошла кормить свой зоопарк. Совушка не спала. Вынесла корзинку в горницу, поставила на стол.

— Как ты, птичка?

В ответ та вздохнула и беспокойно завозилась. От неё шли непонятные эманации, словно она беспокоится о чём-то.

— Что тебя тревожит, совушка?

Птица уставилась на дверь.

— На улицу хочешь?

Утвердительный кивок. Вспомнила себя, когда безголосая была и жестами общалась.

— Пойдём, горемычная.

Посадила на перила хвостиком наружу и, чтобы не смущать, отвернулась. Солнышко пригревало, и в воздухе неуловимо чувствовалось приближение весны. Виделось оно в слегка посеревших сугробах, в капельках, изредка стекавших с сосулек, в легком мареве над лесом.

— Филипп, ты не знаешь, какое нынче число или хотя бы месяц?, — спросила, устраивая сову в корзине.

— Зачем тебе?

— У нас с тобой день рождения в марте. Хотя не знаю, сколько мне теперь лет. Пятьдесят шесть, двадцать три или двести пятьдесят, — грустно улыбнулась я.

— А мне сколько?

— Тебе шесть лет — ты взрослый мальчик.

Раскроив тушку на части, нарезала мясо маленькими кусочками для совы, побольше для кота, остатки залила водой и поставила варить бульон.

Каждый день как день сурка: «Поели, теперь можно и поспать».

— Пойду погуляю немного, — убавив жар под чугунком до минимума, решила я. — Воздухом подышу, лес послушаю.

— Ты его каждый день слушаешь, — заворчал кот.

Но я уже закуталась в платок, сунула ноги в валенки, набросила тулупчик и похромала к воротам. Стеклянными гранями блестел наст на сугробах под яркими солнечными лучами. Где-то робко пискнула птица, словно пробуя голос. Вот с шуршанием ссыпался снег с ветки. Тявкнула лисица, кажется у них скоро начнётся гон. Обошла полянку по кругу, подышала — и пора возвращаться, а то фамильяр будет сердиться. Прожив в избушке несколько недель, я начала понимать свою предшественницу и полностью оправдывала её побег. У меня хоть кот есть, а она совсем одна была.

Сметая снег с валенок, я прислушалась к звукам, доносящимся из дома.

«Великая Вселенная, пусть это будут мои галлюцинации!», — взмолилась я, узнав голос, доносившийся через две плотно закрытые двери.

Бросив веник в угол, стараясь не скрипеть половицами, я попятилась к ступеням. Спрячусь в бане и пересижу там. Не навсегда же они ко мне в гости завалились.

— Агапи, ты вернулась?, — радостно распахнул дверь Инк, сорвав мой побег.

— Безмерно рада тебя видеть, — проскрипела я.

— Пошли в дом, там тебя ждёт сюрприз.

— Инк, зачем ты привёз сюда деда?!

— Я привез?! Это он меня притащил. Прочитал твоё письмо, залитое слезами, надавил на своего друга председателя Совета Керепа дель Риби, а тот отдал мне прямой приказ сопроводить. Слушай, что ты от него прячешься? Он же те…

Страж не успел закончить фразу. Распахнувшаяся дверь

ударила его по спине, чуть не сбросив с крыльца. На пороге, согнувшись, чтобы пройти в дверной проём, стоял мой самый любимый во всей Вселенной дракон, Тесшас вар Фламери. Обожаемый дед. Он мазнул по мне взглядом и обратился к Инку:

— Может, позвать её? Где в этом лесу гулять в такой холод?, — видя, что архимаг не отвечает, он обратился ко мне: — Уважаемая, моя внучка здесь проживает? Вы её знаете?

Я смотрела в глаза с вертикальным зрачком и молча отрицательно качала головой. Но дед уже внимательно всматривался в меня — вернее, в мои глаза. Это то малое, что не изменилось во мне. Но что можно рассмотреть под кустистыми седыми бровями и сморщенными как у черепахи веками? Дракон рассмотрел:

— Девочка моя! Что за дурацкую личину на тебя нацепили? Инк, сними немедленно! Я хочу видеть свою внучку.

— Давайте в дом войдём. Я замёрзла, — прошептала я, чтобы не пугать деда своим новым голосом.

На столе стоял Торт. Именно так. С заглавной буквы «Т». Взбитые сливки, разноцветные цукаты, шоколадная крошка и засахаренные фрукты украшали творение кулинарного искусства. Рот мгновенно наполнился слюной, и если бы не гости, то вон та вишенка была бы уже съедена.

— С днём рожденья, Агапи!, — дед хотел обнять меня за плечи, но зацепил горб и запутался в седых космах. — Инк, грах тебя забери, сними личину, говорю!

Я взяла Тесшаса за руку, посмотрела в глаза и прошептала:

— Это не иллюзия, дедушка. Теперь я такая.

Дракон опустился на лавку, выдохнул немного чёрного дыма из ноздрей и приказал:

— Рассказывайте!

— …Френки сказала, что надо подождать. Вот я и жду.

— Почему?! Почему ты не пришла ко мне, а спряталась на окраине Вселенной, в мире, куда можно попасть только по спецдопуску?

— Тебе без меня забот хватает. Да что бы я делала в учебке? Выйти никуда не смогла бы. Думаешь, приятно ловить на себе сочувствующие или насмешливые взгляды? Этот мир мой. Пусть другое измерение, но это Земля. Здесь я дома. Не обижайся, дедушка.

— Одной в лесу лучше? Инк, это безответственно!

— Лэр, Агапи ничего не грозит. Ограда — надёжный магический периметр от проникновений. Если не будет шляться по лесу и тащить в избу что ни попадя, — и страж покосился на сову, — то никто её не достанет.

Мне надоел этот разговор, и я решила сменить тему:

— Гости дорогие, давайте торт есть, — похромала в кухонный закуток за посудой.

Увидев сервировку, бывший император зарычал. Было с чего. Кривенькие глиняные миски, оббитые по тонким краям деревянные ложки, вместо кубков и бокалов — берестяные стаканы.

— Инк, что это?

— Утварь, соответствующая эпохе и благосостоянию, — спокойно ответил мой куратор. — Странно было бы, если бы в бедном домишке посуда была как во дворце.

— Но она дочь императора Драконниды!

— Деда, сейчас я Баба-Яга из русской сказки. Конечно, хорошо бы посуду поновее, но если по инструкции нельзя, то… Главное, что в еде не ограничивают.

Дракон опять что-то рыкнул и привстал, чтобы нарезать торт. Филипп, до этого спокойно наблюдавший за происходящим с лежанки, в два прыжка подсел к столу и лапой потянул к себе блюдце:

— Мне сливок взбитых положите, пожалуйста!

Самообладание деда сдало. Глаза округлились, челюсть отвалилась, занесённый нож выпал из руки и утонул в глубине нежных украшений, а сам он плюхнулся на скрипнувшую лавку.

— Цыц!, — шикнула на фамильяра. — Разболтался, как старый Мазай! Нельзя тебе молочное и сладкое. Было уже — неделю в клинику на уколы возила. Здесь ни ветеринаров, ни Френки нет. Кто лечить будет?

Обиженный кот вернулся на лежанку, где его поджидала сова, и громким театральным шёпотом сказал:

— Нам с тобой, птичка, только здоровую еду можно. А всякую вредность они сами съедят.

Немного отошедший от шока дед, не сводя взгляда с разговорчивого котейки, спросил:

— Правда нельзя? Такой забавный, может угостишь в честь дня рождения?

— Деда, мне для него ничего не жалко, но от молочных продуктов он поно… С унитаза не слезет. Отвары желудочные — все, как один, горькие и противные, — и, обращаясь к коту, спросила: — Дай слово, что будешь лекарство пить, положу ложку сливок.

— Сама ешь свой торт и запивай горечью лечебной, — отвернулся обиженный Филипп.

— Весело у вас, — выдавил Инк, едва сдерживая смех.

— Не говори! Обхохочешься, — ехидно согласилась я,

облизывая ложку от крема.

Под торт и ароматный травяной чай принялась расспрашивать деда о том, что происходит в Учебном Корпусе.

Наве так понравилось опекать чоттов, что она привлекла к этому делу Андрея Викторовича и группу курсантов-добровольцев. Новая преподавательница травоведения с учащимися на практических занятиях по своему предмету, которые появились в учебном плане, разбили и обустроили небольшой оазис из быстрорастущих трав и растений.

Говоря о травнице, хваля её профессионализм, знания и навыки, дед как-то неуловимо менялся. Глаза туманились, выражение лица становилось мечтательным и мягким. В один из таких моментов мы с Инком незаметно переглянулись и понимающе кивнули друг другу.

Любовь? Ах, если бы так и было! Дед достоин счастья, и взаимные чувства украсили бы его трудную жизнь. В свою очередь я рассказала о визите царевича Василия Прекрасного и о том, что узнала о царстве Кощеевом.

— Агапи, ты ценный агент!, — похвалил куратор. — Мы о Кощее мало сведений имеем — по крупице собирали. Ты же сразу всю биографию вызнала. Жду подробного отчёта.

— Болтун — находка для шпиона, плюс подкуп пирожками — всё просто. Лучше скажи мне, где карту Дремлесья взять? Живу и не знаю, в казну какого царства-государства налог платить, чтобы спать спокойно.

— Кто налоги с тебя в лесу брать будет?, — спросил дед, но, увидев, что я не шучу, уточнил: — Серьёзно, что ли, платить будешь?

— Платить — не платить, но на учёт встать полагается, — законопослушно отрапортовала я бывшему императору. — Но самое главное, хочу знать, как далеко от Кощеева царства живу. Вдруг злодей надумает мою силу выпить. Вы, конечно, потом его с лица земли сотрёте, но мне это уже не поможет.

— Что же ты у гостя своего не узнала, на чьей территории обитаешь?, — доев свой кусок торта и сыто отвалившись от стола, поинтересовался Инк.

— Потому, что не семи пядей во лбу и крепка задним умом, — ответила по-русски, пользуясь народной мудростью, не зная, как перевести на межгалактический.

Все наелись, и я принялась убирать со стола. Инк разрезал остатки торта на небольшие куски, каждый упаковал в стазис и всё вынес в кладовку. Удивившись про себя рачительности иномирского принца, вслух поблагодарила его за помощь.

— Только гостей не угощай — не нарушай инструкцию, —

напомнил мне мой начальник и куратор.

Деду не нравилась моя шпионская деятельность. Он даже слушать не хотел о делах наших, поэтому резко прервал разговор, предложив свою тему. Более приятную.

— Девочка моя, я для тебя подарки приготовил, — сердито взглянув на стража, добавил: — Инк, кажется, тоже что-то принёс.

Из-под лавки извлекли два больших баула. Один дракон подвинул уполномоченному, второй открыл сам и стал его разгружать. Большая банка кофе?! Всё, мне больше ничего не надо. Нет, ну, шоколад я тоже хочу! Не верю глазам своим — сыр! Теперь и в Дремлесье жить можно. Книги?! Ура!!! Новый травник — ух ты, у меня такого нет! Филипп, тут и для тебя книги, как я просила.

Хотела было броситься деду на шею, но, представив, как это будет выглядеть, только прижалась к его плечу щекой.

— Деда, спасибо тебе!

— Теперь мой подарок, — привлекая к себе внимание, торжественно объявил страж.

Пришла моя очередь плюхнуться на лавку с отвисшей челюстью. Инк выложил несколько папок различной акварельной бумаги, краски лучших земных производителей, разнообразные кисти и легкий разборный мольберт.

— Очень надеюсь, что это украсит твой досуг и не даст заскучать в весеннюю распутицу.

— Откуда ты узнал, что я пишу акварелью?, — с трудом сглотнув комок в горле, просипела я.

— Да обмолвилась ты как-то. Не то в походе, не то на башне у вампиров. Подумал, что такой подарок тебе пригодится. Только прячь его подальше, чтобы гости не увидели. Неуместно это здесь.

Растроганная, в слезах и соплях Баба-Яга — зрелище малоэстетичное, поэтому ушла рыдать в туалетную комнату за печью.

Умывшись и успокоившись, вернулась в горницу.

Дед с котом рассматривали заказанную мной книгу и о чём-то тихо переговаривались. Похоже, мой дед любит котов и, судя по Бродяге и Филиппу, они его тоже.

Страж, сидевший в углу, пристально рассматривал совушку, которая дремала на краю корзины, стоявшей на лежанке. Повязку я сняла, но летать птица не хотела. То ли крыло еще побаливало, то ли береглась.

— Можешь сказать, что за птичка у меня поселилась?, — обратилась к другу. — Оборотница или заколдовал кто? Что думаешь?

— Думаю, что сама обернулась, но после ранения не может вернуться в человеческую ипостась.

— Помочь можешь?

— Могу, — архимаг слегка замялся. — В неё силу вдохнуть надо.

— Поцеловать, что ли? Ну так целуй! Совушка, ты не против?

Проснувшаяся птица внимательно слушала разговор и после вопроса смущённо потупилась. Если бы не перья, я бы могла утверждать, что даже покраснела.

Страж посматривал то на меня, то на деда, то на сову, но с места не сдвинулся.

— Инк, мы никому не скажем, что ты с ней целовался. Ну хочешь, мы глаза закроем?, — самым серьезным тоном и самым гадким скрипом спросила я, пытаясь удержать хохот.

— Надо, сынок, помочь, если можешь, — поддержал меня дед, старательно кивая головой, но я видела, как подрагивала книга в его руках.

Тоже небось смеётся про себя.

— Хочешь, я её подержу? Нежно…, — предложил Филипп.

Это было последней каплей. Инк вскочил, протиснулся в узком проходе между столом и лавкой, решительно подошел к печи, наклонился к сове. Как он вдыхал в неё силу, мы не видели.

Архимаг повернулся к нам спиной и закрыл весь обзор. Когда он отступил от печи, мы ахнули.

На лежанке, свесив безупречные ножки, сидела белокурая молодая женщина с огромными серыми глазами, с прямым профилем, как на античных барельефах. Зрелые округлые формы тела едва прикрывали густые локоны, но бывшая сова даже не изобразила стыдливость. Она наслаждалась произведённым эффектом.

Три пары глаз не мигая рассматривали красавицу. Даже кот, кастрированный больше пяти лет назад, облизнулся. Ох, мужики!

— Мои дорогие, познакомьтесь. Если я не ошибаюсь, то нас почтила визитом греческая богиня Афина Паллада.

— Дева, старухою ставшая, здравствуй! Жизнь мне спасла ты, — нараспев, глубоким грудным голосом поприветствовала меня воительница. — Помнить об этом я буду всегда. Знай же. Всегда!

После таких слов вопрос о том, как мы понимаем друг друга, отошёл на второй план. Вот не люблю помпезность, но кто их, богов олимпийских, поймёт. Может, им иначе нельзя? Спасая деда и друга от косоглазия — вежливо отвернулись, но взгляд отвести не могут, — кряхтя подняла крышку сундука с моим скарбом, вытащила плащ, в котором путешествовала, и подала богине:

— Накинь, а то простудишься. Не май месяц в Элладе, а март в Дремлесье.

Приняв плащ, Афина одним изящным движением задрапировала ткань вокруг прекрасного тела, уложив продуманными складками, как хитон, подвязала шнурком от капюшона под пышной грудью. Мужчины не отмирали. Забыты были в одно мгновение преподавательница травоведения и совместные приключения.

Я ревновала и злилась, но уговаривала себя, что такова мужская суть и сделать ничего с этим нельзя.

— Присаживайся, мудрейшая. Будешь отвар?

— Буду отвар и прекрасный тот торт, что остался. Кусок.

Идя заваривать свежий чай, толкнула Инка:

— Угощай богиню.

Все отмерли. Дед поклонился, представился, придержал под локоток, помогая сесть на лавку. Страж пулей метнулся в сени за тортом. Кот и тот потянулся как-то помочь.

Я злилась и ревновала, называя про себя всех трёх кобелями.

Вновь расселись вокруг стола. Дед подливал чай, Инк пододвигал тарелку с лакомством, кот тёрся головой о локоть. Я ревновала и злилась, но, соблюдая правила гостеприимства, спросила:

— Афина, как ты попала в Дремлесье? Это не твоё время, не твой народ.

— Себе задавала вопрос, смущаясь незнаньем ответа…

Дочь я любимая Зевса, владетеля грома и молний,
Грекам весёлым давала ремёсла и флейты,
Им помогала я в битвах и дальних походах,
Конь, что вкатили троянцы в свой город, мной
Был придуман, на горе упрямцам спесивым. Было
Так долго, но вера угасла в эллинах. Боги Олимпа,
Покинули земли оливы, мною подаренной грекам
Давно уж. Я же осталась. Тяжко бросать, что нажИто трудом
И годами. Впала в сон вековой, сроднившись со скульптурой.
Мойры беспутные, вырвав из сладких объятий Морфея,
В перья совы облачили.

Внимательно слушала рассказ Афины, продираясь сквозь дебри гекзаметра, или как это там называется, пытаясь не утерять смысл. Но, взглянув на деда и стража, увидела, что они спят с открытыми глазами. Гипноз?

— Прости, уважаемая, что перебила, но ты можешь нормально говорить или только языком великого Гомера владеешь?

Мой хриплый и скрипучий голос разрушил очарование

повествования, как камень, брошенный хулиганом, рушит стекло. Задремавшие было мужчины очнулись, затрясли одурманенными головами.

— Могу, — кивнула белокурой головкой богиня. — Неведомый вихрь, меня подхвативший… ой, опять!… занес меня в эти края. Пришедши в себя, восседая на ветви совою, пыталась понять, куда я попала нечаянно. Царевич, коварно подкравшись, из пращи подбил мне крыло, прикрывавшее сердце. Так я попала к тебе, а зачем, я не знаю.

Недоуменно повела плечиками, и парни опять зависли.

— Ты могла бы поумерить пыл своего обаяния? Помнится, по мифам ты девственница. Так и веди себя подобающе, а не как Афродита!, — сердито зашипела я на гостью.

— Не сравнивай нас, смертная!, — обиделась Афина.

— Девочки, не ссорьтесь!, — принялся мирить нас дед.

— Туристка, она же гостья!, — попенял мне Инк.

— Вот и пусть ведёт себя как гостья, — буркнула я, собрала со стола грязную посуду, ушла в кухонный закуток и задёрнула за собой занавеску.

«Хороший день рождения получился. Весёлый», — хлюпнула носом, но решила на этом остановиться.

Не хватало еще рыдать из-за заблудившейся богини, которую помнят только те, кто мифы читает.

Глава 4.

Помыв и насухо вытерев, убрала посуду в шкафчик настенный, вернулась к гостям.

— Нам пора, — встал дед. — Пиши мне, я буду рад твоим письмам.

— Да-да! Отчёты пиши обязательно и регулярно, — добавил Инк, укутывая в свой плащ Афину.

Слава великой Вселенной, кажется, он хочет забрать богиню с собой. Вот это действительно подарок.

— Заглядывайте ко мне. Не забывайте, — хромала следом за гостями, провожая через сени на крыльцо.

Выйдя из горницы, дочь Зевса остановилась. Холодные половицы, промерзшие за зиму, студили изящные ступни босых ножек. Страж, быстро поняв причину затруднения, подхватил красавицу на руки и понёс, нежно прижимая к груди, в сарайчик с порталом.

— Не сердись на нас, — погладил меня по плечу дед и покаялся: — От девицы такой посыл сумасшедший идёт, что забываешь, кто ты и где ты.

— Понимаю. Встречала в Замке на Океане одного такого. Спасибо Френки, избавила от опасной зависимости. Поэтому не сержусь, — прижалась на мгновенье к руке щекой. — Деда, сходи к чоттам, погладь их от меня. Передай, что помню и скучаю.

На том и простились. Проследив, как дед закрыл за собой дверь в сарай, вернулась в избушку. Открыла окно, впуская воздух, насыщенный кислородом таявшего снега и просыпающегося леса. Пусть горница освежится после феромоновой атаки отставной богини. Ветерок пронёсся по домику, распахнул неплотно прикрытые двери и улетел куда-то в лес, где громче затявкали лисы и дружнее завыли волки.

Проверив на ночь запоры на воротах и калитке и обережные заклятья на ограде, вошла в дом коротать длинный, пока еще зимний вечер.

Неразобранная гора подарков на столе подняла настроение. Кофе благоухал даже через плотно закрытую крышку. Зажмурилась, представив, как поутру…

Грохот в ограду прервал мечты и заставил вздрогнуть.

— Кого еще нелегкая принесла? Филя, сбегай, посмотри. Ты в темноте лучше меня видишь. А я пока уберу тут всё.

В бывшую совиную корзинку смела упаковки съестных подарков и выставила их в кладовку в самый дальний угол.

Книги, бумагу, краски, кисти и мольберт сложила на дно своего сундука и прикрыла немудрёным старушечьим скарбом, закрыв замок заклинанием. Осмотрелась, проверяя, нет ли чего, что не соответствует эпохе и благосостоянию, и пошла на крыльцо.

Кот уже спускался по лестнице с чердака, куда он лазил на разведку.

— Ну, что там?

— Не видно никого.

Хотелось бы верить, но в крепкие брёвна ограды по-прежнему кто-то стучал.

— Кого принесло на ночь глядя?, — спросила самым страшным голосом, что смогла из себя выдавить.

— Магодоставка! Здесь проживает леди Агапи вар Фламери?

— Здесь, — пискнула я.

— Получите посылку от правителя Кирумиты Амбросия Первого.

— Не открывай калитку! Вдруг это мороки?, — зашипел осторожный фамильяр.

Но я уже дергала тугую щеколду. За калиткой стояла коробка, на крышке которой лежала квитанция, придавленная массивным стилусом.

— Распишитесь!, — распорядился невидимый кто-то, и, как только я выполнила приказ, бюрократические атрибуты исчезли.

В тёмное время суток за оградой смертельно опасно, поэтому, ухватив за нарядную перевязь, побыстрее попятилась в калитку. Коробка была тяжёлой.

— Что он там наложил?, — недовольно ворчала я, упираясь пятками валенок в мёрзлую землю.

Приближающийся волчий вой добавлял сил. Мне показалось, что захлопнула калитку, ударив по носу самого быстрого зверя. Может быть, только показалось, но вой за оградой был разочарованным.

Отдышалась, успокоилась и вдруг вспомнила заклятие на полет метлы. Почему бы не опробовать его на вампирском подарке? Какая разница, какой предмет левитировать.

Положила руки, зашептала и почувствовала, как под ладонями коробка дрогнула и поплыла за мной к крыльцу, без труда поднялась по ступенькам и там застряла. Ненамного, но упаковка была шире входной двери.

Крепким ногтем, больше похожим на коготь хищника, распорола плотный материал обёртки. Под ним была еще одна упаковка, которая и не пускала подарок в двери.

Прозрачная вспененная масса берегла комодик от повреждений, которые могли случиться при транспортировке.

Задумалась, как снять, чтобы не испортить явно дорогую вещицу. Осмотрев со всех сторон, заметила красную верёвочку, за которую и потянула. Блок растаял, представляя мой подарок во всей красе. Ладони на крышку, повторяю заклинание и транспортирую в избу.

Пока возилась, распаковывая комод, замёрзла до дрожи. Оставив неуместную эпохе и моему социальному положению вещь посреди горницы, налила себе горячего отвара и забралась с ногами на теплую лежанку, где дремал Филипп.

— Что это?

— Подарок.

— На сей раз от кого?

— От несостоявшегося мужа.

— Почему не открываешь?

— Успеется. Замёрзла очень. Вот отогреюсь и буду изучать.

— А как же женское любопытство?

— Отморозила, пока комод распаковывала.

Кот прижал свой теплый мягкий бок к моему костлявому бедру и успокаивающе замурлыкал.

Вдруг замолчал и спросил:

— Мойры — это кто?

— Богини судьбы в древнегреческой мифологии. Они с Афиной из одних мест. Прядут старухи нить жизни не только людям, но и богам. Работают не всегда качественно. Иной раз такого наплетут, что сами разобраться не могут. Если есть терпение, то попробуют распутать или дальше аккуратнее прясть станут. А нет, так возьмут острые ножницы и — чик!, — перережут нить судьбы. Нет человека — нет проблемы. Вот и мудрейшей что-то непонятное свили. Хоть и должны были ей угождать, как патронессе своей.

— Ничего не понял!

— Богиня была покровительницей ремёсел и военных. Опекала ткачество и гончарное дело, кузнечное и скорняжное. Афина одарила людей умением делать упряжь для лошадей, повозки, плуги, грабли, хомуты. Обучила виноградарей, кожевенных дел мастеров и бондарей. Она способствовала появлению корабельщиков, умеющих строить прочные суда для дальних странствий. Еще она взрастила оливу, чем, как ты слышал, несказанно гордится.

— Солидная дама!

— Девушка, Филипп. Она дала обет безбрачия.

— Зачем?

— Не знаю. Может, обидел какой-нибудь или не встретила достойного. Хоть и мотивировала это тем, что стремится к

превосходству ума над инстинктами. Поэтому и сова, как символ мудрости, — ответила фамильяру, нехотя спуская ноги с мягкого тюфяка.

— Постой! Но Афина говорила о сладких объятьях Морфея.

— Это образное выражение, — потрепала кота за ухом. — Морфей — бог сна. Засыпая, мы все попадаем к нему в объятия.

— Какая ты у меня умная!, — льстиво воскликнул Филипп.

— Долго живу, много читаю, память хорошая, — отмахнулась я и пошла разбираться с подарком.

Мебель от вампира в моей избушке смотрелась, как герцогиня на сельском празднике. Красиво, конечно, но даже поставить некуда. Узор древесины был искусно подобран от темного верха до светлого низа так, что казалось, комод не опирается на изящные гнутые ножки, а парит над полом. Три выдвижных ящика с блестящими висюльками ручек и верхняя часть, слишком массивная для такой конструкции.

Приглядевшись, поняла, что столешница раскладывается, как ноутбук. Потянула крышку вверх и вздрогнула. Великолепного качества зеркало бессердечно отражало действительность. Живя в бедно обставленном домишке, где нет возможности увидеть свое отражение, забыла, как жутко выгляжу. Хотела было закрыть аттракцион «Комната страха», вернув зеркало назад, но заметила конверт из темной бумаги с замысловатой печатью алого цвета. Его оставили на столешнице под зеркалом.

Мой любопытный фамильяр заинтересовался:

— Нам письмо?

— Скорее всего, мне.

— Какая разница! Читай.

Со вздохом вытащила сложенный лист плотной белоснежной бумаги. Развернула. Верх листа украшал тиснёный герб, украшенный по краям золотыми вензелями и алыми лентами. Как говорила моя соседка: «Бохато!»

«Леди Агапи, примите подарок в честь Вашего дня. Надеюсь, что угадал и Вам понравится. В нижнем ящике кристаллы-накопители для зеркала. Навеки Ваш друг Амбросий Первый».

— Всё?, — спросил Филипп.

— Всё.

— Не многословно. А что там с зеркалом?

Неохотно — неприятно видеть свое отражение — я рассматривала поверхность и рамку.

В верхнем узоре рамы было углубление, в которое вполне поместится кристалл. Но зачем?

— Давай попробуем?, — предложил кот.

— Помнишь, что кошку сгубило?

— Я кот!, — обиделся на меня фамильяр.

Не торопясь, потянула за висячие ручки первый ящик. Он угадал. До своего падения в провал я обожала всё то, чем был наполнены коробочки, заполнявшие комод: разнообразные кисти для макияжа, флаконы с тональным кремом, палитра тончайших оттенков пудры и румян, тени, помады под прозрачными колпачками, карандаши, щипчики, пилочки, ножницы для маникюра.

Рука невольно потянулась к столь милым моему сердцу вещицам. Но я тут же её отдернула — так неуместно смотрелись костлявые пальцы, иссохшая кожа и толстые чёрные ногти на фоне этой красоты.

Со стуком задвинула верхний ларь и потянула на себя второй. Содержимое этого не улучшило мое настроение. Гребешки, расчёски, щетки, щипцы для завивки, шпильки, заколки, рулоны лент и нитки разноцветных бус, воски, фиксаторы, спреи, наполненные лаком, — всё, что необходимо любой моднице для создания причёски. Выложив частый гребень, который присмотрела для вычёсывания кота, захлопнула и этот отсек.

Кряхтя, присела перед нижним. Открыла и плюхнулась на пол. Не знаю, чью сокровищницу ограбил Амбросий, но запас кристаллов, сваленных в ящик, мог быть эквивалентом полугодового дохода небольшого мира. Надеюсь, что меня не привлекут к суду Межгалактического Совета за соучастие. Выбрав один накопитель, поднялась и попыталась вставить его в паз.

«Батько, не лізе!», — вспомнились слова из анекдота, и я хихикнула.

Боясь сильным давлением сломать зеркальную крышку, обошла комод и, подперев телом заднюю поверхность, повторила свою попытку. Неуклюжими пальцами случайно задела за узор, обрамляющий отверстие, он слегка сдвинулся по часовой стрелке, и камень легко встал на свое место.

— Дождался!, — прогремел в горнице голос повелителя Кирумиты.

Кот зашипел и выгнулся дугой, распушив шерсть по всему телу, я, охнув, присела за комод. Зеркало, активированное кристаллом, оказалось каналом межгалактической связи. Вот только общаться с Амбросием мне не хотелось. Вдруг у него сердце слабое, а вампиры только-только начали привыкать к центральной власти. Ромеуальду еще рано наследовать правителю.

Поэтому решила доверить вести переговоры Филиппу.

«Поговори с ним», — потянулась ментально к начавшему

успокаиваться, но всё еще настороженно вглядывающемуся в зеркало коту.

«О чём я с ним могу говорить?!», — закапризничал тот.

«О погоде!», — рыкнула я.

— Доброго времени суток, сударь. Позвольте представиться — Филипп. Фамильяр и личный секретарь Агу… кхм… леди Агапи, — изрёк зверёк и даже изобразил легкий поклон, склонив голову и шаркнув лапкой по лоскутному одеялу, покрывавшему тюфяк.

За стеклом зеркала кто-то ахнул, что-то булькнуло и упало.

— Что там?, — шепотом спросила у кота.

— Ничего. Сначала у него глаза на лоб полезли, потом он покраснел, потом упал.

— Он жив?, — испугалась я.

— Мне откуда знать?

— Ну вот. Хотела как лучше…

— А получилось как всегда, — резюмировал самозваный секретарь.

Аккуратно вытащила кристалл, тихонечко опустила опасное зеркало и медленно, чтобы не поцарапать, транспортировала комод в клеть. Там накрыла его половиком старым, сверху набросила кем-то забытый тулуп гигантских размеров и на него рядком уложила две пары стоптанных валенок. Вот так… от греха подальше.

По-хорошему стоило бы вернуть подарок, но я не знала, как это сделать. Пусть постоит, позже разберусь.

Утром меня разбудили непонятные звуки, доносившиеся с улицы.

Сунула ноги в валенки, с головой укуталась в шаль пуховую, изрядно поеденную молью, и пошла на крыльцо инспектировать свое небольшое хозяйство.

Ночью ветер изменил направление, и воздух наполнился ароматным теплом, принесённым из далёких южных земель. Природа просыпалась на глазах. Снег оседал и скукоживался, на бугорках и солнечных местах обнажалась прошлогодняя жёлтая трава с редким подпушком свежей зелени. С крыш уже не капало, а текло. Ура! Перезимовали. Будут еще морозы и вьюги, но весна уже на пороге.

Откуда-то из-за леса донеслись звуки охотничьих рогов и лай собак. Кто в такую пору охотиться надумал? У зверей гон, а некоторые уже и потомство ждут.

Дурное задумали эти люди. Хотя кто знает, может за зиму припасы подъели и от голода в лес пошли. Настроение немного стухло, но, вспомнив, что сегодня на завтрак кофе, я резво

похромала в дом.

— Давай ступу испытаем?, — предложила коту. — Погода прекрасная. Полетаем, разомнёмся, осмотримся.

— Найдём приключение на хвост…

— Чего ты сердишься?

— Всё ночь не спал, думал, почему ты мужика из зеркала видеть не захотела?

— Филенька, я постоянно думаю об этом. Понимаешь, нет полной уверенности, что Френки сможет вернуть мою внешность. Значит, придётся мне жить такой, какая есть…

— Я тебя люблю не за внешность, — перебил меня фамильяр, запрыгнул на колени и потерся головой о мою щёку.

— Тоже тебя люблю, мой хороший, — нежно прижала к себе теплое тельце зверька, зарывшись пальцами в шелковистую шёрстку. — Но позволь я закончу. Так вот… Хочу, чтобы в памяти моих знакомых я осталась симпатичной юной девушкой, а не кошмаром из страшных снов. Будь моя воля, я бы и с дедом не встречалась, хоть и люблю его очень. Видел бы ты его глаза, когда он узнал меня. Столько в них было боли и жалости. Жить не хочется, когда так смотрят.

— Но от местных же ты не прячешься.

— Они принимают меня такой, какая я есть. Не думая: бедная, какая была хорошенькая, а теперь…

— Значит, не будешь с ним общаться?

— Не буду, лапушка. Напишу письмо с извинениями за случившееся. Спрошу, как можно подарок вернуть, и всё.

Гоняя гущу по дну изящной тонкостенной чашки, которую нашла в подарочной кофейной банке, задумалась о своём будущем. Отдохнуть от приключений, написать и самой иллюстрировать книгу по травоведению, забыть те эмоции, что погнали меня в поход, — прекрасный план.

А что дальше? Тонкий слой кофейной взвеси стёк по донцу, образуя замысловатый узор, в центре которого чётко обозначился круг. Кольцо? Колесо? Змея, кусающая себя за хвост? Что бы ни было — это бесконечность.

Бесконечность моих невзгод? Или приключений?

Вот зачем я чашку смотрела?! Нет ничего глупее, чем стараться заглянуть в будущее.

Убрала со стола остатки завтрака и посуду, маленьким вихрем прогнала заклятие чистоты по горнице, выпустив его на улицу, и стала собираться в полёт. Но только открыла сундук, чтобы тёплые вещи достать, как за оградой послышался топот лошадиный, крики человеческие и в ворота кто-то забарабанил.

— Задушу Инка собственными руками, — пообещала коту. —

Он мне сулил уединенную жизнь и спокойный размеренный быт, а тут что ни день — то гости. И все незваные, — хлопнула крышкой сундука так, что звякнули кованые ручки по бокам, и пошла на крыльцо.

За оградой толпились всадники. Почти все в богатых, облицованных парчой и подбитых мехами кафтанах, шапки тоже мехом оторочены, сапоги высокие расшиты узорами. Не простые люди ко мне заехали — бояре. Похоже, что-то случилось у них. Передний всадник держал кого-то на руках, прикрывая красным плащом, на котором темнело пятно. Кровь?

— Открывай, ведьма! У нас раненый, — крикнул тот, что стучал в ограду.

— Чем же я помочь могу, я же не целитель? Пущу вас, а вдруг умрет ваш товарищ в доме моём, так вы меня обвините.

— Не каркай, хрычовка! Делай, что велено!, — продолжал надрываться служка.

Было видно, что он и одет поплоше, и мехов на нем поменьше, и оглядывается всё время на других.

— Пусти, бабушка, — негромко, но так, что и я услышала, и все враз замолчали, сказал тот, что вез раненого. — Не довезём мы его, а так, глядишь, и отлежится. Может, и ты сможешь чем помочь.

Он перекинул ногу через седло, скатился с коня как с горки, мягко, чтобы не потревожить свою ношу, приземлился и шагнул к калитке.

— Не было печали, — проворчала я себе под нос, но поспешила открыть калитку.

— Входи. А вам, — сказала остальным, — места ни во дворе, ни в доме нет. Здесь ждите.

Захлопнула калитку, подобрала юбки и чуть ли не бегом похромала за богатырём, поднимавшимся по ступеням крыльца.

— Сюда клади, — указала на лавку. — Что с ним?

— Медведь подрал. Полоснул лапой по груди. Порвал кольчугу и грудь разворотил. Лекарь остановил кровь и сомлел. Сказал, что силы все отдал. Кто-то вспомнил об избушке ведьмы поблизости. Вот и рванули к тебе. Не обессудь, бабка, но надо, чтобы выжил. Любую цену дам за жизнь его.

Подошла к раненому, откинула плащ. Да твою ж дивизию товарища Доватора! Тут бригада хирургов высшей квалификации нужна или Френки с её умением и знаниями, а что я могу со своими ничтожными целительскими силами? Разве что воспользоваться современной магомедициной.

— Мил человек, я попробую помочь твоему другу, а ты ступай к своим. Подожди там, — я махнула рукой в сторону двери.

Но тот, сбросив кафтан на лежанку, сел на противоположную от больного лавку, всем видом давая понять, что с места не сдвинется.

— Ну как хочешь, — буркнула я и, резко повернувшись к нему, щелкнула перед глазами пальцами, одновременно пошептав заговор.

Мужик уснул. Вытащив из дальней печурки бумагу и стило, принялась строчить письмо:

«У меня в избе умирает местный князь, которого на охоте порвал медведь. Свита вельможи стоит у ворот и грозит спалить меня вместе с домом, если я не вылечу их господина. Если вы немедленно не предоставите мне самые лучшие перевязочные материалы, заживляющие и восстанавливающие средства с толковыми инструкциями пользования, то после моей смерти будете иметь дело с лэром Инком рес Плоем, лэром ректором Тесшасом вар Фламери и правителем Кирумиты Амбросием Первым. Для подтверждения этого можете посмотреть мое личное дело. Только очень быстро! Князь умирает!!!»

Не подписываясь, бросила письмо в мини-портал и пошла готовить место для лечения гостя.

— Ты что, правда его лечить будешь?, — выбрался из-под кафтана Филипп.

— Попробую.

— Тебе помочь?

— Да. Не мешай, пожалуйста. Мне сосредоточиться надо.

— Понял, — ответил смышлёный кот и затих.

Склонилась к раненому, с трудом расстегнула наборный пояс. Кольчуга на груди была располосована зверем вместе с рубахой и нательной сорочкой, и металлические колечки застряли в повреждённых тканях, прилипли в подсохшей крови. Лекарь действительно хорошо сработал — закрыл все сосуды, остановил кровь.

Но рану даже не промыли. До конца разорвала ткань, обнажив фронт работы и кубики на животе. Закрыла глаза, вытянула руку, сканируя повреждения. По сути, всё не так уж и плохо. Трещина в ребре, разорвана кожа и не очень глубоко мышцы. Похоже, что удар прошёлся по касательной, а мог бы и сердце вырвать.

Стоять, склонившись над лавкой, было крайне неудобно, спина заныла, и пришлось разогнуться. Надо бы его повыше переложить. Левитация на живых пусть и не очень, но действует тоже. Приподняла тихонечко и уложила на стол аккуратно.

Звякнул ящик доставки, извещая, что получена посылка. Ну и чем вы меня порадуете, лэры снабженцы? На дне стояла

небольшая коробочка и мягкий свёрток побольше.

Какой набор юного целителя они мне прислали в этой шкатулке?

Открыла, и первое, что увидела, это лист с крупной надписью: «Не надо нас пугать!»

Хорошо, больше не буду. Достала три тщательно упакованных флакона, рассмотрела, сверила с перечнем и инструкцией, которую написал гений. Пошагово, не оставляя малейшего шанса для разночтения и недопонимания, прописан каждый этап лечения.

Следуя ей, смогла очистить и обработать рану, залив её густым фиолетовым гелем, который вспенился, как перекись водорода, но, когда пена спала, края раны начали на глазах стягиваться.

Далее, согласно инструкции, шпателем, встроенным в крышку следующей бутылочки, смазала рану. Два раза. Подождав, когда лекарство впитается, нанесла еще раз. Ха! Живая и мертвая вода. Ну хорошо, гель, но всё равно чудодейственный.

На груди остались только розовые полосы — след медвежьих когтей. Теперь самое сложное. Напоить бесчувственное тело из третьего флакона.

Похромала в кухонный закуток за ложкой, а когда вернулась, то увидела, что мой пациент сидит на столе и рассматривает обрывки кольчуги и разорванные, окровавленные остатки своей одежды. Бледный, с прилипшими ко лбу тёмно-русыми прядями, тёмными кругами вокруг глаз. Краше в гроб кладут.

Но этому пока рано — отобрала у Жницы очередную добычу. Прости, уважаемая!

— Ты кто?, — хрипло спросил он и, заметив спящего товарища, кивнул в его сторону: — Почему Здеслав спит?

— Спит, чтобы под ногами не путался. Скоро проснётся, а мне пока тебе сказать кое-что надо, — протянула ему флакон. — Выпей и послушай. Пей, я тебе сказала! А то рана откроется.

Мужчина опустил голову, провёл рукой по груди, вспомнил, что с ним случилось, и уставился на меня.

— Как ты это сделала?

— Выпей, тогда скажу, — прибегла к шантажу.

Опрокинул в себя содержимое, проглотил, скривился и выжидающе уставился на меня.

— Слазь со стола, садись и слушай.

Послушно, но осторожно перебрался на лавку. Я стояла рядом и на всякий случай держала наготове заклинание левитации. Если упадёт, то подхвачу его. Мой подопечный хоть и был слаб от потери крови, но держался. Помог снять с себя

обрывки одежды, вытерпел оттирание от крови влажной тряпкой, но недоуменно уставился на куски полотна, которые я достала из свёртка.

— Зачем это? Все же зажило. Рассказывай, как ты это сделала?, — голос с каждой минутой креп, наполнялся властностью.

— Была у меня в запасе живая и мёртвая вода. По наследству от бабки досталась. На тебя всё извела, касатик. Но не хочу, чтобы кто-то об этом знал. Потому сейчас я тебя перевяжу, а ты хотя бы седьмицу походи скособоченно и охай почаще.

— Зачем?

— Чтобы не пришли ко мне лихие люди и не стали требовать выдать источник. Видишь бутылочки? Они пустые. Больше нет, а где брали — о том не ведаю. Поэтому и ты молчи. Понял?

— Понял. Получается, что ты мне жизнь спасла, — легко погладил себя по забинтованной груди.

— Получается, — согласилась я, закрепляя полотно узлом на плече. — Но постарайся об этом никому не рассказывать.

Как бы ни были хороши средства, выделенные мне снабженцами, но не могли они сразу и полностью восстановить раненого. Слабость проявлялась испариной на лбу и бледностью кожи.

— Давай-ка, касатик, ты приляжешь, — положила на лавку подушку, достала одеяло и укрыла перебинтованную грудь. — Тебе сейчас отдохнуть надо и сил набраться. Поесть тоже не помешает.

Утром, собираясь полетать, поставила в печь чугунок с курицей и грибами, чтобы протомились хорошенько к возвращению. На таком бульоне хорошая лапша получается.

— Постой, — заметив, что хочу отойти, попросил мой подопечный. — Разбуди Здеслава. Нужен он мне.

— Да не сплю я, — донеслось с противоположной лавки. — Прости, бабушка, за обман, но против оберега моего ни одно наведённое колдовство не действует. Не мог оставить родича без присмотра.

— Ну и пёс с тобой!, — махнула рукой, пошаркав за занавеску к печи.

«Филипп, слушай, о чем говорят, и мне транслируй», — поручила коту и загремела посудой.

В голове тут же появилась картинка. Словно вижу происходящее глазами котика. Чтобы ничего не упустить, фамильяр спрыгнул с печи и подошел к лавке с болящим, куда перебрался и Здеслав. Муркнул, потерся о сапог богатыря. Тот наклонился, погладил по спинке, почесал за ухом и похвалил:

— Какой ты холёный. По всему видно, что любит тебя хозяйка.

Кот, не терпящий чужих рук, в интересах дела замурчал громче, запрыгнул к нему на колени, немного потоптался и улегся, навострив ушки.

— Слушаю тебя, князь.

Значит, я не ошиблась, когда писала требование. Князя мне притащили на излечение.

— Что думаешь о случившемся?

— Думаю, что хорошая привычка — кольчугу носить. Не будь её на тебе, куда хуже могло всё обернуться. Вот только не понял, как ты перед медведем очутился? Договаривались же, что с коня не сходишь, вперёд не лезешь.

— Тот конь и сбросил. Прямо в лапы зверю. Ничего ни скажешь, хорош подарок боярский.

— Меня тоже оттеснили умело. С рогатинами бросились к зверю и заслонили весь обзор. На вздох отвлекли, а ты уже порванный лежишь, — повинился княжий пестун.

— Думаешь, подстроили?

— Тут и думать нечего. Не всем ты мил, Акамир, хоть и сами призвали тебя на княжество.

В горнице замолчали, а у меня лапша просилась на стол. Захватив ложки и миски, откинула занавески и пошла в горницу.

— Хватит его разговорами мучить. Садитесь есть.

Ковригу хлеба, выставленного на разделочной доске, Здеслав напластал кинжалом щедрыми ломтями.

Тем временем я разлила лапшу по мискам и подвинула гостям.

Ели молча. Князь сцеживал бульон и выпивал его из ложки, его родич ел с аппетитом, сопровождая еду уханьем и причмокиванием, Филипп аккуратно лакал навар, вытаскивал на стол кусочки мяса, поедая их со столешницы, а я, поглядывая на них из-под косматых бровей, не чувствовала вкуса супа, понимая, что влипла в новую историю.

Глава 5.

— Бабушка, позволь отсидеться у тебя седьмицу?, — вдруг спросил князь.

Мы с Здеславом с удивлением уставились на него и хором спросили:

— Чего это?

— Сама говорила, что мне надо изображать больного, а я не скоморох, чтобы лицедействовать и кривляться. Пусть дядя всем скажет, что я очень плох и перевозить меня опасно.

«Неделю?! Неделю чужой мужик в моей избушке! Это же ни читать, ни рисовать. Коту неделю молчать. Нет уж, нет уж, на фиг, на фиг! Езжай домой, князюшка. Угу, "домой", а там лекарь, который небось уже очухался и захочет повязки сменить, рану обработать. Которой нет. Оправдывайся потом, как Акамира лечила», — все эти мысли стремительно пронеслись в голове, когда я взвешивала «за» и «против» открытия временного пансионата по реабилитации недоеденных медведем князей.

Аргументы закончились, а чаши и стрелки весов замерли на делении «ничья».

— Нельзя сейчас бояр без присмотра оставлять, — аргументировал Здеслав свое нежелание оставлять князя у меня.

— Вот ты за ними и присмотришь. Меня не будет — враги сторожиться перестанут, а ты примечай. Союзников наших тоже запоминай — они опора в делах.

— Значит, ты решил остаться?, — хмуро уточнил дядя князя.

— Да. А ты поезжай. Негоже воям под оградой ночевать. Проводи его, бабушка.

— Ты это чего в моём дому распоряжаться надумал?!, — вспылила я. — «Останусь», «проводи». Что здесь, двор постоялый? Оставайся, но забудь, что князь. Служить тебе не собираюсь.

Не дожидаясь ответа от князя, повернулась к Здеславу:

— Ты, помнится, за его жизнь обещал дорого заплатить? Так вот, привезёшь мне самую лучшую и подробную карту земель известных. Это и будет плата. И припасов пришли — мне твоего племянника чем-то кормить надо. Ступай, я за тобой закрою.

Боярин подхватил с печи кафтан, поклонился князю и пошел на выход. Хромая следом, я вдруг подумала о том, что осторожность лишней не будет.

— Послушай, человече, коли у вас так все непросто, то давай условимся о слове тайном, которое твой человек скажет, когда припасы привезет. Вдруг злыдни ваши подменят посыльного и

решат отравить князя.

— Ой, мудра ты, бабка! Правда ведь, не смогу тайно отправить обоз. Могут в дороге перехватить и подменить.

— Обоз?! Куда мне столько?! Саней хватит. Только рыбы обязательно положи.

Осмотрелась по сеням, оторвала небольшую щепочку от бревна и подала Здеславу.

— Слово словом, а щепочку воткни в горшочек с маслом. Буду знать, что ты послал. Говори слово.

— Ой, даже не знаю, что и сказать, — замялся тот.

— Запоминай: Агуня. Это имя моё. Обратится твой человек ко мне по имени — жив останется, а нет…, — я показала, как искрят мои ногти, и боярин попятился.

Гость ходил по горнице, которая от размаха его плеч казалась еще меньше и ниже, чем была, и рассматривал скудную обстановку.

— Не нравится?

— Тесно. Крылья не развернёшь.

— Крылья?, — переспросила я, надеясь, что это образное выражение, а то многовато на меня одну птицеподобных в последнее время.

— Бабушка, я из рода Ясно-Соколовых, родовой дар у нас — умение обращаться в сокола.

— Финист тебе родич, что ли?

— Отец.

— Матушку Марьей зовут?, — вспомнила я сказку.

— Так ты бывала в наших краях?

— Нет. Сказку чи… кхм… слышала сказку о том, как они поженились.

— Враки то, а не сказка. Всё не так было, как сказители носят.

— А как? Расскажи, пока гречу на кашу переберу.

— Было это больше тридцати зим назад. Отец тогда молодой был, силы и удали много, а мудрости мало. Княжье подворье ему тесным стало, уроки ратные наскучили, забавы молодецкие приелись. Стал просить у отца позволенья крылья размять, края ближние осмотреть. Долго не хотел князь отпускать младшего сына одного летать, но тот пристал как репей, он и уступил. Обернулся молодец соколом и полетел над лесами дремучими, деревнями богатыми, дорогами наезженными. Долетел до реки Зорянки, что служит границей княжества Луморье с царством Кощеевым. Присел на дуб отдохнуть и приметил четырех милых да пригожих девушек, что на отмели купались. Плещутся, плавают и не видят того, как пёрышко соколиное слетело с дуба и

улеглось на одежду одной из них. Вышли из воды красавицы, косы отжали, одеваться принялись. Та, что первой к одежде своей подошла, заметила перо и перебросила на платье сестры своей, та тоже отбросила, как мусор. Кружит перо промеж сестёр, но старшие только отмахиваются, торопятся сорочки да сарафаны надеть, побыстрее от ветерка прохладного укрыться. Легла пушинка к ногам младшей из сестёр — Марьюшки. Подняла она пёрышко, всмотрелась и прижала к груди влажной. Сёстры смеются, дурочкой называют, курицей-хохлаткой величают. Только не слушает Марья их, чему-то улыбается да одеваться не спешит. Махнули на неё рукой девушки и побежали домой обедать. Тут сокол и выпорхнул из листвы, ударился оземь и превратился в княжича прекрасного. Подхватил на руки девицу, закружил по песку, поцеловал нежно и спросил:

— Станешь ли женой моей, ладушка?

— Стану, любый! На том и порешили… Когда прощались, пообещал прилететь к ней ночью, а чтобы окном не ошибиться, наказал в ставень перышко воткнуть. Сам к батюшке бросился просить жениться как можно скорее.

— Негоже поперёд старших братьев младшему жениться, — ответил отец и не дал согласия.

Улетел Финист к зазнобе своей, что ждала его. Всю ночь они миловались, а наутро выпорхнул сокол из окна девичьей горницы. Дома опять в ноги отцу поклонился:

— Дозволь, батюшка, жениться на Марьюшке!

Но князь и слушать не стал. Так и повелось: ночь Финист с любушкой проводит, а утром домой возвращается. Братья Финиста только посмеивались, сестры же Марьины завидовали.

Пошли они к отцу жаловаться, но тот на них цыкнул:

— За собой следите!

Тогда задумали девицы недоброе. Опоили с вечера сестру зельем сонным, а в ставень вставили нож булатный да наняли человека, чтобы сторожил под окном. Как только упадет ему в руки сокол раненый, так пусть ему голову и скрутит. Прилетел Финист, ударился грудью о ставень, чтобы отворить его, но наткнулся на лезвие острое. Упал прямо в руки супостату. Тот увидел, что птица ценная, от жадности не стал добивать, а решил продать и еще нажиться. Понёс на ярмарку поутру, цену назначил. В тот день по ярмарке колдунья молодая гуляла, товары присматривала для себя. Увидела сокола и поняла, что не простая это птица. Купила, не торгуясь, и увезла к себе в подворье. Как она его в человека оборачивала, как рану лечила — не знаю, но только после врачевания того потерял Финист память.

Утром Марьюшка проснулась, глядь-поглядь — нет друга милого, а из ставня, слегка приоткрытого, нож окровавленный торчит. Поняла она всё и бросилась к отцу виниться, помощи просить.

Тут и княжичи с дружинниками налетели:

— Где Финист? Куда дели, злодеи?

Долго сёстры Марьи в ногах у них валялись и прощенья за брата просили. Оттаскали их за косы, плетей всыпали жалеючи и забрали себе в покои — постель греть. Марьюшке же сказали:

— За тебя Финист в беду попал — тебе и выручать. Найдёшь его за год — упросим отца поженить вас. Не найдёшь — не обессудь, сами отыщем, но ты его никогда не увидишь.

Горько заплакала девушка, отец о дочерях закручинился, но делать нечего — надо дело справлять. Собрала узелок, поклонилась батюшке и дому родному да пошла друга милого искать. Долго ходила, у многих спрашивала, но не видел никто. Вот уж полгода прошло, а ни следа, ни весточки о Финисте нет. Закручинилась Марьюшка, запечалилась. Идет, головы не поднимая от горя и тоски, да набрела на домишко ветхий. Постучалась, вошла в избу. Смотрит: грязно, не прибрано, печь не топлена, вода в кадке затхлая. Засучила рукава обтрёпанные — и давай порядок наводить. Убрала, пыль выбила, перемыла всё, печь растопила, воды наносила, щей наварила. Поела и залезла на полати отдохнуть. Только задремала, распахнулась дверь и въехала верхом на козле карга старая. Нечёсаная, немытая, лохмотьями едва прикрытая. Осмотрелась да как закричит:

— Кто в дому моем хозяйничал, кто тут все не по-моему поставил?!

Марьюшка испугалась и не откликнулась. Тут следом верхом на свинье еще одна хрычовка завалилась. Осмотрелась, щи попробовала и говорит:

— Вот бы нам нанять в слуги этого человека. Были бы мы с тобой, сестра, в тепле и сыты. Эй, кто там, выходи!

Делать нечего, спустилась девица к старухам, поклонилась в пояс и согласилась них служить. Отмочила их в щёлоке, отмыла в бане, колтуны в волосах вычесала, одежду новую сшила. Козла и свинью в сарай выселила и там им стойла отгородила. Целыми днями ведьмы где-то скакали на своих животных, а Марьюшка убирала, чистила, шила, мыла, еду готовила. Приедут к ночи, поедят, захрапят, а поутру опять ускачут. Так три месяца и пролетели. Как-то старшая из старух и говорит:

— Собирайся, Марья, в дорогу. Ты нам хорошо служила, но доля у тебя другая. За каждый месяц мы тебе щедро заплатим.

Открыла ларец кованый и положила на стол три парчовых

сумы. Из первой достала веретено. С виду простое, но старуха поймала им луч солнечный и крутнула по столу. Заскакало, заюлило веретёнце, наматывая на себя пряжу солнечную.

— Так и лунный свет спрясть сможет, — подсказала старуха.

Сняла пряжу бесценную, спрятала в ларец, а веретено девушке отдала. Вторая ведьма открыла другую суму и достала оттуда подушечку бархатную, в которую игла воткнута. С виду простая, но воткнула карга её в холстину грубую, и заскакала игла по ней, вышивая узоры дивные. Не успели глазом моргнуть, как пред ними уже не тряпица старая, а думочка прелестная. Подушечку старуха себе забрала, а иглу воткнула в игольницу и Марьюшке отдала. Из третьей сумы достали челнок ткацкий. С виду простой, но обрядили в него верёвку пеньковую, и засновал тот, замелькал, выкладывая на столе ковёр пушистый. Коврик старушки себе оставили, а челнок девице отдали. Поклонилась им в пояс Марья, поблагодарила и совсем уж было за порог шагнула, когда бросили ей в спину клубочек неприметный.

— Беги за ним да не оглядывайся, — наказала старшая, и дверь захлопнулась.

Побежала девица за клубком. Коса об ветви растрепалась, сарафан в клочья порвался, ноги о коряги сбила, руки о колючки ободрала. Только узелок с подарками крепко к груди прижимает да глаза от хлёстких ветвей бережёт. Вот уже и сил нет дальше бежать, и дышать невмочь, а клубок всё катится и катится. Выбежала она на поляну большую, глядь-поглядь, а там терем узорный стоит и постройки разные поодаль. Видно, что живёт здесь богатый человек. Хотела было мимо пройти, да исчез клубок.

— Значит, мне сюда и надо, — решила девица и пошла к входу парадному.

Было это подворье колдуньи той, что Финиста выкупила. Решила она женить княжича на себе и к свадьбе готовилась. Разослала по городам и весям посыльных, чтобы лучших мастериц нашли приданое готовить да наряды шить. Вышла она к Марье и спрашивает:

— Можешь мне к утру башмачки расшить?

— Могу, — отвечает девица.

Отвели её в комнату, дали шелка разноцветные, нити золотые да серебряные и дверь заперли, чтобы не сбежала. Марьюшка воткнула иглу в башмачок и спать легла. Утром подошла к окну, глядь-поглядь, а по двору её милый друг под ручку с колдуньей гуляет. Тут пришли работу проверять. Увидели, какими цветами да птицами расшито всё, заахали, удивились, побежали хозяйке показывать. Понравилась той

вышивка, приказала привести мастерицу к себе:

— Расшей мне платье свадебное так же. Сможешь?

— Смогу. Но плата дорогая будет.

— Ничего не пожалею.

— Позволь мне ночь с твоим женихом провести.

Задумалась колдунья. Хочется ей гостей удивить на свадьбе нарядом прекрасным, но и Финиста делить ни с кем не хочется. Придумала, как обхитрить вышивальщицу, и согласилась. Вечером отдала Марьюшка ей платье, а та ключ от спальни жениха протянула. Только напрасно девица пыталась разбудить любимого — опоила колдунья его зельем сонным. Не добудилась и ушла поутру ни с чем.

Стала невеста примерять убор свадебный и захотелось ей фату как свет лунный. Ткачи готовы соткать, да где нити такие взять?

— Могу спрясть, — вызвалась Марья. — Плата прежняя.

Опять напрасно будила любимого девица — крепок отвар колдовской.

Взялись ткачи за работу, но лунная пряжа тонкая, на кроснах рвётся, в ткань не ложится.

— Могу и фату соткать, — опять вызвалась Марья. — За ту же цену.

Посмеялась колдунья — бесценные одежды даром получила — и согласилась. Утром свадьба, а у жениха в спальне мастерица слёзы льёт, причитает жалобно:

— Ты очнись, ты проснись, мой сердечный друг! Я ноженьки стоптала, за тобой бегая, руки утрудила, тебя отрабатывая, глаза проплакала, по тебе тоскуя. Оженят тебя, и не увидимся никогда больше.

Спит Финист, не слышит слов, к нему обращённых. Уж заря занимается и уходить пора. Обняла на прощанье девица любимого так же крепко, как обнимала его в те ночи, когда он к ней прилетал. Поцеловала так же сладко, как тогда целовала. Слезами горючими лицо его омыла так, как никогда не делала. Попали они в рот княжича и лишили силы снадобье сонное. Открыл глаза и видит, что склонилась над ним его любушка, только горница незнакомая. Рассказала Марьюшка, что женят его сегодня на колдунье, и вспомнил всё Финист. Ударился об пол, обратился в сокола быстрого, подхватил свою ладушку и выпорхнул в окно. Только их и видели.

На радости от того, что Финист вернулся живым и здоровым, разрешил князь ему жениться. Да и братья уже женаты были. Взяли за себя сестёр Марьиных.

«У тебя сейчас каша подгорит!», — ментально напомнил мне

Филипп.

Пока Акамир увлекательно рассказывал о приключениях своей матушки, я перебрала крупу, промыла её, прогрела на сковороде и поставила чугунок в печь томиться. Говорят, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, но в нашем случае, применив магию, я быстрее сделала, чем дослушала.

— Ох, князюшка, не знаю как соколы, но кот Баюн точно в твоей родне есть, — пошутила, вытаскивая горшок ухватом из устья. — Заслушалась, как хорошо сказываешь.

— Так нам нянюшка это, почитай, каждый вечер перед сном выпевала. Слово в слово. Запомнил, но могу только рассказывать.

Горшочек масла, миска меда, крынка молока были поставлены на стол к рассыпной горячей каше, которую разложила по глиняным глубоким тарелкам. Коту тоже положила и сдобрила маслом. Удивительное дело — став разумным, фамильяр спокойно ел человеческую еду. Раньше он и нос воротил, и лапой загребал брезгливо.

— Почему дядья твои взяли за себя сестёр Марьюшки? Те же чуть было Финиста не сгубили.

— Наказали же их, а значит, вину сняли. Да и что с девок взять? По закону до замужества отец отвечает за девицу, после — муж.

— Значит, деда наказали?

— Ну, если бы погиб Финист, то виру взяли бы. Жизнь за жизнь. А так, подарил жеребца, лучшего из табуна своего, свату будущему — на том и сошлись.

«О времена! О нравы!», — подумала я и принялась за ужин.

После еды наш гость раззевался и стал взбивать подушку. Быт у народа простой: солнышко село — и на покой. Но в мои планы не входило потакать князю и его привычкам.

— Вот что, друже, бери подушку, одеяло, тулуп дам, чтобы мягче было, и ступай спать в баню. Там тепло и нужник рядом, — в ответ на удивлённый взгляд продолжила: — Негоже одинокой бабе в одном дому с человеком мужеского полу ночевать. Мало ли чего случиться может.

Кокетливо похлопала ресницами и мило улыбнулась, обнажив клыки. Акамир побледнел — переутомился, должно быть, — и в мгновение ока собрался на выход.

— Я что, должен неделю в молчанку играть?, — возмутился Филипп, когда каблуки княжьих сапог быстрой дробью простучали по ступеням крыльца. — Прогони его!

— Филенька, мы же на службе. А инструкция гласит…

— Принимать гостей и собирать информацию, — процитировал кот.

— Умница моя, — погладила фамильяра по голове. — Думаешь, мне он здесь нужен? Ни читать, ни рисовать при нём не смогу. Опять придется отложить планы по написанию травника на неопределённое время.

Мы хором вздохнули. Составила список необходимых продуктов и с пометкой «срочно» бросила в мини-порт. Теперь только по ночам смогу им пользоваться, чтобы не шокировать Финистовича фокусами. Великая Вселенная, дай терпения продержаться неделю!

Утром, нажарив большую миску оладий, заварив свежего травяного чая, выставив на стол к печеву мёд и сметану, попросила котика позвать гостя завтракать.

— Прям позвать?, — ехидно переспросил зверёк.

— Ну, мявкни призывно, хвостиком помаши, — посоветовала я, открывая ему дверь в сени.

Всё утро, пока возилась с тестом, думала о том, что написать в отчёте. Заинтересует ли изложение сказки «Финист — Ясный Сокол» моих кураторов? Решила не торопиться, а подождать развития событий, потом уже докладывать о происходящем в Луморье и соседнем с ним княжестве. Оказывается, не так уж просто быть наблюдателем.

— Добро ли почивала, хозяюшка?, — склонившись, чтобы войти в низкие двери, поздоровался Акамир.

Он был свеж, умыт и причёсан. Хоть не было сумки при себе, но многие необходимые мелочи люди того времени носили или в поясном кисете, или на ремешках, закреплённых на кушаке. Бриться мужчине надобности не было. Небольшая бородка и усы обрамляли лицо, пряча форму подбородка и губ.

— Благодарствую, княже. Подобру ночь прошла. Проходи, еда на столе.

Соблюдя правила, предписанные хорошим тоном и вежливостью, мы дружно принялись за оладьи.

— Ох и мастерица ты, бабушка, яства готовить. Вот вроде просто все, без затей, а вкусно так, что за уши не оттянешь, — отвалился от стола слегка объевшийся гость. — Иди ко мне кухаркой служить?

— Благодарю за честь оказанную, но стара я служить, мил человек. Да и неспокойно у тебя в дому, как поняла. Будут твои вороги сговаривать подсыпать отраву в еду или питьё, а я вспыльчивая. Чиркну злодея ногтем, меня же и накажут.

— Права ты, старуха, плохо у меня в дому, — грустно согласился Акамир. — Хоть бросай всё и беги.

— Может, поведаешь печаль свою? Глядишь, совет какой дать смогу.

Мужчина безнадёжно махнул рукой, вздохнул, но то ли сам хотел высказаться, то ли правда на совет понадеялся, стал рассказывать:

— Нас четверо братьев. Старший — Бажен, потом близнецы, Горыня и Добрыня, и я — младший. Бажену батюшкин престол наследовать завещано, для Горыни и Добрыни на границе поставили две новые крепостицы с наказом расширять до городов торговых. За мной два месяца тому к отцу посольство из Заречья прибыло — на княжество звать. У них старый князь помер бездетным. Выбирая нового правителя, бояре, как водится, передрались в Думе. Бороды и зубы друг другу проредили, кафтаны парчовые разорвали, словами погаными да срамными обозвали, но выбрать лучшего не смогли. Волхву поклонились разрешить спор, тот и присудил позвать князя стороннего и направление указал. Так и получилось, что стал я княжить. Только не рады мне в Заречье. Уже две собаки сдохли, что еду мою пробуют… Под медведя толкнули. Сгину я здесь, бабушка.

М-да, мужчина-то Акамир только телом. Косая сажень в плечах, головой потолок подпирает, а лет ему…

— Сколько годков тебе, княже?

— Осьмнадцать… будет.

Упс! Думала старше — бородка солидности добавила.

— Не стоит умирать раньше времени, Финистович. Скажи-ка мне, мил человек, у тебя план развития государства есть?

— Чё?

Вот так и проваливаются явки, пароли и внедрённые, глубоко законспирированные межгалактические шпионы.

— Что ты сделал за то время, как в Заречье перебрался?

— На охоту несколько раз съездил.

— Батюшка это тебе наказывал?

— Что мне батюшка?! Я сам уже князь!

Великая Вселенная, что же ты мне всех местных убогих на голову мажоров посылаешь?

— Тогда, как сани от Здеслава прибудут, ты с ними к себе и возвращайся. Чего время тянуть. Неделей позже, неделей раньше, одно, порешат тебя бояре. И правы будут.

— Почему?

— По кочану! Болезнь такая есть — «гордыня щенячья», от неё такие, как ты, дохнут. Молоко на губах не обсохло, а ты уже от наказа отцова отрекаешься. Поделом тебе наука от бояр будет.

— Здеслав тоже так говорит, — вздохнул парнишка. — Что же мне делать? Подскажи, бабушка!

«Подскажи», — передразнила я Акамира по себя. Нашёл государственного деятеля в консультанты. Как там у Макиавелли

было?

— Жил в землях заморских муж достойный. Был он советником и наставником правителя тамошнего. Говорил, что человеку разумному надлежит избирать пути, проложенные величайшими людьми, и подражать наидостойнейшим, чтобы если не сравниться с ними в доблести, то хотя бы исполниться ее духа.

— Как это?

— Батюшка твой — достойный государь?

— Да. Народ его любит, бояре уважают.

— Значит, надлежит тебе идти его путём.

— Так он в трудах день и ночь! Даже матушка сердилась, что редко видит его. На охоту если и ездит, то раза два в году.

— Ой, баловала тебя княгиня Марьюшка. Не давала отцу драть за леность, — глядя на неразумное дитя, предположила я.

Разобиделся гость, отвернулся, зашарил глазами по горнице в поисках кафтана.

— Прогуляться решил? Хорошее дело. Пойди, разомнись, подумай о том, что я тебе сказала. Только за ограду не выходи, если жить хочешь. Там у крыльца стоят лопата и метла, так ты, мил человек, почисти дорожки. Всё польза от тебя какая-то будет.

Фыркнул, схватил одежонку и выскочил в сени, едва не сорвав дверь с петель.

— Дурень!, — мявкнул вслед ему Филипп, которому надоело молчать. — И что ты с ним возишься? Ну, прибьют его за то, что надежд не оправдал, нам-то беда какая?

— У него же мать и отец есть, которые будут по нему горевать. И братья, которые будут мстить. Скажи, надо нам с тобой оказаться в зоне боевых действий?, — кот отрицательно помотал головой. — Вот я и не хочу.

Глава 6.

Ежедневные, пусть и неутомительные, дела отнимали массу времени. Хорошо еще, что мне не надо носить дрова и воду, топить печь и чистить чугунки и сковороды. Если бы не магические заклинания, переданные мне ведьмами, возилась бы по хозяйству с рассвета до заката без продыху. А так — прошептала заклятие очищения на посуду и домотканые половики, смахнула магическим вихрем пыль отовсюду, приказала ведру и тряпке полы вымыть — вот уже и порядок в избе.

Проведя ревизию кладовки, решила, что на обед будут щи. Эх, борща бы кубанского! С пастернаком и сельдереем, с чесночком и зажаркой, потомившейся в томате, с ароматом свежего укропа и болгарского перца. Даже слюну сглотнула, вспомнив, как это вкусно. Но помидоры еще неведомы этому времени, как и сельдерей с пастернаком, поэтому заказывать бесполезно. Хорошо, что лук, морковь да свёклу поставляют.

Пока я решала ежедневную женскую задачу «Что сегодня приготовить?», со двора послышался характерный звук скребущей по твёрдому лопаты. Князь за работу принялся, хорошо бы еще и за ум взялся.

Сначала я подумала, что мне показалось, но всё громче и громче звенели бубенчики и колокольчики в весеннем воздухе леса.

Набросив на плечи шаль, вышла на крыльцо, всматриваясь в приближающуюся кавалькаду. Трое всадников окружили сани, которые споро тащила тройка вороных коней. Вся упряжь была украшена бубенчиками, и под дугой заливисто тренькали разновеликие колокольчики.

Князь тоже прислушался, опершись на лопату.

— Иди-ка ты в баню, друже, и там схоронись, — посоветовала ему.

Чуть не споткнувшись о черенки брошенных инструментов, Акамир бросился исполнять мой совет.

— Эй, старуха, принимай припасы!, — закричал один из верховых, завидя меня на крыльце.

— Так не надо мне ничего. У меня и класть некуда. Езжайте себе, люди добрые, — повернулась к двери.

— Постой, погоди, бабка! Здеслав прислал для князя. Скажи, куда сгрузить?, — чуть смягчив тон, продолжил тот же воин.

— Себе оставь. Мне не надо ничего, — я зашла в сени и в

дверную щель стала наблюдать, как мужчины сбились в кучу и решают, что делать.

Постояли, почесали в затылках, сдвинув шапки на лоб, плюнули, махнули руками и поехали назад. Вернулась к печи, шинковать капусту, чистить и резать овощи, болтая с Филиппом о пустяках. Через время услышала, как по дорожкам зашуршала метла — князь выбрался из своего укрытия.

Готовые щи вместо свежего укропа заправила семенами, растертыми с ступе с солью, накрыла крышкой и поставила настаиваться. Сама же пошла звать работничка обедать, а то что-то не слышно его во дворе. Метла и лопата были поставлены на место, дорожки расчищены и подметены, но двор пуст.

Зато с тихим перезвоном по накатанной уже колее к избушке подкатывала бурая лохматая лошадка, запряжённая в сани, в сопровождении двух верховых.

— Здорово живёшь, бабушка Агуня, — поприветствовал возница. — Здеслав гостинцев тебе прислал. Забирай скорее.

— Я только горшочек масла просила, — отозвалась я. — Его и возьму. Подсунь под ворота.

Из-под ворот выкатился горшочек, завязанный по горлышко холщовой тряпицей. Развязав верёвочку, отогнула холстинку. Щепочки нет.

— Благодарствуйте, люди добрые! Кланяйтесь от меня боярину. Хорошее маслице прислал.

— Так тут еще много чего.

— Без надобности мне. Прощайте.

Подходя мимо крыльца, бросила подарок в приёмник утилизатора, который был замаскирован под старое ведро с крышкой. Ох, не любят Акамира в Заречье. Пошаркала к баньке:

— Выходи, сердечный. Уехали твои супостаты.

Щурясь от яркого солнечного света, князюшка появился на пороге:

— Ты прости меня, бабулечка!, — поклонился парень, коснувшись пальцами земли у ног своих. — Крепко думал над словами твоими. Вспоминал заветы отцовские. Даже не знаю, как такое случилось со мной. Как поморки ум застили.

— Пошли обедать. Потом поговорим.

— Это прямо зелье приворотное, — доедая вторую миску похлёбки, похвалил Акамир моё угощение. — Никогда таких вкусных щей не едал.

— Здрав будь, княже, — ответила я и принялась убирать со стола.

Когда относила крынку со сметаной в кладовку, случайно взглянула в приоткрытую дверь. К воротам подъезжали

крестьянские розвальни, в них была впряжена старенькая, замученная жизнью лошадка. Старенький-старенький дедушка в почти лысом треухе и дырявом тулупе правил понурой животинкой.

— Ты к кому, дедуся?

— Тут живёт Агуня? Подарок привёз ей от Здеслава — горшочек масла.

Из густой подмороженной массы виднелся край моей щепочки.

Отворила ворота:

— Заезжай, добрый человек. Ступай в избу, обогрейся, щей горячих похлебай, отвара с мёдом выпей.

— Благодарю, Агунюшка. Только не могу я задерживаться. Обещал сегодня вернуться. Не обессудь, что не помогу мешки да кадки в дом занести, а здесь оставлю.

Он споро выгрузил у крыльца привезённый груз, сняв шапку, поклонился и понукнул свою лошадку. Та вздохнула разочарованно, что не обломился ожидаемый отдых, но послушно потрусила в обратный путь.

Закрыв за ними ворота и обновив охранные заклинания, пошла смотреть, чем Здеслав племянника решил кормить. Овощи, мука, рыба, тушки уток, гусей и кур, туески с красной и чёрной икрой, сушеные ягоды, мёд, сметана, намороженные круги молока, яйца, крупы и горшочек масла.

Ко времени выглянул на крыльцо князь, очевидно гонимый любопытством.

— Разомнись, уважаемый. Поднимай в сенцы.

Закончив с продовольственным вопросом, мы вернулись в избу. За хорошую работу премировала Акамира кружкой отвара с ломтём хлеба, щедро политого мёдом. Села напротив и спросила:

— Так что ты надумал?

— Буду следовать твоему совету. Поступать так, как батюшка наказывал, — слизывая мёд с пальцев, ответил гость.

— Что же он тебе наказывал?

— Быть в курсе дел текущих и планировать будущее. Контролировать исполнение приказов. Учиться у опытных и обучать неумелых. Следить за чистотой тела и мыслей. Не проводить время в праздности, — парень на секунду замялся, но продолжил: — Беречь честь чужих жён и дочерей.

— Хорошие наказы дал тебе Финист. Ну, и какие ты уже нарушил?

Акамир вспыхнул как маков цвет. Опустил голову, вздохнул и буркнул:

— Все.

— Ох ты, горюшко луковое! Неужто девку какую обесчестил?, — охнула я, понимая, что этого ему не простят.

— Не девку. На охоте ко мне в горницу ночью молодая жена лесничего пришла. Не устоял я, бабушка, — парень вздохнул. — Утром муж её плетью отхлестал, за косу драл, а я не заступился. Здеслав не позволил — сказал, что дело семейное и не след мне вмешиваться.

— Не неволил же ты её. Сама пришла — сама и ответила, — ответила резко, но молодую лесничиху мне было искренне жаль.

Пожалуй, не от хорошей жизни юркнула под одеяло к князю и не за подарками, а за лаской и теплом человеческим.

— Грамоте обучен?

— Конечно!, — задрал нос князь.

Вытащила из печурки бумагу и стило, положила на стол:

— Пиши!

— Что писать?

— План на ближайшее будущее.

Оставив Акамира биться над непростой задачей, пошла в закуток кухонный. Вид и аромат икры, присланной Здеславом, вызвал жгучее желание полакомиться блинчиками, благо моё нынешнее тело могло себе это позволить. Худобу мою до приличных форм еще кормить и кормить и низкокалорийные диеты не грозят.

— Как дела твои, мил человек?, — ехидно поинтересовалась я, сотворив тесто и оставив его отдохнуть перед выпечкой.

Проходя несколько раз в кладовку и назад, краем глаза наблюдала, как князь чесал в затылке, смотрел в потолок, тянул себя за бородку и крутил усы. Но ни одно из этих стимулирующих действий не дало результата. Лист был пуст.

— Не знаю, что писать.

— Напиши для начала дела важные и срочные.

— Это какие?

— Например, сходить к волхву: поблагодарить за то, что на тебя указал, и попросить совета — в каком направлении народ свой вести.

Акамир уставился на меня, как на заморскую диковинку, а потом быстро-быстро начал писать.

— И Думу… Думу собрать надо!, — уже сам себе подсказывал он, едва поспевая записывать.

Порадовавшись, что гость при деле, занялась и я своим.

Люблю печь блины. Убедившись, что всё стоит удобно и под рукой, выставила на плиту две сковороды. Одну чуть позже другой. Масло налила в мисочку, положила в неё кисточку, скрученную из мочала, чтобы сковороды смазывать. Около

тарелки для готовых блинов горшочек с маслом приготовила.

— Господи, благослови!, — прошептала про себя заветные слова, и процесс пошёл.

После двух выпеченных и продегустированных блинов движения стали как у автомата. Подхватываю сковороду ухватом, смазываю дно маслом, половником наливаю отмеренную порцию теста, которое, шипя и пузырясь, растекается по раскаленной поверхности. Эту сковородку ставлю на плиту и тут же подхватываю вторую. Пока умасливаю и заливаю тестом, первый блинчик с одной стороны подрумянился, и его пора переворачивать. Тут и второй подоспел. Только успевай поворачиваться! Зато горка нежных ажурных блинчиков через полчаса была подана на стол, а к ним икра черная и красная, мед, сметана и, конечно же, горшочек масла. Из которого давно уже вытащила условленную щепочку.

— Так недолго и растолстеть, — обмакивая последний блинчик, в который завернул ложку икры, в сметану, сказал Акамир.

Филипп, вылизывая икру с кусочков теста из своей мисочки, довольно мурлыкнул и от удовольствия прищурил жёлтые глазищи.

— Не сиди сиднем, а займись тренировками, вот и не растолстеешь.

— Чем? Трени…

— Уроками по воинской науке, — сердито перебила я.

Опять ляпнула неуместное слово. Эх, язык мой — враг мой.

— Прямо с утра и начни.

— Так не с кем биться в паре, — уныло отбрыкивался Акамир.

— Утром возьмёшь в сенях коромысло и вёдра. Воды наберёшь, на плечи положишь и приседай сколько влезет. Хорошо ноги укрепляет. И спину, — посоветовала я и стала убирать со стола. — А сейчас геть в баню!

Разбудил меня Филипп. Сидел в ногах и слегка поцарапывал ногу, мысленно приговаривая: «Проснись! Проснись!»

«Ты чего?»

«Тихо! Посмотри, кто у нас появился».

Кот сидел на краю лежанки и осторожно заглядывал за угол печки, наблюдая за кем-то невидимым мне. Пришлось и мне ползти удовлетворять любопытство.

По кухонному закутку, суетливо заглядывая в каждую щель, сновал домовой. Около полуметра ростом, какой-то припылённый, взъерошенный и помятый, он явно искал поесть.

— Прости меня, нерадивую, дедушка домовой!, — тихо

сказала я. — Запамятовала, какое нынче число, и не поставила тебе угощение.

Домовой резко обернулся на мой голос, внимательно осмотрел кота, потом меня и спросил:

— По осени другая была?

— Другая, — ответила, спуская ноги с лежанки. — Сейчас мы с Филиппом. Я — Агуня, а тебя как звать, дедушка?

— Трофимом кличут.

— Ты, дедушка Трофим, помойся пока, а я на стол соберу. Ты что хочешь на завтрак?

Кот наблюдал за моими хлопотами и явно ревновал:

— Чего ты с ним так носишься?

— Не бухти! Нам с домовым ссориться не с руки. Кто за домом присмотрит, когда мы летом путешествовать полетим? Да и по хозяйству поможет, если что.

— Что за день такой, что кормить его надо?

— Первое апреля, лапушка! День домового. Они в этот день из спячки зимней выходят, и встретить надо по-доброму.

Достала из сундука полотенце чистое, положила на спинку ворчащего кота и попросила отнести в ванную нашу, где в лохани с горячей водой плескался Трофим.

— Ох, порадовала, хозяюшка! Меня никто до этого помыться не приглашал. Всё украдкой да потихоньку. А ты даже ширинку прислала с котиком, — попивая травяной чай из блюдца и прикусывая кристаллики от кусочка сахара, домовой наслаждался жизнью.

— Как иначе, дедушка? Живем в одном доме, значит, уважать друг друга должны. Только ты не обессудь, у нас гость скоро завтракать придёт. Он в бане ночует.

— Всё сладим в лучшем виде, — кивнул Трофим, запил чаем последние крупинки сахара, утерся полотенцем, которое висело у него на шее, и бросился к печи.

Даже не поняла сначала, что он делает, так быстро все замелькало в ловких руках домового. Вот из кладовой принеслись припасы, досталось сито, миски, веселки, и, как на арене у жонглёра-виртуоза, все заскакало, завертелось, закружилось в слаженном хороводе. Домовой, соскучившийся за зиму по работе, готовил еду.

— Да я же не это имела в виду!, — всплеснула руками. — Что же я делать буду, если ты даже еду готовишь?

— Крестиком вышивай, — хором хихикнули домовой и кот.

Топот каблуков по ступеням прервал наше веселье. Трофим, поставив противень в печь, закрыл её заслонкой и исчез, как будто его и не было. Кот зевнул и растянулся на мягком тюфячке

теплой лежанки, а я принялась готовить смесь трав для утреннего чая.

— По добру ли ночевала, хозяюшка?, — Акамир не то поприветствовал меня поклоном, не то просто в дверях пригнулся, чтобы лбом притолоку не вынести.

— По добру, гость дорогой.

— Ох и урок ты мне задала, бабушка! Не думал никогда, что вёдра с водой такие тяжёлые. Глянешь, идет по улице девка с коромыслом на плече, прямая, как берёзка, шаг плавный, как лебёдушка по озерцу плывёт. Оказывается, вон какую тяжесть несёт! Полтора десятка раз присел и взмок весь, — отчитался по утренней тренировке князь. — Мы с братьями таскали друг друга на плечах, но приседать намного тяжелее. Скажу Здеславу, пусть воев поучит.

Кафтан парень бросил на мою лежанку.

— Вон там у двери колышек в стенку вбит. Туда и повесь. Нечего мне на постель уличное сбрасывать, — строго распорядилась я. — И рубаху переодень — негоже в мокрой за стол садиться.

С продуктами дядька племяшу прислал и узел одежды. Пару нательных рубах, вышитую с пояском и порты запасные. Теперь можно было снять перевязку, которая заодно выполняла роль одежды. Исполосованные медведем и окровавленные рубахи кинула в утилизатор.

— Чем сегодня потчевать станешь?, — предчувствуя вкусный завтрак, спросил князь.

— Что дам — то и есть будешь, — буркнула в ответ, открывая печную заслонку.

Откуда я знаю, что там Трофим наваял, если за ним уследить было невозможно, так мелькало всё. Оказалось, что к завтраку поспели ватрушки творожные с морковью. Румяные, ароматные, одна в одну, прям слюнки потекли. Выбрала две самые аппетитные и отложила для новоявленного чудо-кулинара. Остальные сложила пирамидкой на блюдо и подала на стол.

— Жениться тебе надо, — прожевав первый кусок, сказала я Акамиру.

Тот поперхнулся и принялся откашливаться. Отдышавшись, уставился на меня, спокойно уплетавшую вкуснейшую ватрушку, слезившимися глазами.

— Это для того, чтобы чужие бабы в постель не лезли. Ревнивые мужья могут не только жёнку поучить, но и обидчика порешить, — сделав несколько глотков чая и дав время парню обдумать услышанное, продолжила: — Да и род невесты будет за тобой стоять. Значит, сватать девку надо у сильного боярина. Есть

такие в твоей Думе?

— Самый родовитый и богатый — Градислав Комов, он сам мог князем Заречья стать, но два других, Чтибор Дуда и Явил Вишняков, против него всех подбили.

— Есть у этого Градислава дочери?

Парень пожал плечами и потянул в рот надкусанную ватрушку. Пока не наестся, разговаривать с ним не о чем. Но Акамир жевал задумчиво и даже без особого аппетита:

— Вспомнил. Есть у него дочь. Он как-то обмолвился, что вокруг терема пора псов пускать, чтобы не сманили девицу.

— Вот и сватайся к ней! Комов тебе поможет укрепиться во власти, надоумит советом и защитит влиянием рода. Тех двух горлопанов тоже далеко не отпускай. Приставь к ним людей сноровистых, чтобы приглядывали незаметно.

Князь хоть и жевал, но слушал внимательно и послушно кивал. Вот сколько раз уже замечала, что дети часто внимают советам сторонних людей лучше, чем родне. Наставляли же этого оболтуса и Финист, и Здеслав, но не пошло впрок ученье.

Или, взглянув в глаза смерти, вдохнув смрадное дыхание разъярённого зверя и почувствовав боль от когтей его, понял, что закончились детские шалости и пора становиться мужчиной?

— Ох, бабушка, не простая ты старушка! За эти два дня я узнал больше, чем за последние пять лет.

— Глупости не говори! Отец с дядькой тебя многому научили, да ты не пользовался. Наверное, медведь мозги встряхнул и на место поставил.

Вспомнив случившееся, парень слегка побледнел, но быстро пришёл в себя, тряхнул головой, разгоняя грустные мысли, и поднялся из-за стола.

— Благодарствую за еду и советы добрые. Пойду еще вёдра потаскаю.

— Иди, милый, иди, — сказала я вслух, а про себя подумала: «У меня домовой еще не кормленный».

— Оболтус!, — констатировал вслед князю Филипп.

— Не скажи, милый, — осадила я котика. — Вот ты кот, а сможешь мышку поймать?

— Не знаю, не пробовал. Да и не надо мне это. Ты же накормишь?, — почесал за ухом фамильяр.

— Вот то-то и оно. Родиться кем-то — не значит им быть. Акамир родился княжичем, но Марья, балуя безмерно, не дала младшему сыночку расти стоящим воем и правителем. Финист, похоже потакая ей, махнул рукой, надеясь на сакраментальное «авось». Ситуация в нашем родном мире частая. Мамашки из сына воспитывают «сыночку», прикрывая юбкой от малейших

неприятностей. Даже будучи глубоко и прочно замужем, говорят, что дети «мои», а не «наши», — не подпуская отца к воспитанию. Вот и «мельчают» мужчины в России. Чтобы хоть как-то доказать свою принадлежность к мужескому полу, отпускают бороды и часами пребывают в брадобрейных салонах, ухаживая за ними, тратя немалые суммы.

Переведя дыхание после эмоциональной речи, я увидела, как удивлённо-внимательно меня слушали Филипп и Трофим.

— Так ты из-за этого сбежала из нашего мира?, — нарочито равнодушно спросил кот.

— Лапушка, сотый раз говорю, что не сбежала, а провалилась случайно, — взяла на руки кота и потёрлась щекой о его шёрстку. — Не бросала я тебя, дурашка. Ты всё ещё обижен?

— Нет. Просто к слову пришлось, — зверёк, не терпящий, когда его хватают и тискают, вывернулся из рук и спрыгнул на пол. — Открой дверь, пойду погуляю.

Оставшись вдвоём, мы с Трофимом присели за стол. Он пил травяной чай, я сварила себе кофе.

— Так ты не здешняя?, — сделав вывод из услышанного, спросил домовой.

— Нет, дедушка, почти местная. В другом измерении жила. Переходила мостик, упала, и закружила меня Вселенная. Дважды поменяла мне тело и возраст, миры и знакомых.

— Так и есть… Когда с моста падаешь, может занести неведомо куда, прибить невесть к какому берегу, — старичок задумчиво кивал нечёсаной головой и думал о чём-то своём.

— Давно здесь живёшь, Трофим?, — сменила тему разговора.

— Вот как избу поставили, так и живу здесь. Родом я из деревни, что много выше по реке. В добром дому жил, у справных хозяев. Служил честно, и они меня не обижали. В тот год весна спорая была. Ночью к крайним избам вдруг река подступила. Я только от сна пробудился, а тут беда. Насилу хозяина добудился, как вода нахлынула. Схватили они с жёнкой детей в охапку, и в окно бежать — дверь из-за воды уже не открыть было. Я им в мешок сунул припасы, одежонку и кошель заветный припрятанный да следом в окошко выкинул. Спаслись они. Успели выскочить… Меня река вместе с домом подхватила и унесла. Думал, что к Водяному в хату служить пойду, но повезло, и прибило растерзанный рекой сруб на отмель. Прыгнул на берег — и бежать подальше от воды. Хорошо, услышал речь человеческую. Непонятно, правда, говорили, не по-нашему. Избу эту осматривали, что-то правили. Шмыгнул в ворота открытые, забрался по крыльцу, затаился в горнице под печью и уснул от усталости и страха пережитого. Так и прижился здесь. Только

странные хозяева в дому сём. Меняются часто, законов наших не блюдут, меня не привечают. Жил как сирота, хоть и не обижали нарочно. Ты первая ведающая, — Трофим заглянул мне в глаза и с надеждой спросил: — Надолго сюда?

— Не знаю, дедушка, — и, увидев, как погрустнели у домового глаза, опустились плечи и сникла седая голова, добавила: — Слово даю, если доведётся мне покинуть Дремлесье, то или пристрою тебя в семью хорошую, или всех, кто здесь после меня будет, научу, как правильно жить с домовым. Те, что раньше были, о тебе даже не догадывались.

— Если так, то лучше бы я здесь остался. Хозяйство справное, люди не злые, и дружок у меня есть — лешак Адун.

— Вот и сговорились. Да не печалься раньше времени, уважаемый, может так случиться, что я здесь навсегда останусь.

Домовой не ответил ничего — просто исчез.

Зато в распахнутой двери встал взъерошенный после упражнений князь:

— Верховые там. Сюда едут.

— Ну, едут. Эка невидаль! Тут у меня уже дом гостевой, а не избушка тихой старушки-отшельницы, — проворчала я, кутаясь в шаль, недоеденную молью, и, шаркая разношенными обрезками валенок, что служили мне комнатными тапками, похромала на крыльцо.

Филипп вытянулся на широких перилах и нежился на солнечном припёке.

— Не паникуй. Это Здеслав едет, — едва слышно информировал меня и сощурился от яркого света.

Не доезжая ограды, остановился и спешился небольшой отряд всадников. Бросив поводья отроку, княжий дядя уже шагал к воротам. Я едва успела прочесть отворяющее заклинание, как он распахнул калитку и чуть ли не бегом взбежал на высокое крыльцо:

— Акамир где?

— Зажарила и съела, — цыкнула я зубом.

Вытаращенные глаза и отвисшая челюсть были наградой за хамство боярина. Но вышедший из сеней князь всё испортил. Зыркнув на меня хищным соколиным оком, Здеслав повернулся к племяннику:

— Собирайся! Недосуг отлёживаться. Дуда с Вишняковым смуту затеяли. Народ подбивают тем, что тебя на охоте медведь съел, а Градислав Комов якобы хочет княжий венец захватить.

— А он хочет?, — встряла я.

— Он с проломленной головой отлёживается. Напали на него, людишек его побили, самого ранили — насилу ушёл.

Акамир кивнул, вернулся в избу, но уже через пару минут вышел в шапке, в застёгнутом и подпоясанном кафтане. Брови сурово сдвинуты, губы упрямо сжаты, грудь колесом, кулаки сжаты.

— Благодарю, бабушка. Всё помню, всё сделаю. Прощай.

Сбежал с крыльца, выбив каблуками частую дробь, и быстрым шагом двинулся к ожидавшим воям.

— Что с ним?, — удивлённо глядя вслед племяннику, спросил Здеслав. — Как подменили.

— Просто мальчик вырос, — с улыбкой глядя, как бодро вскочил в седло князь. — Он жениться скоро надумает, так не препятствуй. Помни, женатый муж отроком не считается.

Глава 7.

Закрыла за гостями калитку и вздохнула облегчённо. Смилостивилась Вселенная и дает возможность передохнуть от визитёров, побыть нам с Филиппом самими собой, а Трофиму не исчезать внезапно, не допив чай и бросив недоеденную ватрушку. Кстати, надо спросить, куда он прячется.

Избушка блистала чистотой. Даже мои заклятия не наводили такой порядок, как это сделал домовой за короткий срок нашего с котом отсутствия.

— Какой же ты работящий, дедушка!, — похвалила я нечисть.

— И шустрый, — добавил фамильяр.

Довольный похвалой, Трофим раскраснелся, засмущался, буркнул что-то невнятное и метнулся за занавеску к печи.

Сбросив шаль и выставив уличную обувь в сени, села к столу и расстелила карту. С той самой минуты, как Здеслав отдал мне обещанную награду, у меня руки чесались развернуть её, чтобы рассмотреть край, в котором я живу. Сопоставить с картой моего мира и сориентироваться, в какой части Русской низменности стоит моя избушка.

Разочарование было сродни с тем, когда Френки мне сказала, что она пока не в силах изменить мою внешность. Если это лучшая карта современности, то я прима-балерина Большого театра.

На куске хорошего пергамента сверху каллиграфически выведено «Дремлесье». Ниже сама карта, больше похожая на топографическую. Деля рисунок на две неравные части сверху вниз, изображена полноводная река Вящая. Исток не указан, но впадает в Южное море. На ярко-синей глади ювелирно нарисованы лодьи под белыми и полосатыми парусами и судёнышки поменьше.

Левобережная, большая часть земель, от побережья до реки Цмоки, затемнена в серый цвет и подписана «Кощеево царство». Просто, понятно, без затей и без подробностей. Стольный град Гарал. Левая граница не обозначена, но там часто и густо прорисованы деревья. Тайга, что ли?

Цмока тоже без истока и «вытекает» из середины верхней части левобережья. Впадает в Вящую.

На светло-зелёном треугольнике, который отделил верхний край пергамента и две реки, написано «Дальземли». Стольный град Залавок расположился в вершине треугольника, в слиянии Цмоки и Вящей. На сваях они там построились, что ли, что

половодья двух рек не боятся.

На правом берегу, напротив, раскинулись земли Заречья, отмеченные на карте жёлтым. Это уже знакомое название. Княжество Акамира, столица — Камара. По верху, традиционно, ни границ, ни указателей, а вот по правому краю карты художник мастерски нарисовал горы. Видно без примечаний и пометок, что вершины высокие, перевалы опасные — сиди дома и не лезь. Тем более, что хорошее место Змеегорском не назовут.

Нижняя граница Заречья проходит по реке Зорянке, которая впадает в Вящую намного ниже Цмоки. На розовом прямоугольнике, который очертили две реки, море и горы, раскинулась надпись Луморье. Княжество Финиста со стольным городом Сокольском. Если немного подумать и применить метод исключения, то можно предположить, что Василий Прекрасный — из левобережного царства Дальземли.

Тогда моя избушка стоит…

— У нас гости, — выглянул из-за занавески Трофим.

Непроизвольно между ногтей пробежала голубая искорка, а из горла вырвался рык. Не могу уже никого видеть! Дайте мне хотя бы неделю пожить спокойно. Но в ворота уже стучали.

Вспоминая все слова из своего небогатого обсценного словаря и адресуя их Инку, я рванула с колышка, вбитого в стену, ветхую шаль и пошла на крыльцо.

— Кого там нелёгкая принесла?, — сурово не по роли, а по настроению спросила я.

У ворот томился всадник. Кафтан и шапка были цветов Акамировых воев. Впереди себя на коленях мужчина придерживал тюк с чем-то мягким.

— Госпожа Агуня, не серчай. Меня Здеслав еще третьего дня послал с наказом узел с рухлядью тебе передать. Лошадка у меня в пути захромала. Пока перековали, пока подлечили — вот и задержался. Можно перекину через ограду поклажу?

— Постой. Скажи, на чьих землях мы сейчас?

— Так Заречье, госпожа. Камара в дне пути отсюда, если по тракту и не спешить. Те, кто тропы знает, как я, могут за день туда и назад обернуться.

— Ладно, кидай!

На лету подхватила объемный узел заклинанием, чтобы не упал в раскисшую талую землю, и подтащила на крыльцо.

— Прощай, Агуня!, — донеслось из-за ограды, и я увидела, как всадник споро поскакал назад.

Узел развязывала прямо на крыльце: и света больше — солнышко только-только к закату покатилось, — и безопаснее так.

Позвала кота и домового, объяснила невнятную ситуацию с таинственно заблудившимся подарком и потянула тесёмку. В квадратном куске небелёного полотна были плотно уложены вещи зажиточной горожанки. Несколько тонких рубах; сарафан цвета сочной травы; юбка глубокого брусничного цвета; душегрейка; тонкая, как паутинка, пуховая шаль и большой цветастый платок с бахромой и кистями. Поверх всего лежали мягкие красные сапожки и короткие домашние пимы. Всё было новое, нарядное, украшенное разноцветной вышивкой, тесьмой и бусинками.

Хорошо, что дядька княжий, приметив мою бедную одежду, решил отблагодарить за родича не только ценой назначенной, но и от себя добавил.

— Отойди-ка!, — скомандовал стоящий на страже домовой и нырнул в ворох одежды.

Через пару минут возни он выбрался на гладкие доски, держа за ногу неизвестное мне существо, безжизненно тянувшееся за ним.

Фу! Эта гадость была в моей одежде? Не стану такое носить.

— Вот! Страхолюд-тонконог нагоняет страхи, тоску и болезни. Пробирается внутрь с покупной одёжкой или обувкой. Носит потом человек обновку, а радости не получает, а то и вовсе болеть начинает.

— Что же теперь — не покупать, а только самим шить-тачать?, — отодвигая ногой подарки к краю крыльца, чтобы потом в утилизатор отправить.

— Ну зачем же?, — отодвинул меня от одежды Трофим. — Только по правилам в дом заносить надо. Или на крыльце оставить на ночь, чтобы домовой очистил от гостей непрошеных, или между огней занести — свечи зажечь с двух сторон двери и войти в дом, или через топор переступить, лежащий на пороге.

Он по-хозяйски встряхивал и расправлял каждую вещь, развешивал на перилах греться в солнечных лучах, проглаживал ладошками места, где заломились складки, и ворчал:

— Хорошая одёжа, чего выбрасывать? Новая, сносу не будет. Транжира!

— Ну не сердись, дедушка. Просто противно после страхолюда носить.

— Наследить он не успел, почищу все, да и солнышко прогреет. Носи, не бойся.

Пройдя следом за домовым, я еще и свои заклинания очищения наложила на вещи. Чтобы наверняка. Глядя на нас, кот, запрыгнув на перила, тоже прошёлся по обновкам, обнюхивая и осматривая. Потом кивнул: нормально!

Обедом, который Трофим выставил на стол, можно было накормить небольшой отряд. Густой, ароматный гороховый суп, гусь, запечённый с мочёными яблоками, а к нему пшеничная рассыпчатая каша. На десерт сладкий пирог с ягодами и молочный кисель.

— Куда столько?, — ахнула я, увидев накрытую «поляну». — Да мы за неделю это не съедим!

Домовой смутился. Он уже и сам понял, что переборщил, и ждал моего порицания. Но я, отведав понемногу всего, похвалила кулинарный талант нашего домового и предложила:

— Оставь кусок гуся на ужин, а всё остальное я в стазис упакую, и у тебя будет время для других дел.

— Да тут и заняться нечем, — вздохнул Трофим. — Устал бездельем мучиться.

— Книги почитай, в игры с Филиппом поиграйте.

— Неграмотный я, и играть не умею. Нас только работать обучают.

— Так я тебя научу!, — откликнулся кот, который очень гордился тем, что умеет читать. — Это несложно.

Забрав листочки, на которых я писала буквы и слова для фамильяра, мои домочадцы устроились на лежанке и углубились в процесс просвещения домашней нечисти.

Наступил долгожданный покой.

Поначалу я радовалась нашему уединению и возможности жить так, как хочется, заниматься делами, «не соответствующими эпохе и положению». Не было необходимости каждый раз запирать мои книги и конспекты в сундук.

Работа по объединённому межгалактическому травнику споро продвигалась. Несколько погожих дней я провела за мольбертом на крыльце, пытаясь запечатлеть на бумаге весеннюю прозрачность леса, начавшего окутываться в зеленеющую дымку.

Но к концу второй недели я заскучала.

Трофим с котом за это время крепко сдружились. У них было много интересных занятий: они обсуждали прочитанные книги, играли в «крестики-нолики» и самодельные шашки. Чтобы у моих друзей было больше разнообразных развлечений, я, пожертвовав листом плотной акварельной бумаги, расчертила и раскрасила шахматное поле. Домовой напилил из ровной веточки шайбочки, половину которых мы обожгли на огне, придав им темный окрас. Теперь игроки несколько раз в день спорили и обижались друг на друга из-за проигрышей, но тут же мирились и начинали партию сначала.

Раз в неделю приходили письма от деда, которые, с одной стороны, радовали новостями, а с другой, вгоняли меня в тоску —

где-то кипит жизнь, происходят интересные события, а я сижу здесь затворницей.

Незаметно смахнув непрошеную слезинку, еще раз перечитала последнее послание от ректора:

«…Лиза просила передать, что и она, и керсы очень по тебе скучают. У них появились первые детки, и каждую нашу встречу Уголь требует от меня новые имена. Поэтому завел себе привычку читать словари перед визитом к чоттам, для пополнения словарного запаса. Травница учебки лэра Ивница обещала, что очень скоро королева сможет вывести подданных обживать первый обустроенный для них оазис. Они вдвоем с лэрой Навой так рьяно опекают твоих друзей, что даже я не могу навестить их без разрешения одной из этих прекрасных дам. Лэр Сетляр любезно согласился курировать обучение целителей, с моего согласия пригласил трёх новых преподавателей из Межгалактической медицинской академии. Похоже, наш Учебный Корпус будет выпускать самых лучших военных целителей. Реста активно помогает отцу, консультируя отстающих курсантов. Твой друг Виктор написал рапорт о переводе на лекарский факультет и усиленно занимается, стараясь догнать девушку по профессиональным знаниям и навыкам. Цитиц с головой погрузилась в подготовку к семейной жизни и забросила учёбу. Сержанты передают горячий салют и готовность принять тебя в свою боевую команду. Предупреждаю, что Рактий на нас очень сердит. Я рассказал ему о том, что мы были у тебя в гостях, но без подробностей о твоём нынешнем состоянии. Помни, отец искренне любит тебя, и внешний вид никак не повлияет на отношение к тебе, но ему сейчас очень трудно, и я не захотел нагружать его еще и этой проблемой. Если сможешь, пиши ему почаще».

Глухой топот тяжелых копыт вдоль ограды в моей душе отозвался радостным маршем.

Ура! К нам едут гости.

— Срочно сворачиваемся, — скомандовала домочадцам и быстро, как смогла, похромала на крыльцо.

Так вот ты какой, Сивка-Бурка! Голова коняги была почти вровень с оградой, и даже с крыльца видны алые огненные всполохи в тёмно-фиолетовом глазу, которым тот косил на меня.

— Бабулечка-Ягулечка, гостей принимаешь ли?, — спросил звонкий девичий голос из-за ограды.

— Отчего же не принять, если люди добрые, — ответила я в тон Василисе, спускаясь к воротам.

Интересно, чего царевне у тётки не сиделось, отчего опять в бега пустилась? Как же не хочется ссориться с местными

правителями, укрывая беглянку, но заказано мне в гостеприимстве отказывать.

Поэтому распахнула калитку, приглашая во двор всадницу и её коняжку. Вот только мала для Сивки калитка. Конь не только высок, но и широк в плечах оказался. И где таких берут, интересно?

— Сейчас ворота открою.

— Не хлопочи, бабуля, — проскальзывая мимо меня, отозвалась Василиса. — Он сам о себе побеспокоится. Ты только уздечку не трогай — заговоренная она.

Последние слова девушка на ходу бросила и побежала по дорожке в конец двора, к узкому, как скворечник, домику. Организму в потребностях не отказывают даже царевны.

Выйдя за калитку, я рассматривала необычного скакуна. Что-то в нем было не так. Прищурила глаза и осмотрела зверя магическим зрением.

Ёжкин кот! Так это же демон! На голове рожки, копыта раздвоенные и острые, гибкий длинный хвост лысый и заканчивается жалом, как у скорпиона. Золотые кольца пышной гривы и хвоста — всего лишь качественный морок.

Сивка тряхнул головой, звякнув уздечкой, и вывел меня из ступора.

— Бедняга, как же ты попался?, — пожалела я пленника.

«Молодость и глупая самоуверенность до добра не доводят», — ответил мне тот ментально.

Но тут распахнулась дверца уборной, и умиротворённая царевна показалась на дорожке. Уже не спеша, оглядывая двор и избушку, шла она к крыльцу. Надо идти к гостье, но не могу я пленника просто так бросить.

«Ты на зов явишься? Отправлю девицу в баню, и поговорим. Может, смогу чем помочь».

«Приду», — ответил демон и исчез, словно и не было.

— Проходи в дом, красавица, отдохни с дороги. А то в баньке попарься, пока я на стол соберу, — демонстрируя радушие, обратилась к девушке.

— Баня — это хорошо. Но мне переодеться не во что. Видишь, на мне платье мужское? Скрываюсь я, бабушка.

— Всё найдётся. Рубаха свежая, и полотен… аха… и ширинка добрая, и щёлок в бане готов, и веник запарен. Скидавай в сенцах одёжку свою, а я сейчас чистое принесу.

Царевна, не чинясь, принялась раздеваться в сенях, благо что за день солнышко прогрело освободившуюся от снега крышу и холодно в пристрое не было. Да и русская девица не чета древнегреческой богине — мороза не боится. Сунула босые ножки

в сапожки, набросила на голые плечи кафтанчик узорчатый свой, подхватила узелок, собранный мною, и пошла в баню.

Нацедив в большую глиняную кружку остывшего отвара, я двинулась следом.

— Сама справишься? А то из меня помощница плохая — жар плохо переношу, сил нету веником махать, — поставив на лавку в предбаннике кружку с освежающим питьём, спросила я.

— Справлюсь, ступай себе.

— Легкого пара!

Притворив за собой калитку, позвала:

— Сивка-Бурка, вещая каурка, встань передо мной, как лист перед травой!

Дрогнул и поплыл воздух, заставив меня прислониться к брёвнам ограды, являя демона.

«Откуда слова призыва знаешь?»

— Эка невидаль! Сказку читала в детстве. В ней раз семь повторено это. Не захочешь, да запомнишь. Вот только о том, что ты демон, ни слова. Откуда и каким ветром занесло в края наши?

Ответ вновь заставил искать опору:

«Из Преисподней. Есть во Вселенной такая».

— Знаю, — едва смогла выдавить ответ, вспомнив, чем обернулась для меня первая встреча с выходцем из этой галактики.

«Каждый выпускник Верхней школы высших демонов перед получением свидетельства и определением места прохождения практики отправляется в путешествие по мирам. Это последний экзамен на умение выживать в любых условиях и управлять любой ситуацией. Мне не повезло, и экзамен не сдан».

— Неужели в Дремлесье есть такой сильный колдун, что смог призвать и удержать высшего демона Преисподней?

«Наверное, Кощей смог бы, но он это не практикует. Меня пленил полудурок деревенский! Вот что обидно. Где только узду взял?»

— Постой-ка! Он тебя на поле пшеничном застукал?

Сивка печально покачал головой.

— Читала об этом. Только там о кобыле речь шла:

«Вдруг о полночь конь заржал…
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая».

«А я кто?», — взвизгнула лошадка в моём сознании до ломоты в висках.

— Упс! Прости, но я под брюхо при знакомстве не заглядываю. Как-то с детства сложилось, что Сивка-Бурка — это конь. Хотя да… Имя не мужское, — я виновато помолчала и продолжила расспрашивать: — По сказке ты от Ивана откупилась:

«По исходе же трех дней
Двух рожу тебе коней.
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да еще рожу конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами».

Сивка заржала. Она смеялась так заливисто, время от времени потряхивая головой, что я тоже начала хихикать.

«Как ты себе это представляешь, чтобы демоница конями разродилась?, — наконец спросила она. — Смешные вы, люди. Мелкого бесёнка дала в услужение ему в обмен на свободу — это было. Но Ваня, хоть и дурак, но дурак хитрый оказался. И горбунка взял, и меня царю Дальземельскому продал. Деду нынешнего. С наказом, чтобы уздечки не снимать и словами заветными при нужде звать».

— Значит, не было Жар-птицы и Царь-девицы, за которыми Ивана посылали?

«Павлины в дворцовом парке всегда жили. Их в качестве редкостей гостям высокопоставленным дарят в клетках золочёных и рассказывают легенду о том, как некий удалец, по приказу царскому, доставил в столицу птиц невиданных. Девицу же привезли гости заморские. Наплели о ней невесть чего. Якобы родня светилам дневному и ночному. Сестра, что ли… Царь уши развесил, да и вдовый был, а девчонка только-только из детства вышла, но хорошенькая и умненькая. Вот и решил козёл старый на ней жениться. Та, не будь дурой, давай ему условия ставить и загадки загадывать, сделай так и вот так. Только задания были безумные: достать кольцо со дна морского или омолодиться, прыгнув в кипяток. Не выдержал старик таких страстей и помер. Его старший сын по наследству принял монарший посох и капризную невесту. Слушать её побасенок не стал. Подцепил крепко под локоток, отвел к волхвам, чтобы брак освятили. Потом в тереме запер с мамками-няньками, и весь сказ. Без колец с глубин океанических и без ныряния в кипяток».

Сивка рассказывала мне местную версию сказки Ершова, а я ощупывала уздечку, докуда руки доставали, подсмеиваясь над

собой:

«Надеюсь, что за освобождение третьего существа из неволи Вселенная наконец-то поставит мне "зачёт" в прохождении квеста и даст другое задание?»

Легкие электрические разряды щипали кончики пальцев, подтверждая магическое происхождение узды. Но узла, который можно было бы распустить, чтобы отпустить демоницу на свободу, не находилось.

— Пригни голову, дорогуша. Я повыше посмотрю.

«До чего я докатилась, — раздался в сознании грустный голос лошадки. — Меня, высшего демона Сивкилью Бурколо, ведьма лесная фамильярно "дорогушей" называет!»

— Красивое имя. Рада знакомству. Позволь и мне представиться: Агапи вар Фламери, кровная дочь Рактия вар Фламери, правителя Драконниды.

Сивкилья наклонила голову, чтобы поближе взглянуть на дерзкую драконью дочь, а я увидела то, что искала. На лбу, где соединялись ремешки, сияла небольшая туманность. Погрузив в неё ногти, нащупала уплотнение и дернула его изо всех сил. Узда распалась на части, а Сивка на глазах стала трансформироваться в демоницу. Белокожая блондинка с гривой золотых кудрей и лирообразными рожками с высоты двухметрового роста рассматривала меня большими тёмно-фиолетовыми глазами, в которых полыхали языки пламени, и поигрывала хвостом, украшенным жалом.

— Ты свободна. Можешь возвращаться в свой мир. Прощай!, — сказала демонице и повернулась к калитке.

— Что, и награды не попросишь никакой?, — низким хрипловатым голосом спросила высшая.

Увидев, что я отрицательно покачала головой, она фыркнула и продолжила:

— Не люблю быть неблагодарной. Держи!

Слегка поморщившись, вырвала из шевелюры несколько волосинок, намотала их на свой палец, дунула, сняла и перекинула мне. Над моей раскрытой ладонью парило изящное золотое колечко, переплетённое из тончайших проволочек в замысловатый узор.

— Если занесёт тебя воля великой Вселенной в Преисподнюю и тебе понадобится помощь, просто поверни на пальце, и я тебя найду. Прощай!

Свечение портала, запах озона, а не серы, и прекрасная Сивкилья Бурколо исчезла из моей жизни.

Надеюсь, что навсегда.

Глава 8.

Сидя за столом, задумчиво закручивала деревянной ложкой, соответствующей эпохе и положению, в глиняной кружке воронку отвара из сушёных ягод. Думала я о Сивке. Досталось бедной демонице. Сколько лет в рабстве была, недостойным людям служила. Помню, даже в сказке описано было, как хлестали её плетью, требуя выполнения приказа: прыгнуть на высоту двенадцати венцов. Всё же интересно, где Иван взял ту проклятую уздечку, что смогла подчинить высшего демона?

По ступеням крыльца прошелестели легкие шаги — царевна из бани возвращается. Окинула взглядом стол, а на нем опять разносолов поляна накрыта.

— Трофим, это ты меня транжирой называл?

— Так гостья же!, — отозвался домовой и исчез.

Распаренная, раскрасневшаяся Василиса, сбросив кафтан в сенях, вошла в избу. Влажные волосы девушка закрутила льняным полотенцем. Рубаха, выданная мною, обтягивала полную грудь и бёдра. Хоть сейчас на конкурс «Влажные майки».

— Хороша у тебя банька, бабуня! И отвар замечательный был. А вот сорочка тесновата — дохнуть глубоко боюсь.

— Другой нет, — проворчала я, открывая сундук и доставая платок цветастый из подарков Здеслава. — Накинь!

Девушка набросила на плечи яркий полушалок, развела руки, рассматривая узор и кисти:

— Откуда такая красота у тебя, бабушка?

— Мужчина подарил.

Кажется, и правду сказала, но с самоиронией. Пусть теперь думает — меньше вопросов будет.

— Голодна? Садись к столу.

Ела царевна с аппетитом. Лапши с грибами похлебала, ножку курочки под квашеную капусту заточила, кусок сладкого пирога запила отваром ягодным. Эх, были же времена, когда девицы не морили себя диетами и потели не в фитнес-залах, а на работе по дому, огороду или в поле.

Отщипывая крошки от пирога, рассматривала царевну. Вот двойня с братом, а разные. У Василия каждое движение на зрителя, голос на слушателя: любуйтесь мной, и стар и млад. Прекрасный он. Василиса с виду бесхитростна, двигается естественно, говорит обычно. В чём же премудрость её?

— Что смотришь так, бабушка?

— Да вот думаю, какие вы с братом разные.

— Он и здесь побывал, — не спросила, а констатировала царевна. — Искал?

— Ночевал.

Девушка вздохнула, размотала полотенце, взяла предложенный гребень и принялась расчёсывать подсохшие волосы. Мне же не осталось ничего другого, как со стола убирать — Трофим при чужих не выйдет.

— Понимаю, что как царская дочь должна выйти замуж за того, на кого батюшка покажет. Но не за Кощея же!, — не смогла удержать эмоции беглянка.

— Чем Кощей плох? Царство у него самое могутное во всём Дремлесье.

— Страшный он… и бездетный. Что за семья, если деток нет?

— Как знаешь, что бездетный?

— Не впервой же он жениться собрался. Пятый раз, кажется. Берёт себе жёнку, та как сыр в масле катается: ест на золоте, спит на шёлке. Наряды разные, украшения… Ни в чём отказу нет. Развлекает её, опять же. Охоты, представления лицедейские, шары в небо запускает с корзинами, на лодьях по морю катаются. Только проходит лет десять или пятнадцать, и чахнуть начинает жена. Не нужны ей уже ни шелка, ни бархат, ни увеселения. Теперь не шуты и скоморохи, а лекари вокруг скачут. Помучается лет пять, угасая, и помирает. Снесут в усыпальницу, где такие же лежат, — Василиса помолчала, протягивая гребень по густым золотистым прядям, а потом вскликнула: — Не хочу я судьбы такой! Могу за простого парня пойти, но чтобы люб он мне был. Только…

Отвернулась царевна к окну, в мути которого краснела вечерняя заря. Не знаю, чем имитировали соответствие положению и эпохе, но через маленькие квадратики то ли слюды, то ли бычьего пузыря ничего видно не было. Немного света дневного пропускали да стужу задерживали — вот и вся радость.

— Только что?, — меня не столько ответ волновал, сколько хотелось дать девушке выговориться.

Вряд ли есть у неё подруга сердечная, которой всё-всё рассказать можно, так пусть мне поплачется. Тем более, что виновата я перед ней — Сивку-то отпустила.

Василиса поёрзала на лавке, подергала кисти платка, что грел её плечи, и со вздохом почти прошептала:

— Никто меня никогда не полюбит.

— Здрасти!, — всплеснула я руками.

Ожидала чего угодно, но такое!

— Здравствуй, бабушка, — растерянно ответила девушка.

— Да с чего ты такое взяла, красавица?

— Не называй меня так. Не надо смеяться над горем моим. Или ты совсем слаба глазами стала и не видишь?

Щелкнула пальцами, вызывая светлец, приказала ему поярче девушку осветить и стала вглядываться. Круглое простоватое лицо с белёсыми ресницами и почти незаметными бровями густо обсыпано веснушками. Приоткрытые, красиво изогнутые полные губы, ровные зубки, вздёрнутый аккуратный носик и голубые глазищи. Не красавица, но мила, и даже очень.

Немного макияжа, причёску поправить, и алмаз превратится в бриллиант.

— Теперь видишь?

— Вижу, что зря тебя люди Премудрой кличут.

— Как это?

— Что бы ты изменила в себе, если б смогла?

Ни секунды не задумываясь, царевна ответила. Кажется, не один час у зеркала провела, анализируя свою внешность.

— Брови хочу густые, соболиные. Ресницы тёмные, как у гостей заморских, лицо вот такое, — ладошками Василиса прикрыла часть щёк, приблизив абрис лица к овальному, — и веснушки…

Последнее слово девушка простонала. Похоже, каждую весну она воюет с ненавистной пигментацией.

— Краситься не пробовала?

— Что я — девка гулящая, чтобы лицо мукой и углём мазать?!, — оскорбилась девица.

Ну да, ну да… Косметическая промышленность еще не скоро даст возможность красоткам этого мира подчеркивать достоинства и скрывать недостатки. Подручными же средствами, которые есть в наличии сейчас, только пугало огородное разрисовывать.

«Вот и пригодился подарок Амбросия и мои навыки визажиста», — подумала я и похромала в сени за комодом, под завязку набитым штучками, радующими женскую душу и меняющими лицо.

— Сейчас буду учить тебя магии, — заявила я, ставя два табурета напротив друг друга и выставляя из ящика на верхнюю полку хранившиеся там сокровища.

— Что это?, — широко распахнув глаза и приоткрыв рот, царевна рассматривала флакончики, коробочки, баночки, палитры, кисти и спонжи.

— Вот это и есть магия. Пользуясь этими зельями, можно из простушки превратиться в красавицу или из красавицы в уродину. Сейчас покажу тебе, какой ты можешь быть. Потом, если понравится, ты несколько раз сама повторишь, чтобы научиться

моему волшебству. Готова?

Василиса была хорошей моделью. Терпеливо, почти не дыша, она выполняла все мои команды. Чтобы не пугать девчонку, для начала представила ей вариант а-ля натюрель. Тональной основой исправила тон кожи, замаскировав бледные, но создающие неряшливый вид веснушки, оставив те, что делали лицо царевны неповторимо очаровательным. Легкое прикосновение кисти с румянами в тон розовых губ к скулам — и свежесть юности становится чуть заметнее. Изгиб бровей подчеркнут карандашом на три тона темнее волос. Тени естественных оттенков и коричневая тушь с эффектом объема превратили глаза моей подопечной в глубокие омуты, а взгляд стал загадочным.

— Потерпи еще немного, и я закончу, — убирая декоративную косметику, доставая следом инструменты парикмахерского искусства, подбодрила царевну.

Увы, я в этом не сильна, но косы плести могу. От пробора вдоль лица с каждой стороны, визуально вытягивая лицо и скрывая часть щеки, заплела плоские косы и кольцами закрепила их за ушами. Начиная с макушки, соорудила французскую косу, распушая и вытягивая пряди. Закрепила шпильками, заколками и осмотрела…

Результат на лице!

— Теперь смотри, — подняла скрытое за ненадобностью зеркало и повернула к нему Василису.

— Это правда я?, — губы модели дрожали.

— Ты, конечно! Но если сейчас заревёшь, то вся красота слезами смоется.

Царевна не отрывала глаз от отражения, поворачивая голову во все стороны. На её лице крупными буквами было написано: «До чего ж я хороша!»

Три дня не отходила моя ученица от зеркала. Извела половину подходящих её коже и цветотипу средств, но освоила искусство приукрашивать себя с помощью косметики. Сама придумала несколько различных вариантов причёсок и была несказанно довольна своей внешностью.

— Только напрасно все это, — вздохнула Василиса, вертя между пальцев кисть для пудры.

Сегодня она сдала последний экзамен: причёска и макияж для вечерних приёмов, и сейчас раскладывала по местам расчески, кисти, палитры и шпильки.

— Где я возьму такие зелья чудесные? Да и не позволит мне батюшка на лицо краску наносить. Может и плетью шелковой поучить за такое.

Не знаю, какой бес толкнул меня под руку и шепнул в ухо, но я сделала то, что сделала. Делая вид, что нагнулась поднять упавший гребень, приоткрыла нижний ящик, на ощупь достала первый подвернувшийся под руку кристалл и, обойдя зеркало с обратной стороны, активировала связь с Амбросием.

— Знаешь гадание на жениха?, — спросила царевну.

— Нет. Расскажешь?

— Смотри, не отрываясь, в зеркало и говори тихо:

«Суженый-ряженый, приди ко мне наряженный». Только подождать придётся.

Но ждали недолго. Минут через пять за стеклом послышался звук быстрых шагов и радостное:

— Леди Ага… Леди?, — завидя не ту, что ожидал, Амбросий растерялся. — Кто вы, леди?

— Царевна Василиса я, — от волнения щеки девушки раскраснелись, ресницы трепетали, пышная грудь вздымалась, грозя разорвать тонкую сорочку.

— Царевасия?, — голос из зеркала был удивлённым, да и я ахнула.

Царевасия — на кирумитском значит «предназначенная судьбой».

— Вы подруга леди Агапи?

Я активно замотала головой, подсказывая Василисе ответ. Не надо, чтобы вампир меня как-то связывал с царевной. Да и какая она мне подруга?

— Нет. Я просто… мимо проходила.

Из зеркала послышалось шипение и треск, через который прорвался голос:

— Леди, ког… ш-ш-ш-ш… вас… ш-ш-ш-ш… еть?… ш-ш-ш-ш… автра!

Связь прервалась. Кажется, я случайно взяла самый маленький носитель энергии. Правда, в случайности я не верю.

Царевна продолжала не моргая смотреть в зеркало, надеясь, что «суженый-ряженый» появится вновь. Но видела только свою погрустневшую мордашку.

— Он кто?, — наконец выдавила она, с трудом отводя взгляд от устройства.

— По всему выходит, что твой суженый. Не понравился?

— Как он может не понравиться?! Жаль, что ты его не видела! Он такой…, — Василиса молитвенно сложила ладошки на груди, закрыла глаза, и выражение лица Премудрой отразило глупость влюблённой дурёхи.

«Хм, как же должен быть страшен Кощей, если Амбросий ей красавцем показался?», — задала я себе вопрос и запустила

изогнутые ногти в затылок под шапочку из парика и платка.

— Замуж за него пойдёшь?

— Позовёт ли?, — вздохнула Василиса.

— В мире, где живёт Амбросий…, — начала я, но девица меня перебила.

— Амбросий? Какое прекрасное имя! Мои… Нет! Наши дети будут Амбросиевичами.

«Какой идиот её Премудрой назвал?», — ментально спросила я у Филиппа, наблюдающего за нами с лежанки.

«Если брат Прекрасный, то ей только это и осталось», — откликнулся фамильяр.

— Могу я продолжить?, — попробовала вернуть царевну из мира грёз, куда унесли её мечты о будущем.

— Да-да, расскажи мне о нём!

— Не о нем, а об обычаях того места, в котором он живёт, — и, убедившись, что Василиса слушает, продолжила: — Его мир называется Кирумита. Главный закон — Устав о правильной жизни. В нем сказано, что если Она пригласит Его встретиться утром и отведает угощение, которое Он принесет, то вечером того же дня они могут объявить себя супругами.

— Думаешь, если я позову его, то он придёт?

— Не знаю. Спроси сама завтра, когда Амбросий будет у зеркала.

— Куда же я его приглашу? Сюда?

Хороший вопрос! Об этом я не подумала. Здесь вампиру делать нечего, и желания встречаться с ним у меня нет. К тому же Дремлесье мир закрытый, порталом не пропустят. Значит, придётся Василису отправить на планету Межгалактического Совета. Туда доступ у Амбросия есть. Ох и нагорит мне от Инка за самоуправство! Зато и царевну пристрою, и поспособствую устройству личного счастья правителя Кирумиты.

Как говорил Вильям наш Шекспир: «Мешать соединенью двух сердец я не намерен».

— Завтра решим, где вы встретитесь. Сейчас ложись отдыхать. Утро вечера мудренее.

Спать влюблённая девица не желала. Она засыпала меня вопросами о мире, в котором живет возлюбленный, о его возрасте и общественном положении, о том, что он любит из еды, как развлекается и…

Хоть и не сторонница я таких методов, но набросила на царевну заклятие сонное, чтобы отдохнуть перед трудным днём.

Уже засыпая, подумала: «Как Амбросий с Василисой друг друга поняли? Языки-то разные».

Утро было не мудрее вечера.

Василиса нервничала оттого, что надеть ей нечего, что время тянется медленно, что «а вдруг он не захочет»…

— Цыц!, — не выдержала я.

Гаркнула так, что кринки в кладовой звякнули, а у кота шерсть дыбом встала. Царевна оказалась покрепче брата и просто присела на лавку, прижав ладошку ко рту.

— Хватит юродствовать! Ты царская дочь, а не деревенщина затюканная. Веди себя подобающе статусу и родовитости.

Мой окрик отрезвил девушку. Она немного повздыхала, но перестала блажить и метаться по избе. Помогла накрыть на стол, потом прогулялась за оградой, принесла пушистых веточек вербы и поставила их в кувшинчике на узком подоконнике. Ближе к вечеру подкрасилась, поправила причёску, выслушала и безошибочно повторила мои инструкции. Время до сеанса связи еще было, а у меня вопросы оставались.

— Скажи-ка мне, девонька, тебе чего у тетки не сиделось? Василий сказывал, что ты к ней подалась.

— Как же мне было там оставаться, если тётушка не рада мне была? Да и братец следом примчался. Сначала уговаривали домой вернуться, а потом втайне сговорились опоить меня зельем сонным и передать Кощею. Боятся все его очень. Только меня девка-чернавка пожалела и предупредила. Она и одежду мужскую принесла, мою всю отняли и спрятали. Бусы коралловые ей подарила и поклонилась до земли, когда уезжала.

Глаза у царевны подозрительно заблестели от обиды на родичей, но она, помня о макияже, помахала на лицо ладошками, подышала глубоко и размеренно. Успокоившись, спросила:

— Не пора ли к зеркалу, бабушка?

Амбросий отозвался сразу:

— Леди Царевасия, счастлив видеть вас вновь!

— Я тоже вам рада, — ответила Василиса с достоинством, но тут же, боясь, что связь вновь прервётся, решительно спросила: — Могли бы мы встретиться поутру?

— Это мое жгучее желание, — не задумываясь отозвался вампир, но осторожно уточнил: — Позволите угостить вас сладкими булочками?

— С удовольствием отведаю.

Как же всё просто! Хвала первому предку правителя вампиров за эту формулу сватовства.

— Где же мы встретимся, леди?

— В портальном зале Межгалактического мира.

— Буду ждать с нетерпением!

— Захватите для меня плащ. Моя одежда не соответствует вашему статусу.

— Всенепременно, моя Царевасия.

Василиса изобразила легкий поклон, и я отключила связь. Все было сказано и условлено. Пустые разговоры не красят никого. Правда, объяснять девушке из средневековья, чей плоский мир покоится на трёх слонах, стоящих на черепахе, что такое порталы и галактики, мне пришлось не один час.

Время в мирах разнится, но я решила вопрос просто. Написала заявку на доставку свежего творога с просьбой прислать мне его межгалактическим утром. Казалось бы, можно спокойно ложиться отдыхать, чуткий Филипп или бдительный Трофим разбудят, когда заказ будет исполнен, но ни мне, ни царевне было не до сна. Нашла в сенях самую маленькую корзинку и сложила туда необходимую косметику, прикрыв домотканой салфеткой:

— На первое время хватит. Потом скажешь служанке, что обновить и что добавить. Амбросия в наши женские хитрости посвящать не стоит. Спроси в замке девушку Вениру. Если она еще там, то передай, что помню её, и попроси помочь освоиться. Если же нет… Обратись к старшей Лории помочь подобрать тебе девочку смышлёную в помощь.

— Запомнила всё, бабуня!, — видно было, что Василисе уже невмоготу сидеть на месте и слушать мои наставления.

Смогла бы, так вспорхнула птичкой и полетела к любимому через пространство Вселенной. Пусть не знает, в какую сторону, лишь бы что-то делать. Зато запаниковала я. Куда неопытную девчонку отправляю?! Вдруг не сложится у них с вампиром, что с ней будет? Ни родных, ни близких рядом.

— Василиса, может быть, останешься? Миры там незнакомые, обитатели чужие…

— Здесь хоть и родные, да хуже недругов, — хмуро ответила Премудрая. — Сивку жаль оставлять им — замордуют конягу.

— Так я её отпустила. Узду сняла и дала вольную, — повинилась напоследок.

— Вот и славно!, — захлопала в ладоши царевна.

Звук доставки мы услышали даже через аплодисменты.

— Что ж, пора. Храни тебя Вселенная, Царевасия!

Девушка остановилась на пороге:

— Всё забываю спросить, что это значит? Почему Амбросий меня так называет?

— Предназначенная судьбой. Теперь это твоё новое имя и статус.

Отвела путешественницу в сарайчик под избой, показала, какие грабли на себя потянуть, чтобы портал открылся, и еще раз напомнила:

— Два шага вперёд и один в сторону.

— Помню!, — донеслось из голубого сияния, куда не шагнула, а бесстрашно прыгнула моя гостья.

В горнице на столе стояла чашка горячего кофе и кусок сладкого пирога, на лавке рядком сидели Филипп и Трофим, смотрящие на меня с ожиданием.

— Что теперь будет?, — первым не выдержал кот.

— Ну, не расстреляют же?, — сделав глоток любимого напитка, ответила я, прикрыв от наслаждения глаза. — Кажется, даже никакую инструкцию не нарушила. Через день или два примчится Инк, наорёт, еще раз спросит, зачем мне голова, — откусила кусок пирога и продолжила бубнить с полным ртом. — В очередной раз констатирует мою глупость, и этим всё кончится.

Ах, если бы я знала, как оно будет на самом деле…

* * *

После очень раннего — за окном даже светать не начало — завтрака, мы с котом легли спать, а Трофим, прихватив книгу, исчез за печью. Но выспаться не дали.

Явился Василий. Так как по заклятью со двора вылететь можно, а во двор влететь без разрешения нельзя, то он с лёту врезался в невидимый барьер и рухнул перед воротами. Громко кроя родню нечисти в общем и персонально хромую горбунью недипломатичными выражениями, выпутывался парень из мокрого и грязного ковра-самолёта. От Прекрасного в нём осталось мало. Бомж помоечный, а не царевич. Мы с Филиппом с крыльца наблюдали, как выползал сам и тянул следом артефактную тряпицу на пригретый утренним солнышком бугорок наш бывший постоялец.

— Помоги мне, старуха!, — заметив меня, заорал он.

Видя, что никто к нему не торопится, стал браниться так, что самые взыскательные коллекционеры обсценных выражений могли пополнить свои копилки.

— Пошли отсюда! Негоже тебе такое слушать, — подхватила кота на руки.

— Стой, змея хромоногая, отдай Василиску! Знаю, что у тебя прячется — след Сивкин у ворот видел!

— След, может быть, и есть, а вот Василисы здесь нет. И ты проваливай, — захлопнула я двери.

Парень не унимался еще часа два — пока не охрип. Сразу в округе стало тише, вновь запели птицы, а дятел принялся дробно долбить сухой ствол в поисках жужелиц. Еще через час, обсушившись и кое-как отчистив грязь с одежды, Василий смог

поднять ковёр в воздух. Медленно, почти над самой землёй, уносил тот своего хозяина от избушки.

— Обедать будете?, — спросил заботливый домовой.

— Что-то не хочется, родимый, — настроение после визита царского отпрыска было на нуле.

Одно дело — получить выговор от друга, который по совместительству еще и начальник, и совершенно другое, когда на тебя выливает ушат словесных помоев охамевший мажор.

— Фильку покорми, а я ступу выгуляю.

— Я с тобой, — вскочил кот. — Без меня нельзя!

Поднявшись над лесом, осмотрела местность. Оказалось, что избушка стоит на пологой, заросшей смешанным лесом возвышенности, равноудаленной от двух рек. Слева Вящая солидно несла свои небыстрые воды к Южному морю, и противоположный её берег виднелся голубой полосой — там царство Кощеево. За спиной, сверкая солнечной рябью волн, спешила влиться в единый мощный поток Зорянка, разделяя Луморье Соколиное и Заречье Акамирово.

— Куда править, дружочек?, — посоветовалась с фамильяром.

— Рыбкой бы разжиться…, — мечтательно протянул кот. — Полетели на реку, может рыбаков встретим.

— Грабить их будем? Денег-то нет. Христа ради тоже не попросишь — язычество исповедуют, — ответила коту, но всё же повернула пест в сторону Вящей, рассуждая по принципу: большая река — большая рыба.

Ступа неслась над распускающимся изумрудным лесом, под голубым бесконечным небом, прошитым золотыми лучами солнца. Краски окружающего мира были чистыми и яркими, свежий, насыщенный весенними ароматами воздух пьянил. Постепенно выветрились из души и сознания утренние негативные эмоции. Хотелось бесконечно лететь над зеркальной поверхностью реки, не думая ни о чём.

— Куда ты гонишь?, — вывел меня из состояния эйфории Филипп. — Следи, куда правишь!

И впрямь, увлеклась, не замечая, что и скорость выше предельной, и направление опасное. Наш летательный аппарат приближался к берегу Кощеева царства, а там нам делать нечего. Удивляясь, как это меня занесло, ухватила пест покрепче и стала притормаживать, чтобы развернуться для возвращения домой. Но ступа не слушалась. В самом начале вильнула немного, реагируя на мои действия, но тут же вернулась на прежний курс и даже немного прибавила скорость. Куда больше-то?!

— Кажется, она взбесилась от длительного безделья. Руля не слушается, и тормоза отказали, — прокричала я в ухо коту. —

Если разобьёмся сейчас, то прости меня за всё, лапушка.

Кот не ответил. Неотрывно смотрел он на какую-то чёрную точку на наступающем берегу, которая увеличивалась в размерах.

Вот уже и я смогла рассмотреть на фоне густого тумана высокую фигуру, закутанную с головы до ног в плащ с низко надвинутым капюшоном. В руках встречающего был посох, навершием указывающий в нашу сторону. Похоже, что так он и перехватил управление.

Завершил полёт колдун жестом гаишника, останавливающего транспортное средство. Ступа послушно начала снижение и совершила приземление в указанном месте.

Если выживу и сможем вернуться, то изрублю в щепу и спалю предательницу в банной топке!

— Конец маршрута, можно выходить!, — отворили дверцу снаружи, и ко мне протянулась узкая мужская рука в чёрной перчатке. — Обопритесь, сударыня, чтобы не оступиться.

Голос и слова были дружелюбны, но мне очень хотелось забиться в несуществующий в круглой ступе угол и прикинуться ветошью, чтобы не достали. Помедлив мгновенье и наступив на горло собственному страху, взялась за предложенную руку, протискиваясь наружу.

— Ну, здравствуй, Агуня!, — оттого, что незнакомец знает моё имя, я даже бояться забыла.

— И тебе не хворать…, — замялась, не зная, как обратиться к хозяину здешнему.

— Кощей я, бабушка. Царь Кощей.

В глазах потемнело, ноги подкосились.

«Так вот ты какой, кирдык, пришедший незаметно! Прям всем телом, а не только пятой точкой чувствовала, что к хорошему наша встреча не приведёт. А уж после того, как я невесту его к другому спровадила, и вовсе не жить мне», — пронеслись в несчастной головушке панические мысли.

— Что с тобой, гостья дорогая?, — бережно поддерживая под руку, заботливо поинтересовался главный злодей Дремлесья.

— Укачалась, милый. Непривычна к таким скоростям, вот головушка и закружилась.

— Хотел быстрее увидеть тебя, старушка, потому и торопил ступу твою.

— Увидел? Вот и славно. Пойдём мы с котиком, пожалуй, — хотела было повернуть назад, но за локоть держали крепко.

— Не торопись, отдохни, отведай моего хлеба-соли, — взмах свободной рукой, и из расступившегося тумана открылся вход в шатёр, разбитый на берегу. — Проходи, гостья дорогая.

Хоть последние слова и были сказаны мягко, но

чувствовалось, что гостить у Кощея мне будет жёстко.

Глава 9.

Рассеянного солнечного света хватало, чтобы рассмотреть внутреннее убранство шатра, которое напоминало будуар гаремной фаворитки.

Тончайшие шёлковые занавеси струились с высоты купола и делили помещение на зоны. Откуда-то доносилась едва слышная умиротворяющая музыка. Плавал ароматный дымок из курильниц. Сразу за порогом слуги, облачённые в дымчато-серые одежды, подали нам чаши для омовения рук. В воду было добавлено розовое масло, и я, наплевав на приличия, с удовольствием умыла еще и лицо. Хоть кожа у меня теперь почти драконья, но всё равно пылала, обожжённая солнцем и обветренная встречным потоком воздуха во время полета. Приняв влажные салфетки, которыми мы промокнули влагу, слуги с низким поклоном удалились, а меня Кощей повел дальше. Ступая по мягким коврам и путаясь в занавесках, я шла по шатру, надеясь, что еще поживу немного. Филипп привычно сидел на горбу и был необычайно тих.

— Проходи, — отодвинув очередную тряпичную стену, пригласил Кощей к возвышению, заваленному подушками в парчовых наволочках, разнообразных цветов, форм и размеров.

Посредине стоял не то большой поднос, не то низкий столик с трёхэтажной фруктовницей, на которой живописно разложили дивные для этих мест и времени года плоды. Грозди белого и красного винограда прикрывали небольшую связку мини-бананов, наполовину очищенный гранат манил драгоценными зернами, крупные мандарины подчёркивали матовую зелень яблочных боков.

Невольно рот наполнился слюной, но я отвела взгляд от вожделенных лакомств. Кто там говорил, что в доме врага горек хлеб?

— Присаживайся, — продолжал демонстрировать гостеприимство колдун.

Прикинула, как нелепо буду выглядеть, если поползу вглубь помоста, и присела на край, подложив валик с золотыми кистями под спину. Кощей хмыкнул и тоже устроился с краю, небрежным жестом подвинул и поставил между нами столик. Щёлкнул пальцами, и тут же неведомо откуда появились серые, как тени, слуги, расставляя расписные тарелки с горячими пирожками, пиалки с засахаренными орехами и ягодами. Последней поставили маленькую жаровню, на которой в джезве закипал

кофе.

Поймав только ему ведомое мгновенье, хозяин снял посудину с огня и сам разлил в миниатюрные, на один глоток, чашечки.

— Угощайся, — предложил он и, видя, что не тороплюсь принять приглашение, добавил: — Не бойся, травить не стану. Ты мне живая нужна — долг за тобой, а он, как известно, платежом красен.

Уйти в полную несознанку я решила, как только поняла, что сразу убивать Кощей не будет. Поэтому постаралась изобразить лицом крайнюю степень удивления.

— Да когда же я тебе задолжала, мил человек? Не припомню, чтобы мы раньше встречались, — всматриваясь в затенённое капюшоном лицо, спросила: — Или знакомы мы?

Царь расстегнул фибулу, стягивающую края плотной ткани, отбросил колпак и сбросил плащ на пол. Хорошо, что руки лежали на краю помоста. От неожиданности пропоров ковер, вцепилась когтями в доски настила.

Незаметно выдохнув, хмыкнула:

— Тебя бы не забыла!

Кощей был настолько хорош, что я впервые по-настоящему пожалела о своем уродстве.

Сказочный принц из восточной сказки, заблудившийся в среднерусских лесах. Настойчиво уговаривала себя не пялиться на него, но не могла отвести взгляда от миндалевидных глаз цвета перезревшей вишни в обрамлении идеально изогнутых ресниц.

Белая одежда неместного кроя выгодно подчёркивала смуглость безупречной кожи с едва уловимым оливковым оттенком. Бородка и усики очерчивали лицо и губы настолько тонкой линией, что казались нарисованными тушью тонкой кистью искусного художника.

Поняв, что я зависла, а кофе остывает, длинными музыкальными пальцами он подхватил чашечку и грациозно поднёс к чувственным губам. Ноздри аристократичного, с легкой горбинкой, носа, уловив аромат напитка, чуть дрогнули.

«Мне это не надо! Мне это не надо!! Мне это не надо!!!», — твердила как молитву фразу-нейтрализатор ненужных гормональных всплесков, но впервые она не помогала.

Всего сутки назад хихикала над глупостью влюблённой Василисы, и вот Вселенная отомстила.

Филипп, до этого бродивший между подушек, пришёл, лег на колени, громко замурчал и стал незаметно для Кощея, но чувствительно для меня всаживать в сохранившуюся от прежнего тела ногу когти. Приговаривая ментально:

«Приди в себя! Не блажи! Мозг включи!»

Это помогло настолько, что, когда я потянулась за своей чашкой, рука не дрожала. Почти.

— Почему ты меня боишься?, — заметив тремор, спросил колдун.

— Тебя все боятся. Ну и я за компанию, — попыталась отшутиться, но царь не сводил требовательного взгляда, ожидая ответа. — Наслышана о твоей жестокости, а ты меня должницей объявил.

— Жестокость, говоришь?, — как-то отстранённо проговорил Кощей, скользя взглядом по узору ковра у себя под ногами. — Слышала выражение: не мы такие — жизнь такая? Это я сказал. Слышала мою историю?

— Василий поведал версию.

— Правильно сказала: версию. Но никто не знает, как всё было на самом деле…, — и опять взгляд собеседника заскользил по цветным завиткам.

— Может, поделишься? Если это не смертельная тайна, конечно, — робко предложила я, сгорая от любопытства.

— Слушай, если интересно…

Мой отец был одним из самых могущественных волшебников Магрибского султаната. Звали его Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб. Предки отца накопили несметные сокровища, что позволило ему после окончания эль Машрибского магического медресе не думать о хлебе насущном, служа государству и выполняя приказы правителей. Гассан, отработав положенный срок на благо султаната, с разрешения отца создал на краю пустыни оазис, выстроил в нем дворец, больше похожий на крепость, и уединился. Единственной страстью молодого человека была наука. Живя отшельником, изучая свитки и книги по магии, которые скупал по всем доступным ему мирам, отец совершенствовал своё мастерство. Однажды в его руки попала небольшая ветхая тетрадь, которую, как ни бился, он был не в силах прочесть. Все известные языки, изученные за долгие годы, все заклятия, разработанные для переводов, не помогали. Мог прочесть слова, но не мог постичь их смысла. Тайна, которую невозможно разгадать, сделала его одержимым. Гассан не расставался с книжонкой ни днём ни ночью. Даже во сне бормотал слова, прочитанные днём. Однажды он проснулся оттого, что почувствовал чьё-то присутствие. При тусклом свете ночника увидел девушку и подумал, что уже умер и его встречает пэри из райского сада Создателя — так прекрасна она была. Но все оказалось не так. Не ведая, читал он заклинание призыва демона из Тёмного мира, которое необходимо было повторить

тысячу и один раз. Отозвалась суккуб Лолит. Обычно демонессы похоти сами выбирают себе жертву, которую иссушают своей страстью. Но призванная становится самой нежной, самой покорной любовницей. Три месяца Гассан и Лолит наслаждались обществом друг друга, а потом действие заклинания ослабло и она ушла, захватив с собой злосчастную тетрадь. Сначала волшебник скучал без возлюбленной, но вскоре ему доставили новую партию свитков и фолиантов, и он, увлёкшись исследованиями, забыл обо всём. Лолит тоже была бы рада забыть о приключении, но не смогла. Заклинание временно изменило не только её характер, но и физиологию. Суккуб ждала дитя.

Прошло почти двадцать земных лет и зим, прежде чем Гассан узнал, что он стал отцом. Беременность у демонесс длится девять земных лет, еще десять необходимы для того, чтобы новорожденный адаптировался к жизни и смог жить без матери. По истечении этого срока Лолит принесла корзину с младенцем бывшему любовнику, небрежно поцеловала обоих и исчезла навсегда. Несчастный маг был в шоке. Дети доставляют столько хлопот! Их необходимо регулярно кормить, сам он часто, увлёкшись работой, забывал есть по нескольку дней. Их необходимо обучать, а значит, отвлекаться от дел. «Я не готов быть отцом!», — топал ногами и кричал пятидесятилетний мужчина, глядя на сына, не думая, что ребёнок демонессы запоминает каждое слово. Семейная пара старых слуг, которые жили во дворце и ухаживали за своим господином как за малым дитём, взяли на себя опеку и над его сыном. «Как звать младенца?», — спросила служанка, унося корзину. Гассан разворачивал свиток, написанный мудрейшим шейхом Канже эль Мусад Фаххамом, и, уже ничего не слыша, начал читать вслух: «Шейх…» Старушка кивнула и вышла. Прошло еще пятнадцать лет. Люди не понимали, почему я почти не вырос и выгляжу как двухлетний ребёнок, а не юноша. Отец по-прежнему не обращал на меня внимания, но разрешил приходить к себе в кабинет, где я просиживал целыми днями, наблюдая за его работой и слушая рассуждения. Поначалу он неприязненно косился на моё присутствие. Но, видя, что я не шалю, не трогаю его книги, не задаю вопросов, привык и даже стал рассказывать, над чем он сейчас работает. Конечно же, это был разговор с самим собой, но я запоминал и впитывал каждое слово. Однажды повторив за отцом формулу левитации, над которой он бился, почувствовал, что оторвался от пола. Не высоко и на мгновенье, но это случилось. Потом были другие формулы, другие заклинания, но мой магический резерв был так мал, что сил не хватало почти ни

на что, зато память была безгранична. Гассан тоже не пользовался найденными сокровищами — он был теоретиком. Находил, выписывал, систематизировал и ставил на полки. Поэтому когда неожиданно и незвано в гости явился племянник — начинающий чародей — и увидел, какими сокровищами владеет дядюшка, то без всяких хлопот лишил его физического тела, превратив в джина, и запер в бутылке из-под вина, которую они вместе распили, отец даже не отмахнулся от злодея. Меня, тихо сидевшего в своем углу, брат не заметил. Но когда начал в доме наводить свои порядки, то приказал выгнать вместе со старыми слугами в пустыню, в надвигающийся хабуб — пыльную бурю. Как плакали старики, как просили оставить меня в доме, но новый хозяин был непреклонен, и нас палками погнали за границы оазиса, магически защищённого от песков и ветра. Было душно и удивительно тихо. Несмотря на это, старик торопил нас к россыпи валунов, чтобы укрыться за ними. Мы с трудом бежали по рыхлому песку изо всех сил, а вокруг становилось всё темнее и темнее. На бегу я смог оглянуться и увидел, как на нас надвигается плотная туча чёрно-багрового цвета высотою до неба. Мы со старухой упали за самый большой камень, а старик накрыл нас потрёпанной кошмой, которую нёс на себе как плащ. Ветер завыл, раскачивая наше сомнительное убежище, заставляя сильнее вжиматься в песок. Не знаю, сколько времени прошло, наверное я заснул. Потому что когда с трудом смог выбраться из-под слоя песка и навалившихся на меня тел, была ночь. Почему-то я знал, что мои слуги мертвы — они не смогли пережить бурю. Огромные звёзды висели над самой головой. До этого мне ни разу не удавалось выйти из дома после заката, и меня пугал вид ночных светил. Со всех ног бросился бежать, не понимая куда и зачем. Когда край неба стал светлым, а я едва плёлся от усталости и жажды, случайно наткнулся на караван торговцев, пережидавших бурю, прошедшую стороной от их лагеря. Меня напоили, накормили, стали расспрашивать, но я твердил только своё имя: «Шейх… Шейх… Шейх…» Пересохшее горло и рот не могли произнести все звуки верно. Так я стал Щей. Торговцы шли к морю, в караване были люди разной внешности, языков и одежды. За мной никто не следил, и я во время стоянок бродил между костров, наблюдая за их жизнью. Однажды увидел, как мужчина, больше похожий на скелет, гнул свое тело. Он забрасывал ноги за шею, стоял на голове, складывался так, что было непонятно, где руки, ноги, и почему голова здесь, а не в другом месте. Мне было так интересно, что я сел рядом и попытался повторить. Что-то получалось, что-то нет, но я был настойчив, а странный человек отвлёкся и стал меня учить. Когда

у меня получалось хорошо, он приговаривал: «Ха, Щей!» (*ха — «да» на хинди) Говорил он это часто, и окружающие стали звать меня Хащей.

Море оказалось таким же бескрайним, как и пустыня, но только это была вода. Много воды! Моя радость сменилась разочарованием, когда я сделал несколько глотков. Вода была солёной. Караван распался. Люди, не прощаясь, уходили по своим делам, и никому не было до меня дела. Даже Йог, так звали моего учителя, не позвал меня с собой. Я стоял на берегу, смотрел, как грузили большую лодку с чудным зверем на носу. Шедший мимо меня белокожий мужчина с рыжей бородой что-то спросил. Мне было тоскливо и одиноко. Очень хотелось понять его речь, и я применил заклинание перевода, хоть и знал, что потом сил не будет даже руку поднять: «Ты кто?», — «Хащей». — «Кощей? Чей?» Я пожал плечами: «Ничей». — «Пойдёшь со мной?», — «Пойду». Так я попал в Дремлесье. (*кощей — раб, невольник на старорусском)

— А дальше?, — прервала я затянувшуюся паузу.

— Не устала ещё?

— Нет! Очень интересно.

— То, что было дальше, я тебе расскажу, когда ты выполнишь моё первое задание.

— Какое задание?

— Невесту мою куда дела?

— Я?!, — старательно попыталась изобразить иллюзорным лицом удивление.

— Ты, голубушка, ты! Или думаешь, что я тебе это прощу и забуду?

— Да не видела я твою Васили… Ой!

Кощей улыбнулся так ласково, что у меня ледяные тараканы по спине пробежали, мигрируя из головы в диаметрально расположенную часть тела, готовясь к приключениям.

— Она не любила и боялась тебя, — пыталась оправдать я свой поступок.

— Поначалу все так ко мне относятся, а потом липнут и ластятся, как кошки.

— Ещё бы… мамочкины гены, — пробормотала я почти про себя, осознавая, почему меня так «накрыло». — Ты сказал «первое», а сколько всего будет?

— Как в сказке — три, — опять улыбнулся Кощей своей сногсшибательной улыбкой.

Глядя на этот изгиб губ, мозг отказывался работать, соглашаясь на любые задания. Да хоть грудью на амбразуру! Только пусть смотрит и улыбается. Ай! Кот опять всадил в ногу

когти:

«Ты в своём уме?!»

Хорошо ему, кастрированному, а я, несмотря на изувеченное тело, гормонально здорова и готова к размножению. Самым что ни на есть традиционным и консервативным путём. Ай! Больно же! Вдох — выдох…

— Что же ты мне поручить хочешь?

— Первое: слетай в Змеегорск. Там у истока Зорянки живет Дедобаб. У него есть птица Рябокур, которая несёт золотые яйца. Принеси мне такое яйцо, и я прощу тебе помощь в побеге Василисы. Да смотри, будь осторожна с этим… существом, если жить хочешь. Дедобаб не терпит чужого присутствия рядом. А еще там змей много. Сейчас они из спячки выходят и к линьке готовятся. Голодные и злые.

— Нормально…, — протянула я и потянулась ногтями почесать затылок через космы густого парика. — Какое же второе задание, если первое такое?

— Второе: найди мне невесту рангом не ниже царевны. И я прощу тебе, что намеченная свадьба отложена.

— Так, может, сразу богиню?!, — взвилась я.

— Хорошо бы, но местные все замужем, а я с богами, отбивая у них жён, ссориться не хочу, — деля на дольки очищенный мандарин, ответил царь.

— Даже подумать страшно, что ты в-третьих придумал.

— Может, не так и страшно, — еще раз улыбкой отправляя табун тараканов в путешествие по моему телу, ответил работодатель. — Но об этом ты узнаешь, когда выполнишь первые два.

— Можно вопрос?, — и, полюбовавшись царственным кивком прекрасной головы, спросила: — Василиса удрала сегодня ночью. Каким образом так быстро новость долетела?

— Ты еще не поняла, что Дремлесье только условно принадлежит разным правителям? По сути, это моя вотчина. Все подчиняются моим приказам, и вся информация поступает ко мне, — видя мое недоумение, Кощей продолжил: — Нет-нет, лично мне не докладывают. Мне достаточно пяти помощников. У них свои пять… И так далее. Система отлажена, на ключевых постах проверенные люди, умеющие анализировать информацию и отсеивать неважное. Таким образом, я в курсе всех значимых событий с очень незначительной разницей во времени.

— Неужели Трофим работает на тебя?!, — ахнула я.

— Мне и сорок хватает!, — отмахнулся царь. — Хватит болтать. Солнце к закату клонится. Собирайся и лети домой. Поутру отправляйся исполнять наказ. Завтра к вечеру или,

крайний срок, третьего дня поутру жду тебя с золотым яйцом.

Вздохнув, сползла с настила, запахнула душегрейку и подвязала платок:

— Пошли, Филенька, долг отрабатывать.

— А вас, котик, попрошу остаться, — с мюллеровским ехидством в исполнении несравненного Броневого бросил нам Кощей.

Если бы он предложил оставить парик или снять юбку, то я бы отнеслась к этому спокойнее.

— Никак нельзя!, — подхватила фамильяра на руки. — Мы одно целое!

— Поэтому и оставишь его в залог, — бережно забирая фамильяра из моих рук, поставил точку в споре злыдень всея Дремлесья.

— Можно, я здесь заночую?, — попыталась выторговать дополнительное время. — Какая разница, откуда в Змеегорье лететь?

Мне было очень страшно. В пути могут случиться непредвиденные задержки, а времени у нас с Филиппом всего трое суток.

— Не спорь, — приблизив губы к моей щеке, проникновенно прошептал полудемон.

Безвольно поплелась к ступе, как овца на закланье.

— Домой!, — махнул вслед царь, и я полетела в сторону сгущающихся сумерек.

Чем дальше удалялась от Кощеева шатра, тем темнее становилось небо надо мной и светлее в моей голове. Постепенно встречный ветер сдул чары, наложенные сыном суккуба, и я начала приходить в себя. Чтобы не думать о Фильке и не рвать сердце, стала вспоминать услышанный рассказ. Судьба его, конечно, потрепала, но не сломала. Силён мужик! И как колдун — вон как ступу перехватил, затуманив мне голову тем, что обострил восприятие мира, и как менеджер. Линейную систему управления на всё Дремлесье внедрил, и, похоже, она у него отлично отлажена. С такой организацией дел Дедобаб сам должен золотые яйца для утреннего омлета поставлять, а не безобидных старушек за ними командировать. За раздумьями не заметила, как ступа стала заходить на посадку. Спасибо конструкторам за самонаведение к месту стоянки. Иначе в накатившей темноте не найти мне тускло светящиеся окна моей избы. Приткнувшись на боковой выступ сеней, служивший взлетно-посадочной площадкой, я выбралась из летательного аппарата и поплелась в дом, в темноте цепляя углы сундуков, ручки корзин и лукошек. Закатывать ступу внутрь не стала.

Завтра с утра лететь, а дождя ночью не будет.

Инку, запивающему моим кофе ватрушки, которые ему подкладывал домовой, я не удивилась. Кивнула обоим, буркнув:

— Я сейчас, — достала из сундука банный халат, чистое полотенце и ушла в душевой уголок за печью.

Стараясь не смотреть в зеркало, содрала с себя парик и одежду, бросила в угол, наложив заклятие чистоты, и встала под горячие струи, желая смыть пережитый страх и расслабиться перед предстоящим нелегким разговором.

— Трофим, сердце моё, умираю от голода. Весь день маковой росинки во рту не было, — с этими словами присела к столу, надеясь, что голодную меня ругать будут не очень громко.

Но Инк спокойно жевал ватрушку и делал вид, что меня здесь нет. Домовой накрывал очередную поляну.

— Ваше высочество, удостойте чести, разделите со мной трапезу, — пригласила стража отужинать.

— Благодарю, сыт, — откусывая кусок, ответил начальник.

Ковыряя ложкой в каше, искоса поглядывала на него. Мне всё больше не нравилось такое настроение. Это было похоже на то затишье перед страшной бурей, о которой рассказывал сын Хоттаба.

— Сегодня была у Кощея, — начала я.

— Почему жива до сих пор?, — равнодушно спросил Инк.

— Меня завтра убивать будут, — «успокоила» друга.

— Кто?

— Хранитель золотых яиц Бабодед.

— Дедобаб?!, — хором поправили домовой и третий принц неведомого мне мира.

— Какая разница…, — устало согласилась я и попросила: — Можно мне молока тёплого с мёдом? Иначе не усну.

— Филипп где?, — не спеша выполнять мою просьбу, поинтересовался Трофим.

— Кощей его в заложники взял, и, если я до послезавтра не достану золотое яйцо, он погибнет.

— Условие трёх дней?, — уточнил страж, который знал о наказе Френки.

Кивнула, не поднимая головы. Нельзя сейчас о котике думать, иначе расклеюсь и буду всю ночь рыдать в подушку, а мне завтра предстоит ответственное дело — яйца воровать.

— Тебе сильно попало за то, что я Василису переправила?, — перевела разговор в другое неприятное русло.

— Ерунда. Но тебя оштрафовали на половину жалования.

— Мне еще и зарплату платят?

— Туристка, ты неисправима, — закатил глаза Инк, снимая

дурацкую маску равнодушия, которую он надел, обидевшись на меня. — Договор подписала не читая?

Подвинулся по лавке ко мне, обнял за худые острые плечи и приказал:

— Рассказывай!

Отчёты, которые я дисциплинированно писала и отправляла через грузовой портал, были маленькими и сухими, как последний сухарь. Да и кому нужны эмоции в канцелярии? Казённый язык не подразумевает прилагательных. Зато в своём рассказе я вывалила на Инка всё! Предположения, догадки, выводы своих наблюдений и сбора информации и эмоции. Инк был благодарным слушателем: кивал, смеялся, хмурился, хмыкал. Его рука по-прежнему лежала на моём плече, согревая и успокаивая.

— Так вот я подумала, — заканчивая повествование, сказала я. — Давай богиню представим в качестве невесты. Кстати, где она сейчас?

— Не знаю, — Инк даже слегка отодвинулся, так не понравился ему мой вопрос. — Девица мне не отчитывается в своих действиях.

— Как?! Как это ты не знаешь, где Афина?!, — зашипела я. — Ты, завернув её в свой плащ и прижав к груди, вынес из этого дома. Где теперь эта несчастная?

— Почему ты решила, что она несчастная?, — отбивался страж. — Она капризная, взбалмошная, высокомерная…

Инк сделал паузу, чтобы набрать в легкие воздуха для продолжения перечня недостатков богини, но я перебила его.

— Отлично! Как раз то, что надо Кощею.

— Не жалко тебе царя?, — хмыкнул друг.

— Жалко. Но будет думать в другой раз, как ведьму с фамильяром разлучать!, — и, понимая, что строить умильные глазки, когда на лице нос размером с баклажан и подбородок, покрытый бородавками, поросшими редкими седыми волосками, просто попросила: — Инк, будь человеком, помоги разыскать Афину!

Страж со вздохом поднялся, собираясь на выход:

— Найду, приведу — мне тоже Фильку жалко. Ты завтра поаккуратнее с Дедобабом. Разное о нем говорят. Помни, что сбежать — это вовремя отступить.

— Буду предельно осторожна, — послушно кивнула я.

Как только за другом закрылась дверь, я повернулась к Трофиму:

— Дедушка, прости, плохо о тебе сегодня подумала, — видя, что домовой непонимающе вытаращил свои светло-голубые глаза,

объяснила: — Кощей знает о всех делах наших, да ещё и похвалялся, что в Дремлесье у него чуть ли не под каждым кустом шпион таится. Вот и мелькнула мысль нехорошая.

— Так и есть. Видела же, как сорок от избы гоняю, и Филиппа просил помогать. Соглядатаи они и сплетницы, каких свет не видывал, — добрый дух дома пригладил лохматую бородёнку и продолжил: — Ты, ведьмочка, во мне не сомлевайся. Никому словечка против тебя не скажу.

Обняла старичка неловко, шмыгнула носом. Но тот уже выскользнул и побежал в кладовку. Через пять минут на столе стояла кружка теплого молока с мёдом.

— Пей, хозяюшка, да почивать ложись. Трудное дело тебе завтра предстоит. Разбужу до свету, чтобы собралась не спеша и поела вдосталь.

— Трофимушка, а ты знаешь, кто такой Дедобаб?

— Как не знать! Знаю. Расскажу всё без утайки, глядишь — и помогу тебе чем.

Дедобабы — народ, живущий в Змеегорье с начала времён. Ростом они выше самого высокого человека, сильны, как медведи. Одежду носят из кожи. У всех с детства седые волосы. Бороды растут и у баб, и у мужиков. От этого со стороны кажутся дедами старыми. Себя дедобабы называют иначе, но люди, не умея различать, говорили: то ли дед, то ли баба. Так и вышло: дедобаб. В горах они выращивали коз и овец для мяса и молока. Тем и жили. Раньше много их было, но люди из страха прогнали почти всех. Кто-то ушёл дальше, в Загорье, кто подался вниз, в Подгорье. На границе Дремлесья и Змеегорья остался один. Говорят, что он очень старый и очень злой на людей. Сам с ним не встречался и с теми, кто его видел, не знаком. Одно знаю — силой его не одолеешь.

Проснулась, когда за окном едва-едва светать начало. Не чувствуя ногами привычной тяжести и тепла от кошачьего тела, спала плохо. «Как там мой Филенька? Покормили? Не обижают ли?», — быстрой молнией пронеслись в голове беспокойные мысли. Но отмела их — раскисать нельзя! Завтрак от заботливого домового ждал на столе. Несколько глотков кофе, пара ложек творога, и встала.

— Да что же ты, матушка, творишь?!, — всплеснул руками Трофим. — Поесть надо перед дорогой трудной.

— Не хочется, родной. Ты мне с собой в узелок положи краюху хлеба, может попозже закушу.

Пока я за печкой умывалась и обряжалась в свой маскарадный костюм, узелок с едой был собран, уложен в корзину и прикрыт салфеткой.

— Привези Филеньку побыстрее, — на прощание попросил старичок и долго махал платком, стоя на выступе сеней.

Подняв ступу повыше к светлеющему небу, держа Зорянку как ориентир, направилась против течения к истоку искать встречи с Дедобабом.

Солнце уже поднималось к зениту, когда горы надвинулись вплотную, а быстрая река истончилась до широкого чистого ручья. От яркого света слезились глаза, от тяжести песта дрожали руки, и я решила, что пора делать посадку. Даже присмотрела симпатичную площадку на пологом берегу. Но прежде чем приземлиться, нашептала и бросила в траву заклятие от клещей. Подождала немного, опустила ступу на твёрдое и распахнула узенькую дверцу. Выходя, захватила корзину с краюхой хлеба, припасённого домовым. Шагнув из тесноты, с удовольствием села на землю, вытянула ноги и прислонилась спиной к нагретому боку летательного аппарата. «Немного отдохну, расслаблюсь и пойду искать Дедобаба», — решила я, посмеиваясь над своим страхом перед клещами.

Всегда относилась с брезгливым опасением к этим насекомым, но нынешней весной оно обострилось до маниакальности. Всё началось с того, что мой сибаритствующий кот решил спуститься с крыльца на подсохшую после таяния снега землю полакомиться свежей травкой, иголочками торчавшей из прошлогодней пожухлости. Погулял, поел зелени и вернулся усыпанный клещами. Большинство не успели присосаться и ползали по густой шёрстке, шевеля её лапками, отчего Филипп раздражённо дергал шкуркой, пытаясь сбросить с себя эту гадость. Держа зверя на вытянутых руках, выбежала на крыльцо и стала обметать от насекомых, заодно осматривая, не впился ли какой спринтер в упитанную тушку моего любимца. В голове крутились вопросы: что делать? Как обезопасить себя от напасти? Ответ пришёл из запасников знаний, переданных мне ведьмами, живущими задолго до меня. Одна из них, совсем еще юная девочка, рано осталась сиротой, сил и знаний особых не было, но она умела влиять на насекомых. Чтобы выжить, весной предложила свои услуги односельчанам в защите скота от оводов, слепней, клещей и блох. Кто-то посмеялся и махнул рукой: сами справимся, но были такие, что согласились. Может, просто пожалели гордую девчушку, не желавшую просить милостыню, но готовую работать. Заклинание действовало неделю, но за это время заговорённые коровы увеличили надои, кони залоснились здоровой шерстью, овцы перестали метаться по загону, а сторожевые псы охраняли более бдительно и даже загрызли пару волков. Потянулись сельчане к юной колдунье с узелками еды в

качестве благодарности. Давали немного. Кто яиц пяток, кто хлеба ломоть да крынку сметаны, кто мёда кувшинчик, кто сала кусок. Девочка была сыта и запасы делала. Хитрила немного, но это не со зла. Наговор мог держаться дольше. Только кто кормить задарма будет?

Рассмотрев заклятие со всех сторон, я усилила несколько узлов вязи, слегка сместила вектор силы и получила очень действенное средство от ползучих агрессоров, которое можно было использовать по-разному. Во-первых, можно было избавить уже поражённое тело от паразитов, можно очистить территорию, а если вплести магию в тесёмку или ниточку и повязать, то защита усиливалась и срок её значительно продлевался. Первое, что я сделала, — очистила Филиппа. На пару секунд котика окутало голубоватое облако, поднявшее шерсть дыбом, а потом на доски крыльца упало несколько иссохших трупов не замеченных мною насекомых. Во-вторых, бросила магическое очищение на участок. С третьим пришлось повременить. Порылась в сундуках, ларцах и других запасниках, нашла немного лент, клубки цветной шерсти, лоскутки ткани, вывалила их на стол и стала мастерить ошейник.

— Сколько живу, впервые такое нашествие клещуков вижу, — ворчал Трофим, возясь у печи. — Сильно покусали, Филенька?

— Не успели, — ответила за кота я. — Но теперь придётся немного дома посидеть. Пока не придумаю, как ошейник сладить.

Месяцами не спускавшийся с крыльца фамильяр вдруг закапризничал. Вот прямо сейчас и немедленно захотелось ему на свежий воздух и в лес погуляти:

— Я хищник! Моя натура требует гонять мышей, охотиться за птицами, а ты меня свободы лишаешь!, — митинговал, сидя у двери, наглый кошак.

Трофим бросил печь, присел к столу, повертел в руках шерстяные нитки и протянул мне яркую витую тесьму с завязками на концах.

— Такой подойдёт?

Старательно вплетала заклинание между шерстинок, узелок к узелку, чтобы даже комар не сел на моего фамильяра. Но тот не оценил:

— Что я — собака, в ошейнике ходить? Ты меня ещё на цепь посади!, — продолжал капризничать кот, испытывая моё терпение.

— Знаешь, дорогой, у тебя выбор небольшой. Либо в ошейнике на улицу, либо без него на печь.

Пока мы с котом спорили, домовой из ленточек и лоскутков наплёл разных повязок, браслетиков, поясков и просто верёвочек.

— Красота какая! Какой же ты, дедушка, рукастый!

— Увлёкся, хозяюшка, — смутился Трофим и юркнул за занавеску.

Следом за домовым увлеклась и я, заговорив весь текстиль. Себе повязала поясок и браслет. Собрала со стола оставшееся, сунула в карман душегрейки и вышла со двора. Ставя обереги на ближний лес, кусочки поплоше навязала поближе к земле, на кусты и деревья, направляя очищение во все стороны.

Вспоминая недавние события, потянулась за уже желанной краюхой и ахнула. По границе защищенной земли почти на каждой травинке сидел клещ, чутко выставив в мою сторону острый хоботок. Великая Вселенная, что же это происходит?! Что за поветрие напало на Дремлесье? Чтобы отодвинуть от себя ненавистных тварей, добавила в охранный круг силы, расширяя рубежи.

Несмотря на то что я увлеклась магическими упражнениями, услышала, как зашуршали ветки, покрытые молодой листвой, пропуская чьё-то крупное тело на прибрежную поляну. Клёкот, доносившийся из кустов, становился громче, и, готовая ко всему, я настороженно ждала появления зверя. Но, путаясь в гибких ветвях, на поляну выскочила птица размером с большую собаку. Клюв приоткрыт, как от жары, крылья бессильно волочатся по земле, глаза готовы выскочить из орбит. Она смешно крутила головой, выискивая место, потом перепрыгивала, стараясь ступать на землю, не покрытую травой. Завидя меня, птица остановилась, рассматривая одним глазом, потом что-то углядела и стремглав бросилась к ступе, за которую я поспешила спрятаться. Пересекши границу, разделявшую поляну на территорию клещей и свободную от них, несчастная, уже не обращая на меня внимания, обессиленно присела, подогнув ноги. Сначала из-за укрытия, потом, осмелев, подойдя поближе, я рассматривала гостью. Это была курица. Курица-монстр, судя по всему, была легендарной Рябокурой. Значит, сейчас и Дедобаб подвалит. Может, сбежать, пока не поздно, как Инк советовал? Но тут курица как-то по-человечески вздохнула, и я присмотрелась к птице повнимательнее. «Ёжкин кот!», — выругалась шёпотом и пошла спасать несушку от облепивших её клещей.

— Птица, ты русский язык понимаешь? Нет? Ну, тогда так терпи. Без уговоров, — говорила я, чтобы подбодрить себя, плетя вязь очищающего тело заклинания. Лишь бы не убежала! Но Рябокуре было не до бегства. Птицу надо было лечить.

Заклятие вздыбило все перья на теле, с которого обсыпались дохлые кровопийцы. Сметя небольшим воздушным потоком кучу трупов к границе, я принялась врачевать.

— Знаешь, курица, я уже чувствую себя межгалактическим Айболитом. В какой мир не приду — везде лекаркой подрабатываю, — говорила, не задумываясь о словах, лишь бы заглушить пустой болтовнёй страх от приближающихся за спиной тяжёлых шагов. Но остановить вливание силы в полумёртвую птицу не могла.

Глава 10.

— Эыо! Ыоа! У!, — раздалось за спиной, и над головой просвистела дубина. Перелетев через наши с курицей головы, она врезалась глубоко в землю.

— Эоу! Бодох! У!, — я втянула голову в плечи, ожидая удара в спину или по голове.

Но услышала только сопение и увидела, как над нами нависла борода Дедобаба.

— З-з-драс-сти!, — пролепетала я и отпустила Рябу.

Птица бодро встала, отряхнулась, отошла на пару шагов и резво принялась разгребать землю в поисках вкусненького. Видя, что питомица жива и даже здорова, её хозяин ткнул в меня пальцем, едва не дотронувшись носа:

— Бодох оду?

Эх, сейчас бы серьги мои или заклинания перевода папашки Кощея, чтобы понять, что лопочет эта лохматая образина. Хотя… Управлялась же и без артефактов раньше.

— Бодох жива?, — повторно прогремело над поляной, но уже понятно для меня.

— Жива, жива! Сам смотри!, — оглушённая, я потрясла головой, разгоняя звон в ушах.

Хотела сделать пару шагов назад, отодвигаясь от нависающего чудовища, но наступила на длинный подол своей юбки и шмякнулась в измятую траву. Запрокинула голову, пытаясь рассмотреть хозяина курицы, и опять ахнула: «Да что же это он?! Сам себя обобрать не может?» Дедобаб промахнулся потому, что почти ничего не видел. На его веках гроздьями висели раздувшиеся клещи. Вспоминая и бурча про себя все матерные слова, что знала, подобрала юбку, встала и громко приказала:

— Сидеть!

Не ожидавшее такой наглости, горное чудище прытко село на землю, калачиком подвернув ноги.

— Буду лечить! Сиди смирно!

Новоиспечённый пациент начал было ворчать, но тут вмешалась курица. Подбежала под руку хозяина, заластилась, заклекотала что-то, понятное только им. Дедобаб успокоился. Прикинула масштаб работы. Ряба в три раза больше Филиппа, а этот раз в десять больше курицы. Вопрос: сколько силы необходимо для того, чтобы заклятие случайно не убило спасаемого? «Господи, благослови!», — и голубое облако окутало

жертву кровососущих насекомых. Еще через минуту он отряхивался от осыпающихся иссохших трупиков паукообразных. Потер глаза, разлепил воспалённые веки, осмотрел поляну с измятой травой, подхватил на руки курицу, прижался лицом к перьям:

— Бодох…, — столько любви и нежности было в этом рыке.

«Мой ласковый и нежный зверь», — пронеслось в голове. Но «ласковый» отпустил птицу на землю, запустил руку под меховую жилетку, почесался и рыкнул:

— Не всё!

— Что «не всё»?, — на всякий случай сделала несколько шажков к ступе — совет Инка о бегстве постоянно держала в голове.

Дедобаб, громко сопя, начал расстегивать пуговицы, сделанные из обрезков веток, привязанные к полочке жилета тоненькими кожаными верёвочками и продетые в прорезанные на другой половине дырочки-петли. На теле, поросшем густыми седыми волосами, одежда из меха коз смотрелась естественным продолжением оволосения. Немудрёный наряд состоял из безрукавки и свободных, до колен, штанишек и такой же лохматой обуви, затянутой на щиколотках ремешками. Уже на землю сброшена верхняя часть комплекта, и, влекомая торопливыми руками, вниз поползла нижняя. Чтобы не наблюдать этот негаданный стриптиз, отвернулась, разглядывая горы.

— Вот!, — воскликнул освободившийся от одежды охальник. — Давай!

— Что «давай»?!, — повернулась к собеседнику. А увидев, что скрывалось под одеждой, открыла и рот.

Дедобаб был бабой. Женщиной. Самкой. Некогда пышная грудь уныло висела ушками спаниеля, поэтому в одежде определить гендерную принадлежность возможности не было. Еще стало понятно, чего дама от меня требовала. Оказывается, на насекомых, скрытых под одеждой, заклятие не подействовало.

— Какая живучая гадость!, — сжав зубы от омерзения, прошептала я и кинула дополнительный наговор на торс.

Дождавшись, когда погаснет голубое сияние, и стряхнув мусор с тела, бабуля потопала к ручью. Села, выбрав место поглубже, и стала с охами и ахами плескаться в ледяной воде. Взглянув на оставленную на траве одежду, я наложила на неё очищающее заклинание, убыстрив время действия. Пусть будет бонусом.

Надевая после купания очищенную одежду, хозяйка Рябы излучала удовлетворение и счастье. Именно маленькие

ежедневные радости и удовольствия делают нашу жизнь приятной. Жаль, что зачастую понимаем мы это, когда лишаемся привычного комфорта. Подхватив курицу под мышку, баба приглашающе кивнула мне:

— Пошли.

Она уже направилась в сторону леса, из которого они с птицей пришли, но я заорала:

— Стоять!

Выйдя из обеззараженного магией круга и пройдя по траве, моя подопечная опять нацепляет на себя паразитов. Чуть ли не бегом, развязывая на ходу пояс, бросилась к оторопевшей дамочке.

— Надень это, — протянула заговорённое мною нарядное изделие домового.

Трофим так искусно переплёл ленточки и протянул между ними цветные нити шерстяной пряжи, что впору на выставку народного творчества отправлять поясок было, а не от клещей охранкой заговаривать. То, как смотрела на подарок дедобаба, напомнило мне Эллочку-людоедку, заворожённую блеском чайного ситечка. Ничуть не удивилась бы, услышав томное: «Хо-хо!» Но дама с курицей от восторга онемела.

Прикинув, что пояс талию не охватит, связала концы завязок бантиком и показала, куда надеть украшение.

— Ожерелье в этностиле прекрасно вписалось в комплект твоей одежды из козлиных шкур, подчеркнув его колорит и самобытность, — прокомментировала я, подражая одной из ведущих «Модного приговора», и добавила от себя: — Заодно защитит от клещей, блох, вшей и комаров.

То, что собеседница вникла в моё объяснение насчёт паразитов, я поняла по тому, как она протянула мне курицу:

— Бодох тряпка?

— Обязательно!, — полезла в карман и выудила два последних тоненьких лоскутка. Один аккуратно повязала на лапку терпеливой Рябе, а второй… Даже знаю, где смогу применить последний оберег.

Вернулась за корзинкой, в которой ждала своего часа краюха хлеба, и пошла догонять дружную парочку. За редким смешанным леском из светлых берёзок и пушистых ёлок, поросшим по краю вербовым кустарником, начиналась неприметная тропа в горы. Шла я, громко дыша, неуклюже петляя между камней и перекладывая тяжелеющую с каждой минутой ношу с руки на руку. Заметив мою усталость, новая приятельница остановилась, дождалась меня, выхватила из рук корзину, утешила:

— Скоро, — и, не оглядываясь, пошагала по уклону вверх.

Бабадед была неразговорчива. То ли словарного запаса не хватало на женскую болтовню, то ли по натуре своей молчалива, но шли мы в тишине. Пройдя еще метров триста, наконец-то добрались до ровной площадки перед входом в пещеру. Вход закрывал полог всё из тех же козьих шкур, по скале плёлся густой плющ, в корнях которого звенел ручей, соперничая с жаворонком, поющим где-то высоко в небесах.

— Входи!, — отвлекла меня от созерцания окрестностей хозяйка пещеры и гостеприимно подняла полог.

К такому повороту событий я и готовилась, поэтому всю дорогу думала, как побыстрее и с меньшими затратами силы очистить жилище от паразитов, наверняка уже там поселившихся.

— Постой. Подержи полог. Я сейчас, — разговаривала с бабой кратко и односложно, чтобы понятнее было.

В открытый зев грота запустила вихревое заклятие очищения пространства от мусора, прицепив к нему наговор от кровососущих гадов.

— Подождём, — сказала, устало опускаясь на пригретый солнышком камень недалеко от входа.

Ведьмы, к коим себя отношу, зачастую не имеют большого внутреннего магического резерва, да и не нужен он особо. Мы пользуемся энергией окружающего нас мира, пропуская её через себя, трансформируем в заговоры, наполняем заклятия и чары, настои и эликсиры. Запас безграничный. Но для этих действий нужна сила. Не только магическая, но и физическая тоже. Двухдневный пост, волнение о Филиппе, многочасовое управление ступой обессилило меня настолько, что даже не самая магоёмкая работа иссушила до немочи. Прикрыв глаза, внутренним взором отслеживала движение потока по пещере, чтобы после очищения привязать тряпицу на плющ и закрыть доступ насекомых в жилище.

Проснулась от аппетитного запаха жареного мяса. Открыла глаза, недоумевая о том, как я сюда попала. Последнее, что я помню, — это зачарованный узелок, который затягивала, теряя сознание. «Доколдовалась, ведьма! Быстро встала и на выход, спасать фамильяра», — скомандовала себе и попыталась встать, но сил не было даже на то, чтобы сбросить теплое, но тяжёлое покрывало. Услышав, что я завозилась, к лежанке подошла хозяйка пещеры:

— Проснулась?, — она протянула мне большую глиняную чашу, наполненную ароматным мясным бульоном. — Пей!

— Как я здесь?, — выпростала руку из-под одеяла, но, побоявшись, что сил удержать тяжёлую посуду не будет, отрицательно покачала головой.

— Ты упала. Я принесла, — баба одной рукой приподняла меня за плечи, второй поднесла край миски к моим губам, настойчиво повторила: — Пей!

Маленькими глотками, чтобы не обжечься, пила наваристую жидкость, пытаясь понять состав трав и пряностей, добавленных в суп. Но в голове всё путалось, и забылись даже давно знакомые названия.

— Вкусно, — отвалилась на мех, не в силах сделать больше ни одного глотка. Чувствуя, что вновь засыпаю, попросила: — Проводи меня к ступе. Мне лететь надо. Там у меня кот.

— Спи!, — услышала в ответ и, не в силах сопротивляться, провалилась в сон.

Когда проснулась во второй раз, моих сил уже хватило на то, чтобы сесть на лежанке. Но голова еще кружилась, а ноги подгибались.

— Куда?, — рыкнула сидевшая у очага хозяйка пещеры.

Неопределённо махнув рукой, ответила:

— Туда. Мне надо…

Бабадед легко подхватила меня на руки и вынесла из пещеры. Была ночь. Высоко в небе светила полная луна, тускло освещая горы. Пройдя несколько шагов в сторону от входа, она поставила меня на ноги.

— Делай здесь, — и отвернулась.

«Ох, как же плохо быть такой беспомощной. Даже по нужде сама сходить не смогла. Как же я долечу до Кощея?! Бедный мой Филенька», — физическая слабость и мысли сделала плаксивыми и жалостными.

— Всё?, — получив утвердительный ответ, баба вновь подхватила на руки моё ослабленное тельце и понесла назад в своё логово.

— Мне лететь надо. Там у меня кот. Он без меня умрёт, — пыталась объяснить молчаливой моей сиделке.

То ли она не всё понимала, то ли у неё были другие планы относительно меня, но ответа не было. Что мне с ней — драться, что ли? Так не справлюсь.

Посадила поближе к очагу, поставила на колени миску с супом:

— Ешь!, — и себе тоже налила горячей похлёбки.

— Корзинка где?, — я закрутила головой, осматривая пещеру. — Там у меня хлеб был.

Кажется, слово «хлеб» не перевелось на огрский, именно к этой разновидности сказочных народов после размышления отнесла я бабу, но и без перевода оно произвело впечатление. Она шустро выудила откуда-то плетёнку и поставила рядом со

мной. Похоже, что понятие «чужое» у этой дамы свято. Даже под салфетку не заглядывала. Откинув тряпицу, я хмыкнула: Трофим в своём репертуаре. Помимо краюхи размером в половину большого каравая, он положил мне небольшую горку пирожков, горшочек мёда и крынку с ягодным отваром. Наверное, раскормить меня — светлая мечта домового. Наша суета разбудила курицу, и она тоже, спрыгнув с высокого уступа, пришла посмотреть, чем мы шуршим. Увидев в моих руках хлеб, Ряба возбужденно заклекотала, поглядывая то на меня, то на ломоть, то на хозяйку. Мучить ожиданием подружек не стала. Разломила слегка зачерствевший хлебушек и протянула половину хозяйке. Та аккуратно взяла кусок, втянула аромат и зажмурилась от удовольствия. Вероятно, выпечка была для неё редким лакомством. Оставшийся кусок я разделила еще на две части и положила куриную долю на каменный, чисто выметенный моим заклинанием пол. Покончив с супом, огра собрала чашки и хотела было идти их мыть, но я остановила её вопросом:

— Пирожки любишь?

Вопрос она поняла, но, кажется, не поверила. Решительно передав ей лукошко со всеми припасами, наблюдала, как приятельница выкладывает и рассматривает продукты. Обмакнула палец в мёд и лизнула его. Замерла, прислушиваясь к вкусовым ощущениям, а потом широко улыбнулась:

— Сладко!

Отвар ей не понравился, и она вернула крынку мне. Зато я, томимая жаждой, припала к витаминному напитку. Постепенно силы возвращались, но медленно. Было их так мало, что ни о каком полёте речи быть не могло — пест даже поднять не смогу, а не то что управлять ступой. Хотелось плакать и кричать, так страшно стало за жизнь котейки.

Из задумчивости вывел вопрос:

— Кот это кто? Дитя?

— Нет. Это как твоя бодох. Люблю его, — и для большей наглядности прижала руку к сердцу. — Он завтра умрёт, если я не прилечу.

Слезы сами собой катились из глаз, а я зло растирала их по щекам. Баба вздохнула, встала и ушла куда-то вглубь пещеры, куда свет от очага не доставал. Повозилась там и вернулась, держа в руках яйцо. Золотое яйцо! Размером оно было немного больше гусиного, отсветы пламени матово мерцали на скорлупе. Вот она — мечта Кощеева. Только ко времени я не поспею…

— На!, — вложила мне в руки артефакт огра. — За бодох тебе.

Одно мгновенье мне казалось, что меня, как воздушный

шарик, надули гелием. Не обладая особыми навыками левитации, чуть было не унеслась под потолок. Магический резерв мгновенно наполнился под завязку. Было это не как на башне у вампиров, а мягко и безболезненно. Вместе с магией вернулась бодрость тела и позитивное настроение. Могу без ступы, пешком добежать! Хотелось обнять весь мир и поцеловать спасительницу. Но её суровый вид остудил порыв. Прижав яйцо к груди, поклонилась с благодарностью:

— Пойду. Ночь светлая. Реку видно. Не заблужусь.

Баба кивнула, а курица заквохтала у корзины, напоминая, что я забыла лукошко.

— Забери своё, — строго приказала хозяйка пещеры.

Послушно подхватила лёгкую пустую плетёнку, положила яйцо на салфетку, поклонилась еще раз и вышла.

Как прекрасна весенняя ночь, наполненная ароматами распускающихся трав, цветов и листвы. Озвученная трелями, свистом, шорохами и шуршанием птиц, животных и растений. Луна, набросившая серебристую вуаль на землю, уже клонилась к закату, и мне надо было торопиться. Придерживая свободной рукой юбку, бросилась бежать к оставленной на поляне ступе. За выступом скалы тень сгустилась настолько, что, не заметив камня на дороге, я запнулась и полетела. Полетела в буквальном смысле. Вдоль тропы, очень низко, но я летела! Ах, какие чудесные яйца несет замечательная курочка Ряба. Интересно, зачем Кощеюшке сей артефакт? Через лес просто перелетела, мысленно очертив траекторию, и мягко приземлилась у ступы. Вот же навязалась! Тащи сейчас её через половину Дремлесья, маши пестом неподъемным. Куда как проще: оттолкнулась от матушки Земли, взмыла птичкой в серебристость ночную и к Филеньке — дружочку пушистому. Но летательный аппарат представляет материальную ценность, числится за мной, и отчитываться при сдаче наблюдательного поста за него придётся мне. Открыла узкую дверцу, втиснулась в тесноту, бережно поставив корзину в ноги, со вздохом взяла пест и… «Земля, прощай!»

Ступа неслась раза в два быстрее обычного. Даже парик пришлось снять и бросить в лукошко, чтобы встречным ветром не унесло. Этак я через час к шатру подрулю. Прикинув, что время у меня есть, решила завернуть домой. Приму душ, переоденусь в чистое — неудобно замарашкой в гости являться. Поймав себя на этой мысли, изумилась. Это что, я пытаюсь понравиться Кощею и для этого хочу принарядиться? Ой, мамочка! В зеркало посмотрись, образина страшная! Даже сын суккуба на тебя не позарится. Вернее, тем более он! Ступа, послушная мысленному

управлению, шныряла по всему небу. То решительно неслась по прямой к Вящей, то резко тормозила и сворачивала к избушке. В результате таких галсов я укачалась. «Тьфу ты пропасть!», — выругалась на всё сразу и скомандовала:

— Домой! Всё равно меня ночью к царю не пустят.

Казалось, что Трофим и не уходил с выступа сеней. Увидев в светлеющем небе меня, он приветственно замахал белым платочком, приглашая на посадку.

— Хозяюшка! Ты с Филиппом? Нет пока? Но сегодня привезёшь домой? Сама не знаешь? Кофею тебе сварить? Сейчас блинчиков напеку, — он бежал впереди меня, прихватив корзинку с яйцом и париком, и без умолку тараторил. Соскучился старик.

— Не сердись, родной. Привезу кота домой обязательно. Мы же с ним одно целое — мне тоже плохо без него. Я сейчас ополоснусь быстро, перекушу и полечу яйцо отдавать. Оно там, в плетёнке, под париком, — так же быстро и невпопад отвечала я домовому, выкладывая из сундука новую расшитую сорочку, юбку, душегрейку и платок.

Вышла из душа, по уши закутанная в халат, и взглянула на стол. От увиденного, чтобы не упасть, привалилась к печи. На салфетке лежало два золотых яйца. Похоже, курочка тоже заплатила. За свою любимую хозяйку. То-то она так настойчиво напомнила о корзине. Снеслась тихонько и салфеточкой прикрыла. Аккуратно дотронулась до обоих подарков. Ну да, одно ещё тёплое. Его и оставлю себе.

Выкатывающееся из-за гор солнце подгоняло в спину, и я, как могла, торопила ступу. Неопределенное «поутру» не давало покоя. Просто они тут живут, без чёткого отслеживания времени. Ложатся с курами и встают с петухами. Поутру, к обеду, на закате — временные понятия, не требующие пунктуальности. Может, оно так и лучше, когда не думаешь, сколько минут прошло и сколько часов осталось. Живёшь в единении с природой, встречая восходы и провожая закаты… Но у меня сейчас на счету каждая минутка.

Фигуру, закутанную в чёрный плащ, стоящую у кромки воды, увидела издали. Туда и направила ступу. Мне настолько не терпелось как можно скорее дотронуться до Филиппа, что приземлялась, почти не погасив скорость. Многострадальный аппарат, переживший за эти три дня, наверное, больше, чем на испытаниях, врезался в песок, пропахал в нем глубокую канаву и, накренившись, остановился, уткнувшись в склон.

— Что так неосторожно?! Яйцо не пострадало?, — царь любезно подал руку, затянутую в чёрную перчатку.

— Цело твоё яйцо!, — повесила на раскрытую ладонь корзину

и спросила: — Кот где?

— В шатре почивает. Такой лежебока, ни разу даже погулять не вышел. Зарылся в подушки и спит, — махнул рукой вверх по течению Кощей, насмешливо информируя о состоянии моего фамильяра.

— Умирает он, а не спит, — рявкнула я, подхватила юбку и бросилась в ту сторону, куда махнул собеседник.

— Почему умирает?, — широко шагая рядом, спросил работодатель.

— Потому, что мы неразрывно связаны. Он без меня погибнет!, — ответила, запыхавшись от бега.

— Так что же ты не сказала?, — от удивления собеседник даже остановился.

— Говорила! Ты что, не слышал?

— Думал, что просто ради красного словца…

— Не делай того, что не умеешь, — буркнула я себе под нос.

Кощей не отреагировал на хамство, то ли сделав вид, что не услышал, то ли учёл моё состояние. Обогнал, приподнял свободной рукой полог шатра и, игнорируя слуг с чашами для омовения рук, магией разметал лабиринт из занавесей, освобождая проход. Разыскивая Филиппа, безжалостно разбрасывала нарядные подушки по подиуму и на пол. Кот лежал, свернувшись клубком, но дыхания не было видно. Почему?! Ведь прошло всего два дня, а запас жизненных сил почти закончился. Осторожно подняв пушистое тельце любимца, присела на край возвышения, положила на колени, прижавшись солнечным сплетением, и раскрылась, вливая в кота магию.

— Ну ты чего, лапушка?! Сказала же, что в срок вернусь, и вернулась. Зачем пугаешь меня, глупый?!, — шептала, трогая ушки, гладя голову и почёсывая холку, и не замечала, как слёзы капают с длинного носа на узорчатую ткань душегрейки.

Моя сила вытекала как в бездонную бочку, а кот не просыпался. Понимая, что скоро сама обессилею, попросила стоявшего рядом Кощея:

— Яйцо дай!, — и потянулась к корзине, которую тот поставил у ног.

Без лишних вопросов получила я желаемое — плетёнка перекочевала с пола на ковёр рядом со мной. Время тянулось бесконечно медленно, казалось, что прошла вечность до того, когда кот начал недовольно дёргать вибриссами, запутавшимися в меховой отделке моей одежды. Еще сто лет до того, когда он открыл глаза, увидел меня и прошептал:

— Вернулась…, — и через мгновение: — Хочу пить и есть!

Кощей, кажется, даже не удивился тому, что Филипп оказался

говорящим котом. Он щелкнул пальцами, и вокруг нас засуетились серые фигуры слуг, накрывавшие знакомый мне круглый низкий столик к завтраку. Фамильяру по моей просьбе принесли куриный бульон, на который он смотрел крайне недовольно:

— Мясо хочу!, — вредничал он, видя, что царь благосклонно взирает на его капризы, пряча улыбку за кофейной чашкой.

— Ты двое суток ничего не ел, начни с жидкого, — терпеливо уговаривала любимца, но перед тем уже стояло блюдо с мелко порезанной куриной грудкой.

— Зачем ты его балуешь?, — попеняла Кощею.

— Вину заглаживаю, — просто ответил тот. — Сама подкрепись и расскажи, как добыла яйцо.

— Расскажу, но прежде ответь: что ты знаешь об эпидемии клещей на левом берегу Вящей?

Царь нахмурился, пошевелил пальцами, и слуги, окружавшие помост, словно растворились среди шёлковых занавесей.

— Мне докладывали, но я не придал значения.

— Напрасно. Ими кишит лес и поля Заречья, начиная с гор и заканчивая берегами рек. Мой домовой сказал, что впервые видит такое, а он живет уже не одну сотню лет. Правда, благодаря клещам я получила яйцо — как плату за избавление от паразитов, — информировала того, кто считает себя правителем всея Дремлесья, а клещей проморгал. Рассеянный взгляд Кощея скользил по узорам ковра. «Как он так может? Мне удобнее думать, глядя в одну точку», — наблюдала я за царём, смакуя кофе. Заметив, что тот прикрыл глаза, спросила:

— Что надумал, величество?

— Спросить у тебя совета, — вперил в меня насмешливый взгляд прекрасных глаз собеседник.

Какой совет?! Даже дышать забыла, глядя на его великолепие. В голове металась одно: «О прекраснейший из прекрасных! Позволь любоваться тобой вечно!» Ай! Кошачьи когти отрезвили и дали возможность на вдохе скинуть с себя чары. Суккубий сын!

— Кощеюшка, ты мог бы не тратить на меня свое обаяние. Стара я уже для таких забав, — процедила сквозь зубы, восстанавливая дыхание.

— Прости, по привычке вышло. Натура такая. Больше не буду, — приложив ладонь к груди и склонив голову в легком поклоне, пообещал полудемон.

— Проехали!, — отмахнулась я, думая о создавшейся ситуации.

— Что? Куда поехали?, — опешил собеседник, окончательно

освобождая меня от морока страстной влюблённости.

— Говорю, что надо искать, кому это выгодно. Скажи, в Луморье клещи есть?

— Есть, наверное. Мне не докладывали.

— Сколько времени надо, чтобы уточнить?

— К обеду будем знать. Ты отдохни пока, я скоро вернусь, — Кощей набросил капюшон и исчез за занавесками.

Оставшись одна, я съела аппетитный кусочек пахлавы, плавающей в медовом сиропе, запила остывшим кофе, забралась с ногами поглубже на помост и откинулась на подушки. Филипп растянулся рядом и замурчал.

Рябокура сидела у входа в пещеру, закинув ногу на ногу, элегантно опершись на кончик крыла, и нюхала ромашку.

— Хорошо, что вернулась, Агуня. Понравилась ты нам. Жаль, мало погостила, имён не узнала, сказку не послушала. Знаю, к коту спешила, поэтому не сержусь. Отдала яйцо Кощею? Скажи, чтобы поторопился — через год поздно будет. Заботу вашу в колодце старом ищите. Агуня, ты слышишь меня? Агуня…

Последние слова звучали горным эхом и постепенно удалялись. Сама курочка замерцала, как изображение в старом телевизоре с плохой антенной, и тоже исчезла. Вместе с ромашкой, камнем и скалой, увитой плющом, за которым скрывалась пещера.

— Агуня, ты слышишь меня?, — прозвучало над ухом.

— Слышу, — хрипло ответила царю, присаживаясь среди подушек, на которых так сладко заснула.

Явь переплелась с дрёмой, пришлось тряхнуть головой, чтобы отделить одно от другого. В магических мирах нельзя с пренебрежением относиться к снам, видениям или знакам в кофейных чашках. На всякий случай сказала:

— Тебе курица передала, чтобы ты поторопился, ибо через год поздно будет.

Кажется, Кощей понял, о чём речь, и кивнул, не то благодаря за известие, не то соглашаясь с полученной информацией. Но речь завёл о другом:

— Вестники доложили, что клещи только в Заречье. В Луморье и Дальземье не больше, чем обычно по весне. Думаешь, наслал кто?

— Ты и сам так думаешь, — аккуратно, чтобы не задралась юбка, продвигалась я к краю подиума. — В Заречье не все приняли Финистовича, вот и творят невесть что. То князя медведю скормить хотят, то клещами народ застращать, а потом против правителя поднять недовольных. Тебе Акамир-то люб?

— Что он, девка, что ли, чтобы любым мне быть?, — фыркнул

Кощей. — Молодой еще, глупый. Изменился, правда, после охоты. Ты, наверное, надоумила?

— Он и сам не дурак. Только балованный немного, — ответила я и напрямую спросила: — Будешь помогать от напасти избавляться или нет?

— Найти, кто клещей наслал, просто, только не он зачинщик. Заговорщиков поймать надо, а то так и будут воду мутить.

Согласно закивала, вспоминая, о ком рассказывал князь, когда отсиживался в избушке.

— Чтибор Дуда и Явил Вишняков — главные зачинщики смуты в Заречье. Хотя может статься, что за ними стоит кто-то ещё.

Кощей посмотрел куда-то мне за спину, повел бровью, и тут же послышались мягкие удаляющиеся шаги, а от движения воздуха еще сильнее заколыхались лёгкие драпировки драгоценных полотнищ

Глава 11.

— Их убьют?, — холодея от ожидаемого ответа, спросила Кощея. Сколько раз уже корила себя за длинный язык, который зачастую опережает мысли. Прикопают этих двоих, и будет меня совесть грызть всю оставшуюся жизнь.

— Хорошего же ты обо мне мнения, — хмыкнул царь. — Как можно бездоказательно казнить, опираясь только на чьё-то предположение? Проверят, разберутся, отследят связи…

— Давно ты таким законопослушным стал?, — спросила и прикусила язык. Ну вот опять!

Кощей щелкнул пальцами, дождался, когда материализовавшиеся серые слуги сняли с него плащ и с поклоном исчезли, забрался с ногами на возвышение, сгрёб несколько подушек под локоть и ответил:

— Надеюсь, ты знаешь, что нет абсолютно плохих и хороших людей?, — я кивнула. — В большинстве своём окружающие нас поступают так, как им выгодно, а мы расцениваем их поступки относительно своей выгоды. Правители обязаны еще и учитывать интересы страны и народа, за который они ответственны. Поэтому когда одни величают царя Милостивым, другие называют его Кровавым. Ты же сама сказала, что слышала только одну версию моей истории. Хочешь продолжение?

— Да. Очень хочу!

— Лодьи — так назывались те кораблики, на которых предстояло мне переплыть море. На каждой лодке был старший — кормщик, но командовал небольшим флотом из пяти судёнышек тот рыжебородый, что позвал меня с собой, Колояр. Навстречу восходу вышли в море, и началась у меня другая жизнь. Чтобы постоянно не пользоваться заклинанием перевода, начал учить язык, вслушиваясь в незнакомую речь и повторяя слова. Выполнял мелкие поручения, которые давали мне корабельщики, делал посильную работу. Море совсем не похоже на пустыню, как мне показалось вначале. Оно полно энергии, которой щедро делилось со мной, и я стал расти. У меня прибавилась физическая сила, и я намного легче выполнял упражнения, которым научился у Йога. Мой магический резерв с лёгкостью пополнялся, и я левитировал, отрабатывая заклятие, услышанное от отца. Чтобы никому не мешать, занимался ранним утром, приветствуя первые лучи солнца, но мои попутчики, которым не хватало в пути развлечений, собирались поглазеть на любопытное зрелище. Дни шли за днями. Солнце и ветер за время

плавания сравняли цвет моей смуглой кожи с цветом крепкого чёрного кофе. Мне уже казалось, что нет другой жизни, кроме как в море, на раскачивающейся под ногами палубе, но однажды к вечеру с переднего судёнышка закричали: «Земля!» Суета швартовки, объятия встречающих, разгрузка товаров, твёрдая почва под ногами — от всего этого кругом шла голова, и ещё я боялся, что опять повторится ситуация с пустынным караваном. Все разойдутся по своим делам, и я останусь один. Но Колояр приказал следовать за ним. Ночевали мы в большом гостином дворе. Сначала все пошли в баню, где, охая и ахая, долго парились, опрокидывали на себя ушаты ледяной колодезной воды, в предбаннике, отдуваясь, пили квас и снова парились. Хотели и меня веником отхлестать, но я юркнул под полок, забился в дальний угол попрохладнее, а когда все ушли, спокойно помылся и незаметно сбежал. Потом долго степенно обедали. Еды на столе было много, и вся она была мне непривычна. От любопытства хотелось пробовать каждое блюдо: квашеную капусту и мочёные яблоки, солёные грузди и огурцы, варенные в меду, пареную репу и блинчики с икрой. Уже и не упомню всего, что тогда отведал впервые. От усталости и сытости стал носом клевать прямо за столом, и ключница отвела меня спать в дальний угол на широкую лавку. Непривычная постель, шум застолья, размышления о дальнейшей судьбе не давали заснуть. Когда же сон сморил, увидал я комнату большую, в ней вдоль стен на расписных крепких лавках людей много сидит. Все богато одеты, в руках посохи, искусно украшенные резьбой и самоцветами яркими. Вошел человек, а мне из-за шапок и шуб не видно его, но все встали и поклонились в пояс. Только я прямо стою и смотрю на человека этого. Возвышается он над всеми на пять ступеней, сидя в кресле резном на подушках парчовых, и говорит: «Я царь ваш!» Потом всмотрелся в меня, руку протянул и сказал: «Запомни, я — это ты!» Тут меня будить пришли, принесли одежду новую. Шальвары белые, жилет, расшитый узорами золотыми, шапочку красную с кисточкой приказали на голову надеть. Одеваясь, всё сон свой вспоминал и удивлялся, что впервые сновидение запомнил. Но размышлять некогда было. Повёл Колояр кормщиков во дворец царский. Все с поклажей тяжёлой, один он налегке, только меня за руку ведёт. Проводили нас в зал большой, и показался он мне знакомым. Словно был уже когда-то здесь. Сели ждать царя. Тихо перешёптывались между собой, только вожак сидел молча. Потом повернулся и сказал мне:

— Всё, что будут говорить, — правда, и ты кивай всему. Понял ли?, — я кивнул.

Тут и царь вошёл, а с ним двое сыновей-погодков. Отроки за креслом отцовским встали, а сам он спросил, усаживаясь:

— Что нового, Колояр, расскажешь? Где были, что видели? Какими диковинками порадуете на сей раз? Почему не все пришли?

— Много где побывали с дружиною морской. Много чудес видели, много есть что рассказать. Пусть Милан начнёт.

Вышел самый молодой из кормщиков. Поклонился и начал рассказ о невиданных садах, в которых растут плоды чудесные. Он рассказывал о деревьях и кустах, о травах и цветах, а в конце поднёс к подножию трона корзину с фруктами, которых в садах отца произрастало множество. Странно было, что описания Милана мало соответствовали тому, что было на самом деле. Но мне приказали кивать, и я кивнул. По старшинству выходили корабельщики, рассказывали, дарили, удивляя царя и сыновей его чудесами невиданными, и скромно, с поклоном отступали к месту своему. Последним вышел Колояр. Оправил кафтан, пригладил бороду и начал:

— Великий царь Карачун, многие лета ходил я в моря, приумножая твои богатства, много земель разных повидал, много историй тебе поведал, но то, что расскажу тебе сейчас, случилось со мной впервые.

Лодьи наши, гружённые тяжело, прошли уже полпути до земли родной, когда налетела буря силы невиданной. Подхватила волной огромной и понесла судёнышки неведомо куда по морю-океану. Крутило и мотало так, что непонятно было, где небо и в какой стороне дом. Но притомилась буря, притихла. Разбежались тучи над головой, и увидели мы звёзды неведомые, а на заре — берег земли неизведанной. Делать нечего, причаливать стали, заметили людей диковинных. Темные, сухие, как ветки хвороста, каркают, как галки в предзимье, и летают так же — перепархивают с места на места, кучкуются. Заметили нас, собрались на берегу, смотрят настороженно, а нам всего-то дорогу спросить да воды свежей набрать. Во время шторма на некоторых лодьях в бочки с пресной водой попала вода забортная, грозила дружине жажда неминуемая. Как могли, объяснили местным свои нужды, они вроде согласились, покивали в ответ. Вызвались добровольцы, собрали бочонки, а старшим с ними пошёл кормщик Агний Рябов. Ушли поутру, дело к ночи, но всё не возвращались товарищи наши. Тут слышу, кто-то по борту карабкается. Мальчонка местный, мокрый, холодный и лопочет что-то быстро-быстро. Показывает на нас, на берег и ребром ладони по горлу. Понял тогда, что не вернутся други наши никогда. Крикнул по лодьям, чтобы отплывали скорее. Да и

ко времени — на берегу замелькали факелы и ветер донёс крики гневные. Быстро все собрались, только на судёнышке Агния замешкались без кормщика. К ним и подлетел воин местный, сбросил на палубу факелов связку. Занялся парус, загорелись просмоленные канаты, следом и дерево запылало. Дружина в воду попрыгала, стали нас вплавь догонять. Подобрали их, налегли на вёсла и ушли от земли негостеприимной. Потом уже, когда выучился по-нашему говорить, мальчик рассказал, что в глубине острова стоит храм Бога, Плюющегося Огнём, которому жители приносят жертвы человеческие, чтобы был к ним милостив и не тряс остров в гневе своём. Мальчонку тоже должны были положить на алтарь, но кто-то из наших, когда их пленили и заперли, помог сбежать, пожалев чадо. Вдали от берега подхватило лодьи течение сильное и понесло так, что вёсла ломались, когда пытались грести против него. Страшно было не знать, куда ещё несёт судьбинушка наша, но смилостивились боги, и через два дня плавания над головой созвездия знакомые показались. Потом течение ослабло и выпустило из стремнины к землям знакомым, где запасы пополнили.

Слушал рассказ Колояра и думал: «Как хитро он вывернул случившееся в плавании происшествие». Шторм был, но не такой страшный, как в рассказе. Да и переждали мы его в тихой бухте острова, на котором, кроме птиц, никто не жил. Лодья Агния Рябова погибла не в огне, а затонула. На стоянке команда открыла бочонок с вином заморским. Подумали, что выпьют по чарке и ничего плохого не будет. Только не простое вино было, а хлебное, двойной перегонки. Непривычные к такой крепости, мореходы быстро разум потеряли, передрались, доказывая, кто более всего достоин быть кормщиком. Стали удаль доказывать и решили в узкое горло входа в бухту через буруны кипящие выйти в море. Потом видели все, как носило по волнам щепы и доски. Не вся дружина погибла, спаслись пятеро вместе с Рябовым. Приказав всем собраться на берегу, Колояр объявил приговор: Агния повесить, остальным всыпать плетей, разделить по командам, а в порту выгнать взашей, без оплаты за поход. Долго не мог уснуть я в тот вечер. Укрывшись краем паруса запасного, сидел на палубе, размышляя о том, как сурово распорядился жизнями корабельщиков мой покровитель. Не спалось и Колояру. Долго бродил он между тюков груза, вздыхал, растирал ладонью грудь, потом заметил меня, сел рядом молча. Вдруг спросил:

— Осуждаешь меня, хлопчик?, — не дождавшись ответа, продолжил: — Агний был мне другом. Почти братом. Но когда отвечаешь не только за свою жизнь, приходится проявлять жестокость к виновным, иначе дурная зараза своеволия и

безответственности на других перекинется. Кормщик допустил пьянку, драку, погубил корабль, людей и товары. Не мог я его простить, чтобы впредь и другим неповадно было. Не в последний поход лодьи водил. Запомни, часто, чтобы чужие боялись, приходится бить своих.

Завершая свой придуманный рассказ, Колояр поманил меня и сказал:

— Вот, великий царь, этот мальчик. Сейчас покажет то, что умеет делать каждый в их землях. Летает, правда, плохо. Но это потому, что маленький еще, — легонько подтолкнув меня в спину, приказал: — Яви государю, что можешь, Кощей!

Карачун смотрел на моё выступление как ребёнок. Он хлопал в ладоши, ахал, подбегал, чтобы видеть получше, толкал Колояра локтем, а потом сказал:

— Подари! Подари мне этого мальчонку, кормщик!

— Он уже твой, великий царь, — поклонившись, ответил тот.

Так я поселился в дворце. Поначалу жил на правах то ли шута, то ли ручной зверушки. Никто не обижал, но и всерьёз за человека не считали. Очень мне хотелось учиться, и стал я прятаться в классе, где царевичи занимались. Слушал, запоминал, оставшись один щепочкой на песке писал буквы и решал примеры. Однажды учитель задачу сложную дал отрокам, а они не могли сообразить, как её решить. Тот, рассердившись, ушел, заперев класс, и предупредил, что не выпустит до тех пор, пока не разберутся с решением. Боеслав и Драговит хоть и были царевичами, но обучали их в строгости. Могли и розгами пожаловать за леность. Долго они пыхтели и сопели над тетрадками, жаловаться друг другу стали на голод, жажду и потребности в уборную сбегать. Пожалел братьев, вылез из схорона и объяснил, как решить правильно. Да вот назад спрятаться не успел. Поймал меня наставник и за ухо к царю отвел — подумал, что баловства ради в класс пробрался. Карачун был мудрым царём. Старался даже в мелочах быть справедливым. Разобрался и на этот раз. Поспрашивал, что выучить успел, остался доволен ответами и приказал, чтобы учили меня с царевичами на равных. Думал, что сыновья захотят обогнать в премудрости учёной мальчишку безродного. Но те только потешались надо мной:

— Обезьянку любым штукам научить можно — ума это ей не прибавит. Мы царского роду — наша мудрость по крови передалась.

Так и жили…

Рассказ был прерван торопливо вошедшим человеком. Видно было, что не слуга зашёл, а имеющий на то право приближённый.

Поклонился с достоинством, доложил:

— Новости, государь!

Меня разрывало как Буриданова осла. Хотелось услышать продолжение кощеевой истории, но и новости узнать не терпелось. Хорошо, что не я принимала решение в этот раз.

— Слушаю тебя, Деян.

— Сыскали тех двоих, допросили, только не признаются они, что клещей на Заречье наслали.

— А в чем покаялись?, — встряла в разговор, томимая любопытством.

Дождавшись кивка от царя, приспешник ответил:

— В том, что под медведя князя подвели. Сговорились с егерем и конюхом и устроили нечаянный случай.

— Тоже мне новость!, — фыркнула я. — Это сразу понятно было, что не сам Акамир в лапы к зверю упал. Но вот хвостом чую, что причастны они к нашествию насекомых.

Последнюю фразу сказала себе под нос, но Кощей услышал.

— Каким хвостом, Агунюшка?, — тихо-тихо, ласково-ласково спросил он.

— Драконьим. Какой у меня ещё быть может?, — как под гипнозом ответила я, размышляя, кто виноват и что делать.

— Всё! Хватит! Загостились!, — Филипп налетел, толкнул головой в бок и, глядя в глаза, добавил: — Домой пора, хозяюшка. Тут и без нас разберутся.

Кощей, склонив голову к плечу, поглаживая ухоженным пальцем тончайшие усы, смотрел на нас чуть насмешливо, но задерживать не стал:

— Был рад знакомству. Жду с невестой обещанной. Три дня хватит?

Я шлепнула себя по лбу. Как могла забыть, что ещё Афину сосватать надобно? Заболтал, суккубий сын! Инк, наверное, ждёт в избушке, а я тут уши развесила — сказания слушаю.

— Кота забираю!, — безапелляционно заявила царю. — Невесту сыщу. Только не пристало девице к жениху ехать. Может быть, ты к нам в гости наведаешься?

— С удовольствием! Позови, как готова будешь, — и подал мне зеркальце размером с ладошку, обрамленное в серебро. — Дунь на поверхность, ногтем постучи три раза, я и отзовусь.

— Филипп, думала, ты более воспитан, — выговаривала коту, погоняя ступу в сторону дома. — Ведёшь себя как ребёнок капризный. Мне даже неловко стало. Ты же разумный!

— Зато ты безмозглая!, — сердито проорал в ухо фамильяр, сидевший у меня на спине. — Зачем рассказала Кощею о своей драконьей сути?

— Я?! Когда?, — от неожиданности так резко затормозила, что чуть было не вылетели оба из тесной посудины.

— Осторожнее! Слушай, тебя точно клещ энцефалитный не укусил? Ведешь себя как безумная. То пялишься на царя, словно его узорами невиданными расписали, то соглашаешься на задания невыполнимые, то болтаешь бесконтрольно. Теперь и вовсе чуть не убила.

Молча перехватила пест поудобнее и, неспешно правя в сторону дома, мысленно прокручивала события последних дней, кивала, соглашаясь с котиком, и хмыкала, удивляясь самой себе. Прав фамильяр, прав! Неладное что-то со мной: логика хромает, поступаю неадекватно, реагирую на суккубьего сына как старшеклассница на смазливого певца.

Инк нас не ждал, но в ящике магодоставки лежало несколько писем. От отца, в конверте с императорским вензелем и золотой печатью, от деда, в простом сером пакете с алым штемпелем учебки, лист, свёрнутый в несколько раз и скрепленный печатью с нечётким гербом, и свиток, обмотанный чёрным шнурком, на котором болтался серебристый ярлычок тайной стражи.

Умывшись с дороги и переодевшись в домашнее, прихлёбывая отвар из свежих листиков смородины и земляники, издали рассматривала корреспонденцию, раздумывая, с какого из посланий начать. В той прежней жизни на Земле я, как и большинство моих сограждан, отвыкла от бумажных писем. Пакеты, доставляемые почтой, чаще всего не радовали: штраф за нарушение ПДД, налоговая с напоминанием о том, что спать спокойно еще рано, или Пенсионный фонд с известием о том, что пора оформить пенсию по старости.

В Иномирье, несмотря на порталы, народ активно вёл личную и деловую переписку. Может быть, потому, что не придумали еще межгалактической сотовой связи, которая не объединяет, а делает людей более замкнутыми. Отправил смску: «Привет. Как дела? Поздравляю с днюхой!», — и создал иллюзию общения. Только ни к уму, ни к сердцу такое не приложишь.

— Хочешь, я письма открою?, — не выдержал затянувшейся паузы Филипп.

Не глядя, потянула из стопки первый попавшийся конверт. Сломала печать, развернула лист: «Леди Агпия, дочь моя, — писал Рактий вар Фламери. — Имею честь известить о моём бракосочетании с Оллией, которое состоится…»

О нет! Закрыла глаза и отложила приглашение. Отказать отцу не смею, но и показаться перед высшим межгалактическим светом, обязательно явившимся на папочкину свадьбу, в том обличии, что сейчас, не смогу. Взглянула на указанную дату,

провела приблизительный расчет, переводя декадный календарь Драконниды на земной недельный. Если не ошиблась, торжество состоится через два месяца или около того. Представила, как сейчас суетятся все известные дизайнеры и портные вокруг модниц, приглашённых на церемонию… и открыла следующее письмо:

«Следующим извещаю, что за не согласованный с куратором и вышестоящим начальством переход субъекта, не имеющего отношения к тайной страже, через межгалактический портал, находящийся на территории Вашего наблюдательного поста, Вы оштрафованы на 1/2 стандартного вознаграждения, что составляет 20 межгалактических золотых монет. Старший уполномоченный сектора наблюдателей…» Далее следовала размашистая нечитаемая подпись и чёткий оттиск печати с эмблемой тайной стражи. Думаю, что это не та цена за счастье Василисы и Амбросия, о которой стоит говорить.

«Бабулечка! Не знаю, как смогу отблагодарить тебя за всё то, что ты для меня сделала! Кирумита совсем не похожа на Дремлесье. Здесь нет густых лесов и широких рек — всё, что я пока видела: степь. Да, степь кругом! Зато рядом Амбросий. Лучшего мужа я не могла для себя желать. Он внимательный, заботливый, предупредительный и очень-очень нежный. Пока ношу переговорный артефакт, но старательно учусь и уже много понимаю сама. Венира переехала в город, открыла мастерскую по пошиву модной одежды и стала любимкой Ромеуальдо, хоть он и звал её замуж. Все, с кем я разговаривала, помнят тебя и просят кланяться и передать благодарность за спасённую книгу. Наверное, я еще плохо понимаю местных, но почему-то они говорят о тебе как о красивой девушке.

Муж сказал, что мы скоро с тобой встретимся на свадьбе какого-то дракона. Буду очень-очень этому рада. Благодарная тебе, Василиса».

«Девочка моя! Наверное, ты уже получила приглашение на свадьбу от Рактия. Без согласования с тобой я не стал предпринимать никаких действий. Но, кажется, пришла пора сознаваться. Любящий тебя дед, Тесшас вар Фламери».

Все письма читала вслух. После пережитого эмоционального потрясения откатом мною овладела апатия.

— Ребята, я посплю, пожалуй, — сказала я домочадцам, укладываясь на теплую печную лежанку. — Утро вечера мудренее, вот и напишу ответы утром.

Глава 12.

Трепетный солнечный лучик, с трудом пробившийся через плотно подогнанные доски крышки, медленно полз по заплесневелой, влажной стене последние мгновения. Еще три вздоха, и он погаснет до следующего утра. Это если погода солнечная будет, а не зарядит дождь. Тогда не бледный светлячок, а капли ледяные побегут по стенам. Пленница вбирала в себя эту кроху света, затаив дыхание. Вдруг что-то звякнуло. Забыв о крошечном солнечном зайчике, она до предела напрягла слух: «Показалось, что ли?» Но звон повторился. Только это не звук отпираемого засова, а… сигнал вызова магодоставки. «Доставка сюда?», — подумала я, просыпаясь. Ох, что за напасть эти сновидения! Пророчество или новое задание Вселенной? Кто эта несчастная, где её заперли и надо ли мне заниматься поиском? Напоминая о себе, ещё раз прозвенел ларец.

«Туристка, Афина исчезла. Через порталы из мира Совета не уходила — я проверил, но на планете её нет. Обыскал всё. Сейчас у меня новое задание, и скоро не жди. Инк».

Горестно подперев голову рукой, сидела я на крыльце, свесив ноги и наблюдая, как солнечные лучи выгоняют ночной сумрак из леса. Клубясь, над головой зудели комары. Моя почти драконья кожа им не по зубам, поэтому внимания на них не обращала. Лёгкий ветерок трепал листочки блокнота для зарисовок, лежащего рядом. Взяла, чтобы отвлечься эскизами, но настроение выдалось не созидательное, и я бездумно взирала на окружающий мир.

— Так и будешь сидеть?, — боднул меня головой Филипп.

— Могу по-другому, — развернулась лицом к двери, оперлась горбом на балясины и вытянула ноги.

— Надо же что-то делать!, — не унимался фамильяр.

— Есть конкретные предложения? Нет? Тогда не надо коуча-мотиватора изображать, — цыкнула на кота.

Потянулась за альбомом и стала бездумно рисовать узоры из завитушек и листьев, заполняя пространство между ними клетками. Клетка… решётка… замок… плен. Этот ассоциативный ряд ярким метеором промелькнул в сознании, разгоняя туман уныния и хандры, овладевший мною. Пока я здесь страдаю о невозможности прибыть на папочкину свадьбу красоткой, в тесном сыром колодце, где из света только тонкий солнечный луч на двадцать минут в день, томится девица, ожидая спасения. Ну и кому из нас хуже? Кто-то мне недавно о колодце говорил? Не

помню кто и что, но разговор такой был.

— Пойдём завтракать, обидчивый мой!, — взяла сопротивляющегося кота на руки. — Прости за настроение плохое. Но я же девочка, и мне иногда можно.

Трофим расстарался. Гречневая каша, распаренная в печи, заправленная тушенными в сметане грибами с луком, манила аппетитным ароматом, отодвигая на потом планы по спасению мира. Ели с Филиппом да нахваливали кулинара. Домовой смущался, но было видно, что похвалой доволен.

— Хозяюшка, — обратился ко мне дедушка, когда я допивала кофе. — Дозволь на денёк из дому отлучиться.

— Ступай, конечно! Далёко собрался, родной?

— В гости к лешему схожу. Товарищ он мой добрый. Который год уж дружим. Поговорим, новостями обменяемся, медку выпьем. К ночи домой вернусь. Может, водяной пришлёпает. То-то веселье будет!

Я вздохнула. Леший, водяник… Как там поживает моя океанская нечисть? Масянечка, наверное, подросла, и прудик её полностью восстановился. Тут в голову мысль интересная пришла:

— Скажи, дедушка, водяной ведает колодцами? Мне узнать надо об одном заброшенном.

— Пойдём спросим. Тут недалеко.

Озеро, к которому привёл меня Трофим, частью поросло листьями кувшинок, частью пряталось в тени старых раскидистых ив, тонкие ветви от изогнутых арками сучьев погрузились в воду и там сплелись с водорослями. Только в центре озёрная гладь светилась от солнца, поднимающегося к зениту. От такой красоты даже дыхание сбилось и руки зачесались от желания схватиться за кисть. «Обязательно приду сюда на пленэр!», — пообещала я себе.

По-над берегом что-то плеснуло. Потом ещё и ещё раз. Зашуршали раздвигаемые ветви, и я увидела симпатичную улыбающуюся мордашку совсем юной девчушки.

— Здравствуй, милая!, — помахала рукой русалочке. — Хозяин ваш дома? Поговорить бы мне с ним.

Тихий всплеск — и мавка исчезла. Присела в тенёчке, любуясь пейзажем и ожидая появления хозяина водного царства. Трофим мой бродил по лужку, срывая и складывая в припасённое лукошко листики, цветы и травы и бормоча себе что-то под нос. Кот, прибывший к озеру на моём горбу, исчез где-то в траве, предупредив, что пошёл гонять полёвок.

— Что хотела, ведьма?, — то ли задремала, то ли задумалась, но не услышала, как водяной рядом присел. Только место выбрал

там, где тень погуще и прохлады побольше.

Не успела ответить, как рядом материализовался кот, а чуть погодя и Трофим рядом встал. «Защитники мои!», — подумала с нежностью.

— Здрав будь, властитель вод. По делу я к тебе.

— Сказывай, — намного приветливее ответил собеседник. То ли на лесть повёлся, то ли потому, что Трофима узнал.

— В твоей ли воле колодцы Дремлесья?, — водяной кивнул. — Пересохшие тоже?

— Говори, что надо. Солнце припекает.

— В одном колодце деву заперли. Можно узнать в каком?

— Узнаю. Ему скажу, — кивнул на домового водовик, и я тоже посмотрела на Трофима, гордого оказанной честью и доверием, а когда обернулась, то нечисти уже не было.

— Испарился?, — удивилась я.

— Утёк, — со знанием дела ответил кот.

Возвращались в избушку вдвоем — домовой в гости пошёл. Фамильяр ехал на мне, забравшись на горб, я несла лукошко с травами, собранными Трофимом.

— Совести у тебя нет!, — ворчала на кота. — Ты же весишь килограмм десять, наверное. Подумал бы, как мне тяжело таскать тебя!

— Я устал…, — захныкал зверёк, удобнее устраиваясь. — У меня лапки болят!

— За мышами по полю скакать не болели, а как идти домой…

— У ворот всадник. Сейчас вернусь, — фамильяр спрыгнул в траву и исчез, пользуясь навыком перетекать в пространстве, подаренным ему Френки.

Поставила лукошко на землю, потёрла поясницу. Как же надоело мне это неуклюжее тело! Каждое движение только что скрипом не сопровождается. Отпроситься бы в отпуск и сбежать на Океан, погреться на тёплом пляже, поплескаться в солёной воде, поболтать с Френки…

— Посланник Акамира ожидает, — отрапортовал Филипп, вернувшийся из разведки.

— Ты с ним разговаривал?!, — ахнула я.

— Не я с ним, а он со мной. Увидел меня и спрашивает: «Ягу не видел? Я ей грамоту от князя привёз. Поищи бабку свою». Вот я за тобой и вернулся.

Пергамент верховой сунул мне в руку, не покидая седла. Буркнул, что торопится, и ускакал.

— О чем просит?, — торопил развернуть свиток кот.

— Почему ты решил, что просит?, — вредничала, не торопясь читать послание. — Может, на пир приглашает? Слушай:

«Бабушка Агунюшка, низко кланяюсь тебе и покорно помощи прошу. Сотвори чудо, избавь от напасти. Клещи одолели! Волхв наш что уже только не пробовал, но ничего не помогло. На одной земле живём, бабушка, потому на тебя надеюсь.

Телегу за тобой не шлю, зная, что ты на ступе летаешь. Видели тебя, как ты над Заречьем туда-сюда носишься.

Жду помощи в ближайшие дни. С уважением и верой в твою силу, Акамир».

— Тебе тоже показалось, что угрожает?

— Это он от страха и незнания, что делать.

— Полетим?

— Обязательно. Трофима дождёмся с ответом от водяного и полетим. Пойду попарюсь, а ты дом стереги.

Собрала в корзинку шампунь и гель контрабандные, «мыло душистое, полотенце пушистое», халат длинный, крынку кваса и пошла расслабляться во влажном жаре. Парилась долго и с удовольствием. Хлестать себя веником неудобно, но заклинания на этот случай не было, и пришлось стараться самой. После бани долго пила чай, настоянный на свежесобранных травах, потом с Филиппом любовались закатом и вечерней зарёй над лесом. Не дождавшись загулявшего домового, пошли спать.

— Проснись! Да проснись же ты!, — кот прыгал по ногам, стараясь разбудить меня.

В избушке было темно, значит, на дворе ночь глубокая. Щелкнула пальцами, зажигая светлец:

— Ты чего?

— Ходит вдоль ограды кто-то.

— Пусть ходит. Охранное заклятие надёжное.

— Может, Трофим вернулся, — заглянул в мои заспанные глаза фамильяр, волнующийся за друга.

— Он же предупреждён, что ночью контур не открою, — раздражённо ответила, ища босыми ногами обувь.

— Мы только спросим: «Кто там?», — и сразу спать вернёмся, — продолжал уговаривать кот, и я, сердито сопя, пошаркала к двери.

Вышли на крыльцо. Луна уже заканчивала свой ночной путь, и на востоке цвет неба менялся на сиреневый. В лесу хор соловьёв выводил трели и рулады так громко, что удивилась, как Филипп через их свист смог услышать шум у ограды.

— Кто там?, — выполняя программу минимум, спросила я ночь.

У калитки действительно кто-то зашуршал, и донёсся виноватый голос домового:

— Это я, хозяюшка, Трофим. Ты уж прости, что запоздал и

вернулся в час неурочный, новость от водяного срочная.

Услышав голос друга, Филипп спрыгнул с крыльца и бросился к ограде, несмотря на росу, щедро выпавшую на ступени, дорожку и траву около неё. Похромала и я следом. «Посмотри, он точно один?», — ментально поручила коту и, дождавшись, когда кот, забравшийся на ограду, кивнул, сняла заклятие с запора калитки.

Домовой был никакой — насыщенный перегар медовой бражки мгновенно заполнил пространство двора. Одной рукой подхватив навалившегося пьяного, другой кое-как закрыв калитку, потащила едва стоящего на ногах дедушку к крыльцу.

— Водяной сказал… Сказал! Наказал передать… Хозяюшка, это очень срочно и важно…, — Трофим который раз начинал торжественную передачу информации, но спотыкался на вступительном слове и всё начинал заново.

Понимая, что ничего от него не добьюсь, сходила в избу, принесла подушку с одеялом и уложила пьяного домового спать прямо на первой ступеньке. Управившись, предложила коту:

— Слетаем к озеру? Если дело срочное, то ждать, когда проспится, — кивнула в сторону крыльца, — некогда.

— Давай хоть в дом его занесём, — захлопотал о друге Филипп.

— Нет! Пусть дышит свежим воздухом. Можешь остаться и посторожить. Я мигом обернусь.

— Только вместе!, — с места запрыгнул на плечо кот, чуть не столкнув меня с ног.

— Худеть тебе пора, — ворчала я, пробираясь к ступе.

— У меня просто кость широкая, — парировал фамильяр.

Приземлиться постаралась на песчаной проплешине, чтобы не мочить в росе юбку и ноги. Подошла к воде и пошлёпала ладонью по глади озёрной:

— Дома ли водяной?

На звук моего голоса из воды показалось несколько девичьих головок в венках из цветов весенних и трав полевых. Увидели Филиппа на моём горбу и защебетали, заахали:

— Ах, какой красивый! Ах, какой пушистый! Котик, хочешь рыбки?

— Он рыбу не ест — костями давится, — цыкнула на зверька, готового спуститься к воде за вожделенным лакомством, и попросила русалочек: — Красавицы, хозяина вашего позовите.

— Что ещё надо, неугомонная?, — водяной стоял рядом и приветливо махал рукой своим подданным. — Всё как есть домовому передал.

— Ты передал, да он не донёс. Мёд больно крепок у лешего

оказался.

— Это да…, — мечтательно протянул правитель вод, но я нетерпеливо кашлянула, и речь пошла об интересующей меня теме. — Хорошо, что ты вовремя хватилась, ведьма. Подземная река наполнилась от снега талого, и колодец бы к вечеру залило. До утра завтрашнего придержу водичку. Больше не могу. Вытаскивай девку свою, а то себе заберу в мавки.

— Так как же я эту криницу найду? Дремлесье большое, колодцев сухих тоже, думаю, немало…

— Этот студенец приметный. В столице, но за стеной. Рядом с банькой старой, развалившейся, в кустах малинника.

Гнала ступу во весь опор. Не то чтобы я не доверяла водяному, но принцип «лучше перебдеть» ещё никому не помешал. Попутно ломала голову над задачей: с чего начать? Завалиться к Акамиру и попросить помощи или самой облететь Камару вдоль стен крепостных, разыскивая развалины бани. Вспоминая историю, предположила, что столица не должна быть большим городом — не было тогда мегаполисов. Так и оказалось. Взошедшее солнышко осветило пики крыш на теремах и деревянных башнях, обозначая компактные размеры города.

— Не Винни Пух же я, чтобы по утрам в гости ходить. Полетаем, осмотримся, а если помощь понадобится, то князя разбудим, — рассуждала вслух, с высоты оглядывая окрестности.

Над небольшой речушкой, притоком Зорянки, клубился туман, но обзору он не мешал. Вдоль потока, по ближнему к стенам берегу, стояли редко, не мешая друг другу, кузни и еще какие-то кустарные цеха. «Разумное решение — вынести пожароопасное производство за город. Строения-то все деревянные. Искры неосторожной хватит спалить всё дотла», — размышляла, планируя над крышами. Чтобы не пугать население, набросила полог невидимости и не боялась, что кто-то спросонок из лука стрельнет. Большинство мастерских обросло подворьем с жилым домами, сараями и хлевами, и снизу доносилось томное мычание коров, ждущих утренней дойки, бодрые крики петухов, соревнующихся в громкости и цветистости своих побудочных пассажей, растерянный лай сторожевых псов, чующих, но не видящих нас с Филиппом.

Остов развалившегося и местами обгоревшего строения нашли, облетая северную сторону Камары. Вдоль западной и южной, поближе к главным воротам, разрастался посад, бурлила жизнь, а эта ограда выходила на лес, дорог здесь не было, наверное поэтому и селиться никто не хотел.

Продираясь сквозь спутанные побеги малинника, покрытого молодой душистой листвой, внимательно смотрела под ноги. Не

надеялась даже, что колодец будет срубом обнесён и «журавль» рядом для удобства поставлен. Наверное, поэтому и увидела ржавый замок среди сухих веток и свежей травы, которыми была завалена крышка. Пустив небольшой очищающий вихрь по доскам и земле, расчистила место, где могла бы присесть, чтобы открыть запор.

— Эй! Там кто-нибудь есть?, — как медвежонок, набитый опилками, крикнула я в колодец, рупором приложив руки к найденной щели.

— Есть… есть… есть, — эхом отозвалось снизу.

Мы с котом переглянулись, и я повторила попытку выяснить, обитаем ли студенец.

— Ты кто?, — рассматривая замок и придумывая, как бы его вскрыть, на всякий случай спросила я.

— Афина…, — донеслось из колодца.

Уронила замок и даже руки спрятала за спину. Было бы тело гибче, еще и отпрыгнула бы подальше.

— Кака така Афина?! Знаю одну, но она со стражем удрала.

— Опять злые Мойры забросили к вам в Дремолесье.

Закрыли меня под замок, где лягушки, пиявки и слизни.

Хотят, чтоб исполнила их я желанье. Какое?!, — богиня хлюпала носом не то от слёз обиды, не то от простуды.

«О, дорогая, даже не догадываешься, как права! Ты — решение моего второго задания от Кощея. Хоть и не всегда ваши пряхи были добры ко мне, но сейчас я им очень благодарна», — подумала я, мигом составив план действий.

— Афина, послушай, тут на замок заклятие сильное наложено — не открою. Придётся колдуна могучего звать. Думаю, что ему под силу будет тебя вызволить.

— Зови скорее!

— Позвать не беда, да вот только…

— Что?, — насторожилась пленница.

— Обычай в Дремлесье есть: коли спасет девицу мужчина свободный, то вправе он жениться на ней.

— Сама ты замок снять попробуй, Агуня! Обет

Мной был дан пред богами Олимпа.

И замуж никак — посмеются потом бессердечно.

— Кто над тобой смеяться будет, если о них уже забыли все, а в этих краях и не слышали никогда?!, — злясь на упрямицу, пнула замок, а он возьми да откройся.

Вот уж нет! Тихонечко вложила дужку в петли и надавила покрепче. Щёлк! Вот так будет правильно, а то ишь, замуж она не хочет, а мне как перед Кощеем оправдываться?

— Что? Что там щёлкнуло?, — вскинулась в колодце Афина.

— Это я ноготь сломала, пытаясь тебя спасти, — присела поближе к крышке и принялась уговаривать: — Ты же мудрая. Вот и подумай, что будешь делать, если не замуж? Богиней тебя здесь почитать не станут — свои есть. Работать не приучена, хоть и знаешь многие ремёсла. Уйти из этого мира тоже не можешь. Дважды случайностью быть не может. Колдун не просто чародей, а царь и красивый мужчина.

— Правду говоришь?

— Зачем мне врать? Сама всё увидишь, — узница молчала. Пришлось выкладывать последний довод: — Ты не спросила, как я тебя здесь нашла, но я расскажу. Приснилась мне девица, взаперти сидящая да следящая за лучиком солнечным. Утром бросилась к водяному выспрашивать, есть ли такое. Подсказал, где искать, и предупредил, что к вечеру воды талые затопят колодец и станет пленница у него в гареме русалкой.

— Зови колдуна, — едва слышно донеслось через плотно подогнанные доски крышки.

Кощея позвать секундное дело — зеркальце при мне в кисете хранится. Но пригласить царя на земли Заречья без ведома Акамира и тем самым нарушить дипломатическую договорённость, а может быть, и развязать войну… Нет, нет и нет! Сначала лечу в Камару, а богиня пусть ещё немного потерпит.

Отошла подальше, достала из кисета зеркальце, дохнула на него и трижды постучала ногтем. Мне не было стыдно за хитрость свою. Афина и сама не без греха — коварно обманывала и заговоры устраивала, покушаясь на жизнь Ахиллеса. Бедный хлопчик…

— Никак невесту сыскала?, — донеслось из глубин волшебного стекла.

— Нашла. Готовься спасать.

— От кого?

— От самой себя. В колодце сидит, от замужества прячется. Водяной воду до утра придержать обещался, а потом… Берешь ли?

— Царевна?, — осторожно уточнил «спасатель».

— Обижаешь, уважаемый. Богиня! Ты пока собирайся, а я служанок для Афины подгоню.

— Афина? Ты сказала «Афина»?! «…богиня, Паллада-Афина,

С хитро искусным умом, светлоокая, с сердцем немягким,

Дева достойная, градов защитница, полная мощи»?, — эмоционально продекламировал царь свой вопрос.

— Дева светлоокая, а всё остальное, по-моему, в прошлом. Боги сильны тем, что им молятся и приносят жертвы. Время олимпийских повелителей кануло в Лету. Потерпи немного, сам

всё увидишь.

— Стой на месте, я на зеркало путь проложу.

— Нет, Кощей. Не сейчас. Прошу тебя, подожди.

— Хорошо, — после небольшой паузы согласился собеседник. — Подожду, но ты поторопись!

Стремительный вертикальный взлёт, и через минуту пытаюсь угадать, где ранним утром смогу найти Акамира. Если парень послушался моего совета, то сейчас тренируется с воями, а если нет… То буду искать Здеслава. Прикрывшись пологом невидимости, кружила над городом, рассматривая дворы горожан. На задворках усадьбы с внушительным теремом махались мечами обнажённые по пояс мужчины. Хеканье, которым усиливали удар, звон металла, топот ног по утоптанной до асфальтовой твёрдости земле слышны были издали. Вокруг площадки с метлой и совком ходил отрок, время от времени что-то сметая с кромки почвы и редкой травы, и бежал высыпать в жаровню. Выбрав место поближе к забору и подальше от тренирующихся, аккуратно приземлилась и сняла заклятье незаметности.

— Здравы будьте, люди добрые! Князя бы мне повидать?, — обратилась я воинам, слегка усилив голос магией.

Все замерли. Только что прыгали, бегали, рубились — и вот как будто неожиданно нажали кнопку «Стоп». Так и хотелось сказать: «Отомри!», но какой-то потный лохматый парень сделал это раньше меня:

— Хотен, забодай тебя комар, ты чего замер?! Быстро клещей собирай!

Повинуясь окрику, отрок побежал вдоль площадки, по пути сметая в совок выползающих из травы насекомых, чтобы потом высыпать их на горячие угли. Неплохо придумали, только к каждому двору такого мальчонку не приставишь. Надо срочно решать этот вопрос.

— Так где же князь?

Парни переглянулись, пожали плечами, кто-то, пользуясь нежданным перерывом, отправился к ведру с водой, стоящему в тени, кто-то вновь встал в пару, чтобы продолжить поединок.

— Его здесь не бывает, бабушка. Он у себя в подворье упражняется, — ответил тот же лохматый. — Там и ищи.

— А это чей двор?, — оглядываясь по сторонам, полюбопытствовала я.

— Боярина Градислава Комова.

Однако, куда меня занесло! Интересно, зачем? Не верю я в случайности. Не верю!

— Бабушка, случайно не ты князя выхаживала после того, как

его медведь подрал?, — натягивая поднесённую Хотеном рубаху, спросил разговорчивый парень.

— Было такое.

— Может, и нам поможешь?, — с затаённой надеждой спросил собеседник.

— О чём ты, вьюнош?

— Вылечи отца, бабушка! Век в должниках ходить буду!

— Толком говори, окаянный!

— Перед тем, как князь в Камару вернулся, в городе смута поднялась. Дуда с Вишняковым кричали, что Акамира на охоте медведь задрал и что отец мой, Градислав Комов, хочет княжий венец захватить. Батюшка бросился усмирять людишек, увещевать глупых, но по дороге напали на него. Сопровождающих побили, самого по голове чем-то ударили, если бы не шапка бобровая, то там бы и остался. Но ранили так, что насилу ушёл и всё хворает после этого, — последние слова парень сказал, отвернув голову, чтобы я не заметила слезы, блеснувшей на солнце.

— Милый, да что же я сделать смогу? Не целительница я, — но, увидев, как опустились плечи парнишки, со вздохом продолжила: — Пойдём, посмотрю на твоего батюшку. Только учти, ничего не обещаю. Звать-то тебя как, настырный?

— Борил, бабушка.

— Так и есть — борец!, — хмыкнула я и продолжила расспросы: — Сестра у тебя, говорят, есть?

— Есть — Велизара. Шестнадцать весен уже минуло, замуж бы пора отдать, но отец, вишь, занедужил. Не до свадеб сейчас.

Тем временем, незаметно за разговорами, подошли мы к невысокому боковому крыльцу.

— Отец сейчас здесь живет, вдали от парадных покоев. Говорит, что шум и суета раздражают. Да и спускаться легче, когда на лавочку посидеть выходит.

Поднялись, прошли сумрачным коридором и остановились у двери массивной. Решимость моего провожатого таяла с каждым шагом. Легко принять импульсивное решение и, поддавшись порыву, привести меня в терем, но как убедить отца довериться никому не известной старухе? Вот и топтался Борил перед дверью. Только нет у меня времени на его душевные метания — в колодце Афина мёрзнет. Обошла парня и толкнула дверь в горницу:

— Здрав будь, Градислав!

В комнате было темно и душно. Тут и здоровый заболеет, а больному тем более худо станет.

— Ты кто?, — вместо приветствия спросил боярин.

— Меня Акамир прислал, просил помочь, если смогу. Его на

ноги поставила, может и с тобой получится.

Кот, до этого тихо лежавший у меня на горбу и притворявшийся воротником, ментально хихикнул:

«Врать ты здорова стала, Агуня!»

«Цыц!», — рявкнула я на нахала, а больному улыбнулась, присев рядом.

— Рассказывай, что беспокоит.

Ну вот ни разу не врач я, и то поняла, что неправильно мужику сильнейшее сотрясение мозга лечили. А еще помянула добрым словом бабушку по маме, которая умела «мозги править» и меня научила.

— Вот что, боярин, попробую исцелить тебя, но и от тебя многое зависит. Скажи, есть ли в твоем доме покойное место, где много свежего воздуха, чтобы ты там мог находился и день и ночь?

Градислав вопросительно посмотрел на сына, топтавшегося в дверях. Конечно, мальчишки, вечно сующие везде свои конопатые любопытные носы, лучше всех знают закутки и схороны в любом доме, а Борил по молодости лет не успел еще забыть свои проказы.

— На смотровой башне, батюшка, — и, заметив сомнение во взгляде отца, затараторил: — То, что лестница крута, так мы с братьями тебя мигом на плечах подымем. От сквозняков коврами проёмы прикроем, от комаров дым душистый поможет.

Вспомнив, как с Инком держали осаду в донжоне Амбросия и как много там было свежего воздуха, согласилась.

— Готовьте башню. Только быстро. Недосуг мне — дела ждут.

Затворив за парнем дверь, оторвала кусок нити от клубка белой пряжи, кем-то забытой на лавке, из холодной печки выгребла уголёк и подошла к страдальцу.

— Посиди спокойно, а я поколдую.

Мужчина напрягся в ожидании чего-то страшного. Обвязала голову ниткой, завязав узел на переносице, угольком отметила точку затылка, точки над ушами, на чем и закончила обмер. Сложила по точкам затылка и узла, потом по точкам ушей.

— Понятненько. Сюда ударили?, — Комов кивнул и поморщился, голова болела. — Вот что, боярин, у тебя от удара мозг сместился. На место я его поставлю, потом ты ляжешь спокойно и лежать будешь, сколько скажу. Парни, когда поднимать будут, нести должны без тряски и в ровном положении. Но это я сама распоряжусь. Перед сном загляну, посмотрю, как дела пойдут. Сейчас, если нужда телесная есть — справляй, чтобы потом не вставать, а я пока выйду ненадолго.

Вышла во двор и подозвала крутившегося у крыльца Хотена:

— Если уйдёшь со двора без спроса, уши сильно надерут?

— Чё это?, — запетушился мальчишка.

— Ну и ладно. Сбегай на княжье подворье, найди или самого, или дядьку Здеслава. Знаешь ли, о ком говорю?, — отрок кивнул. — Передай, что Агуня боярина врачует, прийти не может, но они срочно нужны. Понял? Повтори. Вопросы есть?

Хотен повторил задание слово в слово и, чуток помявшись, спросил:

— Бабушка, а зачем ты дохлого кота на спине носишь?

Филипп мгновенно вскочил на горб, пошатнув меня своим весом, выгнул спину, распушил шерсть и зафыркал на дерзкого мальчишку. Тот охнул и со всех ног бросился к воротам, а я, цыкнув на кота, вернулась в горницу. Около боярина сидела печальная юная девушка и гладила того по руке. «Хорошенькая у Акамира жена будет», — улыбнулась про себя, а вслух сказала:

— Ступай, невестушка, к себе, жди суженого в своем тереме.

— Нет у меня жениха, старушка, — потупившись, ответила Велизара и пошла к двери.

— Будет скоро, уже коня седлает, — прошептала ей вслед, так, чтобы наверняка услышала.

Девицы они такие, любят гадать на суженых. Бывает, что сбываются прорицания. Вон Василиса себе Амбросия нагадала. Так почему же боярышне судьбу не предсказать? «Врушка!», — муркнул фамильяр в самое ухо.

Глава 13.

Когда лечение подходило к концу, в коридоре послышался топот ног, а потом в открытую дверь заглянула лохматая голова боярского сына. Передёрнула плечами: «Брысь!», и тут же стало тихо. Помогла Градиславу медленно лечь на спину, предварительно сбросив ворох огромных подушек, наваленный заботливыми служанками, и приказала отдыхать. Убедившись, что боярин спокойно спит, прихватила со стола крынку кваса, пошла на крыльцо, где ожидали Борил со товарищи. Взглянув на этих полных жизни, здоровых, активных парней, поняла, что занести боярина на башню, не треснув носилки об угол или не подняв ноги выше головы, они не смогут. Жизнь в них кипит, и все действия рывком да толчком, бегом да с наскоку. «Завидовать плохо!», — сказала сама себе, а у молодцев спросила:

— Скажите, дружи, если я боярину дам в руки кружку, вровень водой наполненную, сможете его поднять так, чтобы ни капли не расплескалось?

Переглядываются, затылки чешут, хмыкают. Понятно, что почти каждый из них мог бы, закинув Комова на плечо, бегом одолеть подъём, но мне не этого надо.

— Хорошо. Задам задачу посложнее. Сможете в комнате, где человек почивает, окно выставить так, чтобы не разбудить шумом и грохотом спящего?

Заулыбались, захихикали, стали кого-то вперед выталкивать. Смоляные кудри, хитрющий взгляд, движения ловкие, плавные. «Не брат твой, часом, в обличии человеческом? Кошак типичный», — слегка толкнула головой Филиппа, занявшего привычное место между шеей и горбом, как только я отошла от пациента.

— Могу, бабушка, — изображает скромника, потупив глаза, и кисть пояса пальцами теребит. Ушлый парнишка, видимо, да мне до этого какое дело?

— Вот и сделай поскорее. — Повернулась к Борилу: — Прикажи сестре принести кисеи кусок, чтобы проём от мух да комаров прикрыть.

Распорядилась и присела на лавочку в тени, отдохнуть да жажду унять. После магических упражнений всегда пить хочется, а квас у Комовых хорош. Забористый, с хренком. Мимо пробежала Велизара, держа в охапке свёрнутую лёгкую ткань. Скоро вернулась, похоже, что парни решили сами управиться, а её отправили восвояси. Уже не торопясь шла боярышня через двор к парадному крыльцу, где в это время спешивался и оглядывался, у

кого бы обо мне спросить, князь. Тут девица навстречу и вышла. «Ну и в чем я врушка?», — спросила у Филиппа, вместе со мной наблюдающего за первым актом пьесы под названием «Женитьба Акамира». Тем временем молодые люди молча стояли, не сводя друг с друга глаз и не обращая ни на кого внимания. Здеслав подъехал, чуток задержавшись, Хотен подскочил коней принять, я прихромала…

— Чего это они?, — растерянно спросил княжий родич, как всегда забыв поздороваться, кивнув на замерших у крыльца.

— Говорила же, что женить его пора. Вот и суженая сыскалась.

— Градислав дочь не отдаст.

— Отдаст как миленький. Постараюсь, так и просить станет, — фыркнула я, любуясь молодыми, но не забывая и об основном деле. — Ты вот что, уважаемый, пока я с ними разберусь, найди возок понаряднее да двух-трех тёток попроворнее, кто умеет за девицами ухаживать. Пусть захватят плащ дорогой и яркий, голубой или белый. Стражи выдели человек пять, для почёта, и подгони всё это сюда побыстрее. Сможешь?

— Ты девицу увозом взять хочешь, что ли?!, — вытаращил на меня глаза Здеслав.

— Тьфу на тебя, охальник! Это не для Велизары, а для другой. Для невесты Кощея. Будешь у них на свадьбе посажёным отцом?

Несчастный чесал затылок, не успевая за ходом моих мыслей и предполагаемых событий. Невесты, свадьбы, Кощей и он в качестве почётного гостя.

— Здеславушко-миленький, некогда объяснять. Сделай, как просила, потом подробности расскажу.

— Так куда возок с мамками и стражей пригнать?

— Невесту Кощея будем забирать от старой бани, что за северной стеной, — медленно, чуть ли не по слогам объясняла я вконец обалдевшему мужику. — Как туда быстрее проехать — не знаю.

— Так через северные ворота самый быстрый путь, — взбодрился собеседник, когда стало понятно, о чём речь.

— Не видела там ворот, когда на ступе кружила.

— Секретные они. Не для всех.

— Вот и славно. Я ничего не слышала, не видела и никому не расскажу. Только ты, родненький, поторопись!

Здеслав схватил повод своего коня из рук Хотена, вскочил в седло и ускакал, подняв пыльные вихри за собой на дороге.

— Здравствуй, свет мой ясный Акамир Финистович, — подошла к князю, который уже держал в своей ладони пальчики

Велизары. — Хорошую я тебе невесту выбрала?

— Прекрасную, бабушка! Так хороша, что готов сейчас жениться!

Боярышня, выпростав руку из нежного плена, кокетливо покосилась на князя и с усмешкой ответила:

— Ты бы прежде у батюшки спросил. Вдруг не захочет отдать меня за пришлого?

— Сама-то ты как хочешь? Пойдёшь за меня, Велизара Градиславовна?

— А ты посватайся!, — крутанулась на каблучках, хлестнула косой и убежала в тень открытых дверей терема.

— Князь, — подергала за рукав Акамира, с тоской смотрящего вслед девице. — Ты соображать сейчас адекватно можешь или уже нет?

— Как?, — переспросил парень, приходя в себя, отреагировав на незнакомое слово.

— Здраво!

— Могу. Ты о клещах хочешь поговорить?, — фокусируя взгляд на мне, спросил князь.

— И о клещах тоже. Знаю заклинание, как от паразитов избавиться, но, чтобы заклинание подействовало на все Заречье, нужно много силы колдовской. У меня столько нет. Позволь, я Кощея позову в помощь?

— Ни за что!

Скоропалительное, необдуманное заявление разозлило меня до голубых искр на ногтях. Их я сдержала, а вот язык нет:

— Ну и пусть вас клещи заедят!

Повернулась, взметнув юбкой пыль под ногами, и собралась было к ступе хромать, когда Акамир сказал задумчиво, слова растягивая:

— Он тоже так сказал: «Пусть вас клещи заедят!»

— Кто? Кто так сказал и почему?, — вернулась к князю, решив сменить гнев на милость.

— Злодей, которому голову срубили за то, что со товарищи на боярина Комова напали, людишек его побили и самого чуть не до смерти ранили.

Вот оно как, оказывается. Проклял человек перед смертью лютой всё княжество скопом, пожелав в сердцах, а я голову ломаю, кто заклятие наложил. Быстрее всего, еще и обидой скрепил посыл. Да и так ли уж виновен он был?

— Сами признались или видел кто?

— Сами, на дыбе, — по-прежнему задумчиво, глядя куда-то вдаль, ответил парень.

Наверное, пришлось присутствовать на допросе и страшная

картина всё ещё перед глазами стоит.

— На дыбе и невинный себя оговорит, дабы мучения скорее кончились, — проворчала я. — Всем головы порубали?

— Главарю только, а тех повесили.

— Расточительно ты к человеческому ресурсу государства относишься, княже.

— О чём ты, старушка?

— Говорю, похоже, что людей тебе девать некуда. В избытке народу в княжестве.

— Да что ты! Дел столько, а рук не хватает. Дороги надо строить. Залежи серебра опять же разведали, а копать некому. С пашен крестьян снимать нельзя — голод будет. Из служивых нельзя — границы кто стеречь станет? Хоть разорвись!

— Вот-вот, а вы их Жнице раздариваете.

— Кому?!

— Бережнее к людям относиться надо, говорю. Знаю одно государство, у них за проступки на исправительные работы отправляют. Клевета там, или обман торговый, или мужа на измене поймали… Три месяца бесплатно работают, где укажут: рудники или строительство какое. Отработал — домой вернулся и живёт себе дальше. Но если второй раз попадётся или жизни кого лишил, то пожизненным работником становится. Двойная польза — порядка больше, и рабочие руки есть.

— Ой, как мудро придумано! Где это царство, говоришь?, — заинтересовался Акамир.

— Далеко. Отсюда не видно, — резко ответила я и повернулась, чтобы уйти.

— Постой, бабушка! Правда ли, что сама с клещами не справишься?

Что за день такой сегодня?! Все на лжи поймать хотят. Афина не верит, кот врушкой обзывает, теперь и князь туда же.

— Слушай, молодец! Тебе надо кого-то выбрать: или Кощея, или клещей. Дружба с царём — это и дела торговые, и пакт о ненападении и взаимопомощи. И… о чём еще дружественные державы меж собой договариваются? Лучшего случая, может, и не будет никогда больше. У тебя в Заречье в колодце под замком сидит его невеста. Понимаешь, что добром ли, силой ли, но он её вытащит? Тебе как больше нравится, чтобы он помог от проклятья злодея избавиться, а ты ему невесту за белую ручку подведёшь, или чтобы он сам её забрал, а ты остался с паразитами и злом затаённым?

— Не сердись, бабушка. Пусть будет Кощей, хоть и боюсь его до дрожи в коленях, как и все в Дремлесье, — со вздохом признался Акамир и, решительно меняя тему, спросил: — Что

мне сейчас делать?

— Поезжай домой, прикажи баньку приготовить, служанок собери таких, чтобы девице после заточения смогли красоту вернуть. Мы позже прибудем.

Не медля больше ни минуты, поторопилась к ступе, ворча по дороге на Филиппа, отлежавшего все плечи и спину.

— Готов ли жених?, — постучала по стеклу ногтем.

— Долго ты что-то, — недовольно отозвался царь.

— Так дел накопилось — лопатой не разгребёшь.

— Стой на одном месте и жди.

Стою, жду, осматриваюсь по сторонам. Вон ступа моя, а на бортике растянулся кот и прикидывается спящим, пригревшись на солнце. Вон баня сгоревшая, с вороной на жерди, к дождю, должно быть, каркает. Вот туман заклубился серый на пустом месте, и оттуда Кощей выходит, бледный как смерть, с золотым яйцом в руке. Постоял, отдышался, спросил хрипло:

— Где?

— Там, — махнула я в глубь малинника. — Ты Изнанкой прошел, что ли?

— Навью. Знаешь как?, — быстро шагая в указанном направлении, ответил царь.

— Слышала, но не знаю. Жницу, там обитающую, боюсь — мне с ней встречаться нельзя. В долгу я у неё огромном. Не одну жизнь из лап цепких вырвала.

— Ты Мару-Смерть Жницей называешь?, — перешагнул ямку, подождал меня и руку подал, чтобы помочь перебраться.

— Так она назвалась при встрече нашей, — остановилась у крышки и обрадовала: — Пришли. Сам справишься или помочь чем?

— Яйцо подержи.

Подставив руки под ценный груз, готова была ощутить знакомую тяжесть, но яйцо стало чуть ли не вполовину легче, чем было, когда впервые держала его. Может, показалось?

Тем временем Кощей легким движением руки смёл крышку, встал над низким колодезным срубом на колени и позвал:

— Светлоокая дева Афина, знак подай, что желаешь покинуть темницу, — продекламировал он в сырую глубину.

«Балбес, начитавшийся мифов Эллады! Знак ему надо, что плохо с лягушками в луже», — подумала я и чуть было не плюнула в сердцах, поняв, что пусть не гекзаметром, но очень близко к нему выражаюсь. Вот же зараза какая!

Спаситель все ниже склонялся в отверстие и свесился уже так глубоко, что хотелось удержать за пояс, чтобы не свалился богине на голову. Но остановилась, заметив, как медленно, с видимым

усилием, царская спина начала распрямляться. Вот уже стоят на свежем воздухе под солнышком теплым на краю сруба Кощей и Афина в полный рост, глядя в глаза друг другу. «Вот и славно, — подумала я, стараясь бесшумно отойти подальше. — Пусть и у этих всё сладится. Мне хлопот меньше будет». Тут возок подкатил, подпрыгивая на ухабах. Верховые осматривались в поисках девицы прекрасной, за которой их послали, а тут я им навстречу:

— Доброго дня вам, люди добрые!

Кряхтя и охая, из повозки выбрались две дородных тётки. Взглянув на них, я задумалась, как Афина в возок поместится, чтобы до терема княжеского добраться.

— Будь и ты здорова, старушка, — откликнулась одна из нянек. — Ты, что ли, Агуня? А девица где?

— Да, бабоньки, я — Агуня. Девица сейчас будет, но, пока её нет, хочу предупредить. Если кто из вас в разговоре ненароком проговорится, что нет в Дремлесье обычая жениться на спасённых девах, то я, — придумывая страшную кару, вспомнила сказки из детства, — посажу на лопату, засуну в печь, зажарю и съем. Потом ещё и на косточках ваших поваляюсь!

Тетки переглянулись, одна из них повела сдобным плечом и ответила:

— Так есть такой обычай. Девки им часто пользуются, чтобы жениха наверняка окрутить. То в трёх соснах заблудится, горемычная, то от бешеного жука-рогача спасения ищет, бедолага. Парни и рады стараться — из беды выручают, а там и честным пирком да за свадебку.

— А вот насчет угрозы твоей, бабушка, — грозно подбоченилась вторая и сделала шаг в мою сторону, — ты еще попробуй найди ту печь, в которую мы с Добронегой поместимся. Сама костей не соберёшь!

Няньки задорно рассмеялись, колыхая своими необъятными телами. Глядя на них, заулыбались и верховые, да и я тоже повеселела. Стыдно стало, что угрозой хотела дело сладить, я и повинилась:

— Простите меня, мамушки, за слова обидные. Видно, солнышко ясное темечко напекло, да и с зори на ногах, да в делах, да в хлопотах. Маковой росинки еще во рту не было.

— Вот это плохо!, — попеняла мне Добронега. — Едой пренебрегать нельзя, есть надо вовремя.

Наш разговор о режиме питания прервал хруст сухих веток малины под ногами Кощея. Он нес на руках, прижимая к груди, босую Афину. «Ой, как похожа картинка!», — подумала я, но воспоминания прервали тетки, налетевшие на царя с голубым

плащом в руках. Две секунды — и закутанную богиню забрали из рук жениха, погрузили в возок и втиснулись туда сами.

— Йи-хо!, — по-пиратски крикнул старший эскорта, подняв коня на дыбы, развернулся на одном месте и скомандовал: — Трогай!

Карета, влекомая парой лошадок, резво обогнула останки бани, и кавалькада направилась в сторону стены, где им должны были открыть потайные ворота.

Царь стоял слегка растерянный, переводя взгляд то на удаляющийся возок, то на меня:

— Что это было?

— Мамки-няньки повезли девицу отмывать, обряжать. Нельзя же царской невесте в таком виде на глаза людям показываться.

— Можно было меня спросить?, — продолжал недоумевать Кощей.

— Ой, и не говори! Это такие тётки…, — начала было я, но, видя, что колдун сейчас рассердится, сменила тон: — Успокойся, сердце моё! Вернут твою Афину часа через три. Пойми, девушке самой неловко в таком виде быть. Ты же её из болота почти вытащил. Отмоют, причешут, и заберёшь в вечное пользование.

Кощей продолжал хмуриться и кривить губы. «Хорош! До чего же хорош, суккубий сын!», — не в силах отвести взгляда от царя, думала я. Но, перекладывая яйцо из уставшей руки, отвлеклась и вспомнила, что, помимо любования Кощеем, ещё дела важные есть.

— Ты поможешь мне с клещами в Заречье справиться?

— Думал над этим, но я не знаю ни одного подходящего заклинания.

— Зато я знаю. Ты только помоги мне усилить вектора направленности. Я уже придумала, как сделать. Полетели в город — покажу.

— Ты в своём уме, Агуня?! Нет у меня желания конфликтовать с Акамиром. Мальчишка гонористый, обидится, что я без предупреждения явлюсь к нему в гости.

— Не обидится, я уже с ним договорилась, — гостеприимно распахивая дверцу ступы, ответила я. — Тесновато будет, но нам только через стену перелететь. Потерпим?

— Давай ты первая, а я следом, на зеркальце, Навью пройду.

— Ты себя после Нави видел? Краше в гроб кладут. Понимаю, что бессмертный, но не настолько же, чтобы добровольно в мёртвое царство идти. Нет уж, заходи, и полетим. Или ты боишься?

— Вот еще! Ты летаешь, а мне чего бояться?, — фыркнул Кощей и начал протискиваться в ступу.

Хорошо, что мы оба не страдали лишним весом и что Добронегу не надо так транспортировать. Втиснулись, потоптались, устраиваясь, и, ухватив пест половчее, я объявила:

— Взлетаю!

Стремительный вертикальный взлет моё тело переносит отлично, а вот внезапные царские объятия на месте предполагаемой талии — плохо. Чуть пестик из рук не выронила какому-нибудь зазевавшемуся горожанину на голову.

— Ты чего?!, — попыталась вырваться из загребущих кощеевых лап.

Но кольцо рук сжималось сильнее. Ой, мамочка, он меня порешить хочет?

«Твой Кощей цвет поменял. Зелёный стал, как огурец. По-моему, он боится, и его укачало, — ментально прокомментировал происходящие за спиной события кот. — Ты давай без фигур высшего пилотажа и приземляйся скорее, а то мне его жалко!»

Куда приземляться? Надо же по месту определиться. Плавно снизилась до минимума, чтобы сориентироваться. Ага, вот двор Комовых. Мальчонка, когда к князю побежал, из ворот направо повернул. Аккуратно направила ступу вдоль улицы и едва сдержала радостный крик, завидя широкое подворье с нарядным теремом и хозяйственными постройками по периметру, ворота которого стерегут воины. Наконец-то прибыли!

Заприметив тихое место в саду около пруда, на самом тихом ходу мягко приземлила ступу. Ни на берегу, ни между деревьев никого не было. Похоже, что засилье зловредных клещей отвадило от прогулок на свежем воздухе обитателей Камары. Но мне это сейчас на руку. Открыла дверцу и попыталась выбраться наружу, но пассажир всё ещё цепко держался за меня, как утопающий за круг спасательный.

— Ну всё, дружочек, прилетели. Можно глаза открывать, меня отпускать, на травку выходить, — тихо, как ребёнка, принялась уговаривать Кощея, пытаясь разжать руки, отгибая по одному пальцу. — Такой большой мальчик, умный, красивый, а на слабо повёлся. Сказал бы, что высоты боишься, придумали бы другой способ транспортировки.

Стараясь заговорить страх царя и вывести его из шокового состояния, бормотала всё, что первое в голову приходило.

— Что такое «способ транспортировки»?, — отпустил меня Кощей. — Это слова заклинания против клещей?

Говорят же, что клин клином вышибают. Удивление на непонятные слова отодвинуло страх и через любопытство вернуло к жизни. Получив свободу, я резво протиснулась наружу и поманила спутника:

— Выходи. Давай расскажу, что делать будем.

Порылась в карманах в поисках припасённых тесёмок, но не нашла ничего. То ли в избушке забыла, то ли выронила где — день суматошный выдался.

— Вот же незадача какая!, — закручинилась я, думая, что из одежды пустить на обереги, когда, слегка пошатываясь, подошёл выбравшийся из ступы Кощей.

«Филипп, ты не прав. Это вовсе не огуречный — это цвет весенней зелени», — поправила я кота в определении тона лица нашего попутчика.

«Разница небольшая!», — отмахнулся фамильяр, устраиваясь для отдыха на бортике летательного аппарата.

— Показывай, что делать, — предложил свою помощь Кощей.

— Отдохни пока, милый. Отдышись. А я придумаю, из чего тесьму для оберегов сделать.

— Много ткани надо?

— Не слишком. Четыре куска, примерно вот такого размера, — я пальцами показала отрезок сантиметров в двадцать.

Царь размотал кушак, подчёркивающий его стройную талию, сшитый из драгоценного шёлка, разорвал по длине надвое, а потом еще и на куски указанной длины поделил.

— Подойдёт?

— Какая красивая вещь была, — пожалела поясок, но лоскуты взяла, разложила перед собой на земле и стала показывать: — Смотри, я в тряпицы вплетаю заклинание. Видишь? Вот это вектора силы. Когда закреплю обереги по углам княжеского терема, их надо будет усилить и увеличить количество направлений. На северном углу добавить северо-запад и северо-восток, на восточном…

— Понял, — перебил меня Кощей. — Ты хочешь сделать круговое расширение заклинания. Интересное решение. Никогда с таким прежде не сталкивался.

— Ну, раз понял, то пошли, — собрала все заговорённые ленточки и хотела было, сдержав стон из-за боли в плохо гнувшемся колене, подняться, когда почувствовала, как сильные руки подхватили под мышки и поставили на ноги. — Благодарю, касатик. Какой же ты заботливый и предусмотрительный. Повезло Афине — счастлива будет в браке жена за таким мужем.

Направилась было к дорожке, ведущей к выходу, но вспомнила об артефакте:

— Яйцо твое где?, — и оглянулась, чтобы увидеть, как Филипп лапкой выкатывал из ступы на траву драгоценный подарок Бабодеды. — Выбросил за ненадобностью, что ли?

— Послужит еще!, — подхватывая одной рукой яйцо, другой

Филиппа, царь галантно пропустил меня вперёд.

Возок с царской невестой уже стоял во дворе, вокруг него суетилась небольшая толпа служанок, когда наш отряд, состоящий из меня, с котом на плечах, и Кощея, поддерживающего меня под локоток, вышел из сада. Здеслав, стоя в тени, наблюдал за разновозрастными девчонками, бегающими с простынями, полотенцами, вениками и корзинками, наполненными баночками с притираниями, отварами, маслами и всем тем, что необходимо для ухода за женской красотой. Всем этим, как опытные дирижёры оркестром, руководили мои знакомые няньки. Завидя нас, воин кому-то призывно махнул рукой и поспешил навстречу.

— Здрав будь, великий царь!, — с достоинством поклонился он Кощею. — Большая честь княжеству принимать тебя в гостях. Пройдите в терем, отдохните, отобедайте…

— Голубчик Здеславушко, мы же не в гости пришли, а делом заняться, — встряла я в разговор. — Помоги нам быстрее закончить, потом и угощений княжеских отведаем все вместе.

— Я-то чем могу помочь?, — удивлённо развёл руками княжий дядька. — В колдовстве не силён.

— Мне тряпицы обережные надо по углам терема закрепить на чём-то. Может, гвоздики вбить?

— Зачем же стены дырявить?! Палаты без одного гвоздя выстроены недаром. Негоже, когда железо в срубе есть. Вот тебе, бабушка, ножичек. Ты свои тряпочки в щель между брёвнами лезвием воткни поглубже, а я накажу своим, никто не тронет.

Ползая на коленях в поисках подходящей щели, я восхищалась мастерством строителей: мало что без единого гвоздя, так еще и без зазоров умудрялись строить практически одним топором. Ура! Вот здесь немного бревно рассохлось — тут и закреплю лоскут, наговоренный со словами заветными. Охая, поднялась и позвала Кощея усиливать заклинание, а сама пошла искать изъян на следующем углу княжеского терема.

Прислонившись к нагретой солнцем стене, ждала, когда мой сподвижник придет замкнуть контур, чтобы со спокойной совестью идти обедать и отдыхать. Но тот задерживался. «Может, пошел Афину навестить? Филенька, сбегай посмотреть, где наш пассажир». Вернулся кот быстро:

«Мне кажется, ему помощь нужна. Опять цвет поменял. Теперь белый, как твоя сорочка, за стену держится и дышит тяжело».

Подхватив юбку, побежала вдоль стены, гадая, что же случилось с нашим товарищем. Удивительно, но именно так я думала о царе. Еще не друг, но уже не просто знакомый. И вот

этот приятель стоял, опершись на стену, с явными признаками магического истощения.

— Ты чего это?, — для проформы спросила страдальца, положив одну ладонь ему на солнечное сплетение, а вторую на сердце.

Открылась, собирая природную силу, и, слегка обогатив её целительскими чарами, принялась осторожно вливать в опустошенный резерв колдуна, ворчливо допрашивая: — Почему яйцо не использовал? Пожалел, что ли?

— Закончилось яйцо, — едва слышно ответил Кощей. — Оно несвежее было, а значит, резерва в нём мало. Да и попользовались мы им хорошо. Ты котика оживляла, я по Нави ходил. Всего-то на два угла хватило. А мой резерв слишком мал оказался для твоей задумки, едва одну тряпочку усилил.

— Ты же самый могучий колдун в Дремлесье!, — продолжая питать его силой, удивлённо воскликнула я.

— Накопителями пользуюсь. Отчего-то мой природный магический резерв не развился и остался на том же уровне, каким был в детстве, — вздохнул рассказчик, одновременно выражая и сожаление, и удовлетворение от насыщения энергией, полученной от меня. — С яйцом просчитался. Думал, что в нем больший запас, — ошибся.

Последнюю фразу он произнёс нормальным голосом вполне довольного жизнью человека, отодвигая мои руки от своей груди. Подумаешь, недотрога какой!

— Ты отдыхай, я сама постараюсь управиться, — предложила напарнику, размышляя о том, под силу ли мне сложное заклинание одновременного усиления и расширения.

— Не обижай, Агуня. Вместе начали, вместе и закончим. Немного осталось. Подпитаешь потом немного?

— Куда ж я денусь?…

В горницу, где за накрытым столом нас ожидал князь, мы вошли, едва передвигая ноги. Кощей из-за упрямства и гордости шёл сам, а я висела на руке Здеслава.

— Помогай, Акамир!, — простонал воин, пытаясь удержать оседающего Кощея.

Опрокинув лавку, запинаясь о ковёр, князь бросился к нам навстречу:

— Что делать, бабушка?, — на ходу спрашивал он.

— Пить дайте, — прохрипела я, понимая, что, пока не восстановлюсь, подмога царю из меня никакая, а глядя, как племянник с дядюшкой хотят влить квас в моего напарника, рыкнула: — Мне дайте, бестолковые!

Каждый глоток ядрёного напитка добавлял силы, и скоро я

вернулась к жизни настолько, что подсела к Кощею. Привычно положила руки на стратегические места широкой груди, глубоко вздохнула, расслабляясь, и прикрыла глаза.

— Что же вы такое колдовали, что так вымотались?, — полюбопытствовал Здеслав, внимательно рассматривая наши измождённые лица.

— Клещей в княжестве больше не будет. Терем попутно от тараканов, блох, комаров, мух и клопов заговорили, — не поворачиваясь, ответила я, реанимируя царя.

— Великое дело сделали, — обрадовался Акамир. — Сердечно благодарен вам, люди добрые!

— Прими в качестве выкупа за невесту мою, — открыл глаза Кощей. — Беру жену из твоей земли, будем считать, что Заречного княжества девица.

— Вот и славно! Будете семьями дружить, — констатировала я, отодвигаясь от правителей и перебираясь к щедро накрытому столу. Потому как права Добронега — едой пренебрегать нельзя. Пусть горячее стало едва теплым, моё голодное тело радо было и сухой корочке хлеба.

За обедом мужчины решали государственные вопросы, заверяя друг друга в вечной дружбе и миролюбии. Акамир, узнав, что сам Кощей перебраться через реку не может, вызвался проводить его с наречённой на своей лодье. Когда же царь начал отнекиваться и говорить о том, что не стоит себя так утруждать, князь самолично побежал организовывать путешествие царственного брата и соседа.

— Мальчишка, — вздохнул Здеслав на суетливость племянника, извинился и вышел следом.

Объевшийся Филипп, которому каждый посчитал своим долгом выделить самый лакомый кусочек рыбки, курочки, барашка, отпросился пройтись, чтобы освежиться и облегчиться. Оставшись наедине, выкладывая ногтем на льняной скатерти узор из крошек, краем глаза наблюдала за приятелем. Вот отставил кубок, из которого за время обеда ни разу не отпил, а только поднимал, когда здравицы говорились. Вот пригладил и без того безупречные усики и бородку, посмотрел в открытое окно, поправил рукав кафтана и спросил:

— Готова третье моё желание исполнить?

— Сейчас?, — удивилась неожиданному вопросу. Не то чтобы забыла об уговоре, но в глубине души надеялась, что простит мне третий пункт, за заслуги и в честь установления товарищеских отношений.

— Ну а что тянуть? Давай сейчас.

— Куда сбегать? Что принести?, — ехидно

продемонстрировала готовность отработать вину нечаянную.

Кощей пересел на лавку рядом со мной, посмотрел в глаза и сказал таким голосом, что у меня по всему телу чешуйки дыбом встали:

— Никуда идти не надо. Всё здесь, — в его потемневших глазах вспыхивали искры, от которых я не могла отвести взгляд. — Моё третье желание — твой поцелуй.

Сердце заметалось в груди испуганной птичкой: «Вот так он выпивал ведуний и волхвов!» Но уже никакой страх не мог меня заставить отодвинуться. Искры в зрачках превратились в языки пламени, в котором моё тело начало плавиться. Его чувственные полные губы, осторожно дотронувшиеся до моих сухих и узких, обожгли прикосновением. Сознанием хотелось оттолкнуть, вырваться, убежать, но тело тянулось к этому жару, заставляющему корчиться от знакомой нестерпимой боли. Боли трансформации.

Глава 14.

«Интересно, существа, имеющие две ипостаси, каждый раз испытывают такие мучения, меняя облик?», — первое, что я подумала, когда поняла, что моё тело вновь меняется, согласно капризу Вселенной. Но уже через секунду было не до размышлений и вопросов. Страшнее всего было то, что я знала, какие жуткие ощущения мне предстоит пережить в течение ближайшего времени. Легла на бок, подтянула ноги к животу, накрыла голову руками, выставив вперед острые худые локти, желая отгородиться от света, режущего глаза, и от цвета пламени Преисподней, которое прожигало мою драконью кожу адским огнём, и заскулила в ожидании неизбежного. То ли изменения были не такие глубокие, как прежде, и их было немного, то ли начала вырабатываться привычка, но я даже не полностью потеряла сознание. Балансировала на грани, но держалась, боясь потерять лицо в присутствии Кощея, который ни на секунду не отходил от меня. Голова вибрировала от оглушающе тикающих часов, отчитывающих столетия моей очередной нескончаемой пытки, и я, как ни напрягалась, не могла понять, что шепчет мне царь. Когда же показалось, что больше не выдержу и сейчас сорвусь на визг или вой, маятник, бивший в висок, замедлил ход и вскоре остановился совсем. Следом утихла боль в суставах, перестала гореть и зудеть кожа, и глаза больше не слезились от предзакатного солнца, светившего в раскрытое окно, которое во время приступа я приняла за отблески адского пламени. Глубоко и размеренно дыша, я лежала на спине, наслаждаясь покоем и ощущением легкости во всем теле.

«На спине?!», — от этой мысли я чуть было не подпрыгнула. Резво спустила ноги и села на лавке. Но от торопливости голова закружилась, и пришлось, прикрыв глаза, прижаться спиной к стене. «Спиной!!!», — забытые ощущения опять вызвали недоумение. Горб из рудиментных драконьих крыльев давно уже не позволял мне нормально чувствовать спину. Значит… Не открывая глаз, я попыталась рукой достать горб.

— Его там нет, — услышала взволнованный голос Кощея и открыла глаза.

Самый могущественный и страшный царь Дремлесья сидел на полу посреди горницы и с крайне удивлённым видом рассматривал меня. В ответ я таращилась на него правым глазом, потому что левый застилала мутная пелена, которая оказалась частью морока, наведённого Инком на мое ящероподобное лицо

перед командировкой. Смахнув иллюзию, прилипшую к пряди волос, я задержала ладонь на уровне глаз, а потом и вторую руку подняла. Пальцы со светлой кожей и нормальными ногтями, а не лапы чудовища с темными когтями, которыми они были последние полгода. Не обращая внимания на мужчину, вытянула ноги и приподняла юбку. Ножки мои любимые, вы вернулись ко мне. Согнула колени — не болят! Затаив дыхание, принялась ощупывать лицо. Нос, брови, нежная кожа… Мне срочно нужно зеркало! Похлопала по карманам в поисках переговорного устройства напарника, в поверхность которого можно смотреться.

— Не думал, что моё вмешательство так сильно изменит тебя, — присел рядом немного отошедший от шока Кощей.

— Как ты это сделал?, — рассматривая и вспоминая себя прежнюю, спросила я у колдуна.

Если честно, то мне было всё равно как, ведь главное — результат, а он на лице и на теле. Но для порядка спросить следует.

— Когда я понял, что мой резерв не растёт вместе со мной, я стал искать способы увеличить его принудительно, — начал рассказ Кощей.

— Выпивал ведьм и волхвов…, — перебила я без прежнего страха и переживаний за погибших.

— Ну, было пару раз, но, когда я понял, что это не работает, продолжать не стал, — спокойно признался рассказчик и продолжил: — Прочитал все, что смог найти о сути магического резерва мага. Выполнял все рекомендации: медитировал, выполнял упражнения по раскачке силы, но ничего не помогало. Зато я научился пользоваться накопителями, правда их было мало и мощности не хватало, чтобы сделать что-то грандиозное. Например, зная теорию, как проходить Навью большие расстояния за несколько минут, не мог этого сделать из-за отсутствия силы. Организовал сеть по сбору и распространению информации в Дремлесье, чтобы все думали, что я самый могучий колдун. На самом деле всё было не так. Однажды во время медитации вспомнилось, как отец вслух читал недавно купленный свиток о магических резервах у разных существ. Тогда я впервые услышал о драконах и их бесконечной магии. Прочитав текст до конца, отец бросил его на полку, где валялись сотни таких же бесполезных, с его точки зрения, пергаментов. В прожитых событиях этот случай забылся, но, когда драконы всплыли в моём сознании, я понял, что только их сила может мне помочь. Но в Дремлесье эти существа не водились. Поэтому, просканировав тебя при первой встрече… Ты знаешь, что в твоей ауре ярко светится… кхм… светился золотой ореол, что чётко

указывало о принадлежности к драконьему роду?

— Значит, уже не светится, — спокойно констатировала я и спросила: — Тебе это помогло?

— Еще не знаю. Правда, не хотел тебе навредить. Думал только пару глотков сделать, на пробу, а ты выплеснулась, да так, что меня отбросило. А потом начала меняться. Видел, как тебе плохо, и даже постарался немного облегчить страдания, снимая боль, — сказав это, Кощей прислушался к себе. — Знаешь, мой резерв полный несмотря на то, что силу потратил.

— Вот и хорошо, — встала, оправила одежду и волосы, подобрала с лавки маскировочную шапочку с седым париком и бросила за ненадобностью в печь. — Тогда я пойду, пожалуй.

Но тут в коридоре раздался топот ног, женские голоса, смех, и через несколько секунд в дверь горницы втиснулась Добронега. Следом за руку она ввела женщину, покрытую плотной вуалью с макушки до середины бёдер, так, что даже кончиков пальцев на руках видно не было. За их спинами толпились, вытягивая шеи, чтобы лучше рассмотреть происходящее внутри, какие-то тётки и девицы.

— Удалой купец, гость гараловский, ой, скажи ты нам, с чем пожаловал?, — нараспев спросила Кощея нянька, заводя игру сватовства.

Кажется, «удалой купец» не был готов к такому обороту событий. Чтобы скрыть растерянность, он хмурил брови и поглаживал бородку. Я тоже не знала, что делать. Была бы в облике бабушки Агуни, могла бы помочь, как-то пошутить, чтобы разрядить обстановку. Но кто будет слушать никому не известную девчонку? И так косятся с любопытством: кто такая, почему с царём наедине в горнице была?

— Бабоньки, что же вы на жениха толпой навалились?, — аккуратно, но решительно расталкивая плечом свиту Афины, в горницу пробирался Здеслав.

За ним, как судно за ледоколом, следовал Акамир. Облегчённо вздохнув — теперь-то все будет как надо, — я посильнее вжалась в угол между стеной и печью, чтобы быть незаметнее. Хорошо бы мышкой обернуться и вдоль плинтуса сбежать во двор, но, во-первых, нет у меня такого дара, во-вторых, одна мысль о трансформации в дрожь бросает.

— Уважаемая тетушка Добронега, желает наш добрый молодец, удалой боец, фартовый купец Кощей свет… э-э-э…

Он повернулся к жениху и громким шёпотом спросил: — Батюшку как звали?

— Гассан.

— …Кощей свет Гассанович взять за себя красу-девицу…, —

сват опять замялся.

Пришлось, пренебрегая маскировкой, подсказывать:

— Афина Зевсовна.

Здеслав крякнул, но повторил правильно:

— …Афину свет Зевсовну, чтобы как лебедь с лебёдушкой проплыть по жизни, крыло в крыле… э-э-э… то есть рука в руке, — и вдруг шагнул вперёд, топнул ногой и гаркнул: — Отдайте девицу!

Тетки притворно взвизгнули, но не дрогнули, а плотнее сплотили ряд, отгораживая невесту.

— Да кто такой этот ваш Кощей, пусть и Гассанович, чтобы ему горлинку нашу отдать? Может, он калика перехожий без двора, без угла, ходит с братиной песни спевает.

— Кто? Я?!, — обиженно вскинулся царь.

Акамир подергал его за рукав, наклонился к уху и что-то зашептал. Жених недоверчиво посмотрел на информатора, а тот в подтверждение своих слов энергично закивал головой. Жертва сватовства пожала плечами, вздохнула и всем видом стала демонстрировать окружающим, что страдает невинно.

Тем временем сват соловьем заливался, расписывая достоинства и богатства Кощея Гассановича. Хоть и говорят, что «люди хвастают — не перелезешь; сват схвастает — на коне не перескочишь», но на сей раз жениха перехвалить было трудно. Уж на что нянька цеплялась к каждому слову, и то согласилась:

— Хороший жених. Была бы моложе, сама за такого пошла!

Кощей невольно сделал оберегающий знак, а все присутствующие грохнули — кто откровенно смехом, кто, прикрывшись ладошкой, фырканьем или хихиканьем.

— Наш купец удалец, да хорош ли товар предлагаемый?, — перехватил инициативу Здеслав. — Тряпицей завесили, сбыть небось надумали!

Теперь не выдержала Афина. Сделала решительный шаг вперёд, одновременно отбрасывая с лица вуаль. Сват даже закашлялся, устыдившись своих слов. Серые очи светились божественным огнём, белокурые локоны умелые служанки заплели в косу и уложили на голове высокой короной. Плотная сорочка, подхваченная кушаком, перекрещенным несколько раз на стройном стане на манер греческой туники, выгодно подчёркивала высокую грудь и округлость бедер.

— Хороша ли я?, — прямо спросила богиня, адресуя свой вопрос всем присутствующим, и, не дожидаясь ответа, продолжила: — Кощей, ты достоин взять меня в жёны. Зовите жреца!

Добронега, всплеснув руками, опустилась на лавку:

— Да где же это видано, чтобы девица сама волхва звала?! Куда мир катится?! Как жить, люди добрые?!

Но никто не слушал её причитания о сорванном сватовстве. Свита невесты со скоростью ветра побежала по городу разносить изумительные вести. Здеслав тоже ушел. Наверное, за волхвом. Акамир присел к столу, искоса поглядывая на жениха с невестой, оставшихся стоять посередь горницы и тихо о чём-то переговаривающихся. Под шумок и я решила проскользнуть вдоль стены и, отыскав Филиппа, удрать к ступе. Но Афина обратилась ко мне, разрушив план моего побега.

— Агуня, вернувшая облик девицы прекрасной, спасибо!

Жизнь мне спасла ты в Дремлесье уж дважды. Награды

Достойна богатой за это. Спрошу я у мужа подарок.

— Афина Паллада, прекрасная дева Эллады, лучшим подарком для меня будет ваше семейное счастье с Кощеем. Деток здоровых и взаимной любви вам обоим, — ответила я, потихоньку продвигаясь к выходу.

— Агуня?!, — вскочил князь, подбежал, схватил за руку, потащил к окну, за которым разливались сумерки, чтобы рассмотреть получше. — Она же бабка страшная, а ты девица пригожая. Как же так?

— Проклятье на мне было с условием. Как помогу девице встретить суженого, так спадёт оно с меня. Познакомила Афину с Кощеем и освободилась. Спроси у царя, он видел.

Лжесвидетель с готовностью кивнул:

— Сам видел, как проклятие исчезло!

— Как же ты, такая юная, мне советы мудрые давала? Откуда знаешь столько?, — всё еще пребывал в шоке Акамир.

— Читаю много, и память у меня хорошая, — ответила князю, пропустив первую часть любимой фразы.

Прибежал запыхавшийся мальчишка от Здеслава:

— Волхв готов соединить новобрачных!

Все потянулись на выход. Первой, пыхтя и отдуваясь, в узкие двери протиснулась успокоившаяся сваха, которая не могла пропустить такое важное событие. Кощей переступил порог и подал руку Афине. Последним вышел князь. Оставшись одна в полумраке горницы, присела на минутку на лавку, прокручивая события последнего часа. Главное, вернулось моё прежнее тело, но, кажется, суть драконью, которую в меня влил Рактий, спасая от смерти, Кощей забрал. Прислушалась к себе, стараясь понять, что изменилось. Щелкнула пальцами, зажигая светлец. Получилось. Шар завис под потолком, и от открытого окна к нему устремился ночной мотылёк.

— Упс! Мотыльков и бабочек в заговор включить забыла.

— Долго так сидеть будешь?, — боднул меня в плечо Филипп, незаметно вытекший из сумрака.

— Нагулялся, котенька?, — погладила фамильяра по спинке, попутно почесав за ушком.

— Давно уже, но зайти не мог. Что за шум тут был?, — с удовольствием подставляя под ласку голову, спросил кот.

— Кощея с Афиной сватали, потом женить повели. Пойдём и мы, а то загостились.

Зверёк согласно кивнул, сгруппировался для прыжка, чтобы занять привычное место, но растерянно замер. Разглядывая мою спину, даже привстал на задних лапках. Потом огорчённо протянул:

— Где горб?!, — я пожала плечами, но кот продолжил засыпать вопросами: — Зачем изменилась?! Как я теперь буду сидеть на твоей спине?!

— Эх ты, эгоист!, — со вздохом взяла питомца на руки. — Думаешь только о своем удобстве. Порадовался бы, что я стала прежней. Молодой и симпатичной.

Кот обиженно молчал и даже не выворачивался, когда я посильнее притиснула к себе теплую пушистую тушку. Стараясь не выходить из тени стен и деревьев, пробралась в сад, где среди кустов стояла в ожидании полётов наша ступа.

— Тебя Трофим домой не пустит, — наконец-то нарушил молчание Филька.

— Почему это?

— Не узнает.

— Сначала надо Градислава навестить, потом уже будем решать вопрос с домовым, — проскальзывая в ступу и примериваясь к весу пестика, ответила котику.

— Всё бегаешь, суетишься… Зачем? Кто они тебе, что ты так переживаешь?, — ревниво ворчал кот и потёрся о ноги.

— Люди. Они люди, Филипп, — ответила я, потом вспомнила нежных чоттов, благодарную Рябокуру, океанскую нечисть, улыбнулась и поправилась: — Или те, кто демонстрирует человеческую доброту и принятие окружающего мира.

В девичьем теле ступой стало управлять труднее, и то, что лететь недалеко, радовало. Светлая ночь наступающего лета давала возможность не плутая приземлиться у крыльца временных покоев боярина Комова.

— Отец заждался тебя, бабушка!, — сбежал по ступеням лохматый Борил. — Говорит, что устал лежать и хочет…

Тут он рассмотрел, что из ступы выходит не кособокая хромая бабка, а девица статная. Запустил пятерню в без того разлохмаченную шевелюру на затылке, почесал и выдохнул:

— Ты кто?

— Я бабушки Агуни внучка и ученица, — выдала приготовленный заранее ответ. — Она на свадьбе занята, вот меня и послала проведать боярина.

— Что-то я тебя раньше не видал, — продолжал допрос юноша, заступив дорогу в терем.

— Так и я тебя не видала, только знаю, что ты Борил, сын Комов, — продолжила, посмеиваясь. — Бабуля так и сказала: «Как увидишь самого лохматого, тот и есть Борил».

Парень смутился, видно часто получает нагоняй за то, что не дружит с расчёской. Пользуясь его замешательством, я проскользнула в тёмный зев коридора и, пробежав легко на цыпочках к покоям, где оставила Градислава, заглянула в дверной проём. Мужчина стоял у окна и с видимым удовольствием вдыхал ночной прохладный воздух.

— Полегчало?, — тихо, чтобы не напугать, спросила боярина.

— Полегчало, — так же тихо, со вздохом облегчения ответил тот.

— Бабушка Агуня занята сейчас. Меня прислала, чтобы я посмотрела твою голову.

— Смотри, — Комов осторожно сел на лавку, было видно, как он прислушивается к себе, боясь возврата боли. — Встал без разрешения, не мог больше лежать.

— Ну, не на горох же тебя за это в угол ставить, — отрывая новую нить от того же клубка и доставая припрятанный уголёк, отмахнулась от признания. — Посиди спокойно.

Завязала, отметила, сняла, измерила. Покрутила в руках пряжу, раздумывая, как поступить. Надо бы еще раз поправить голову, но захочет ли боярин ещё лежать? Может, вернуться через пару дней и закончить дело? А будет ли у меня на это время? Да и куда опять бабка Агуня исчезнет?

— Что молчишь, бабушкина внучка? Жить-то буду?

— Будешь еще у внуков-княжичей на свадьбе гулять, — сматывая пряжу в маленький клубочек и пряча её в карман, предсказала я Градиславу будущее. — Если покажешь терпение и полежишь до утра после того, как я закончу лечение. Завтра поутру можешь встать и жить как прежде. Только береги голову от солнца жаркого, не пей хмельного допьяна и не перетруждай себя трудом тяжким.

— Постой, девица, — отвел мои руки боярин. — Какие внуки-княжичи? Что ты такое придумала?

— Ничего не придумала. Если не завтра, то послезавтра обязательно Акамир к тебе сватов пришлёт. Вскорости, как положено, дедом станешь.

— Не отдам дочь за князя!, — насупился Градислав.

До чего же они здесь упёртые! Всё растолкуй да объясни, словно сами дальше носа не видят. Говорят же, что гордыня — самый страшный грех. Присела рядом на лавку и не глядя на собеседника спросила:

— Ты, боярин, когда ратовал князем стать, для себя старался или для внуков будущих?

— Для детей и внуков, конечно!, — с толикой обиды в голосе ответил мужчина.

— Дети твоей дочери — тебе внуки?, — я терпеливо выстраивала логическую цепочку.

— Да, но они не будут Комовы!

— Кровь твоя в них будет. Не отдашь дочь за князя, Акамир всё равно женится, но на другой, хоть и любит Велизару, а она его. И тогда кто-то другой назовёт детей князя своими внуками. Ты же останешься со своей непомерной гордыней и несчастной дочерью, — закончив свою пламенную речь, встала. — Ладно, давай лечиться, а то мне домой пора.

Боярин заговорил, только когда я, аккуратно уложив его на ложе, попрощалась и пошла к двери.

— Они правда любят друг друга?

— Да.

— Пусть князь сватается.

— Это не мне решать, — усмехнулась в темноту. — Сам намекни Здеславу, а то они переживают, что ты сватов завернёшь.

На крыльце маялся Борил. Парень не то причесался, не то пятернёй пригладил волосы, но они больше не топорщились как солома.

— Сторожишь?, — спросила, проходя мимо.

— Тебя жду.

— Зачем?, — прикрывая зевоту ладошкой, спросила я.

— Приглянулась ты мне. Пойдём погуляем?, — ухажёр протянул руку в надежде обнять меня за талию.

— Смелый ты, дружочек, — вывернулась из дерзких объятий.

— Чего мне бояться?, — опять сделал шаг ко мне настырный юноша.

— Забыл, кто моя бабка?, — сделала попытку проскользнуть мимо агрессора.

— Ой, да что ты можешь?, — самоуверенно фыркнул боярский сын. — Молодая ещё.

— Выбирай, — остановилась я.

— Что выбирать?, — опешил Борил.

— В кого тебя превратить за наглость? Ты прав, немного пока могу. Всего лишь превратить в таракана, или в жабу, или в крысу.

Правда, путаюсь иногда. Недавно получилась зелёная крыса без шерсти, зато с длиннющими усами. Бабушка два дня ругала за нерадивость!

Говорила я уверенно, даже немного равнодушно, и это произвело впечатление. Парень перестал теснить меня в угол между перилами и стеной терема, хмыкнул, почесал в затылке, вновь разлохматив волосы до прежнего состояния.

— Врёшь небось, — высказал сомнение в моих словах.

— Можешь проверить, — предложила я, пошевелив пальцами, изображая усы насекомого.

— Не очень-то хотелось!, — окончательно определился Борил и ушел в темноту коридора.

Облегчённо выдохнув, порадовалась, что обошлось без скандала, и поспешила в ступу, где ожидал меня Филипп. Резко взлетела к звёздному небу, прощаясь с Камарой, и взяла курс в сторону дома.

Глава 15.

— Может, водой побрызгать?

— Зачем?

— Так людей в сознание приводят.

— Не надо. Пусть спит.

— Вторые сутки?!

«Кто там у них вторые сутки спит, что водой брызгать собираются?», — подумала, просыпаясь и с наслаждением потягиваясь под лоскутным одеялом. Какое счастье вернуться в нормальное тело! Какая разница, с какой целью Кощей выпил мою искорёженную внутренним жаром драконью сущность, главное — результат. Даже волосы, выбившиеся из косы и падающие на лицо, не раздражали как прежде.

— Трофим, родненький, с голоду помираю!, — с этими словами отбросила с себя остатки сна и спустила ноги на пол.

Оказалось, что спала я одетая. В юбке, в душегрейке, в шерстяных полосатых чулках… С чего бы это? Стала вспоминать, как добирались до дому, но припомнилась только ломота в плечах и дрожь в уставших от пестика пальцах. Не помнила, даже как в избу вошла. Вот это полетала! Но неприятные воспоминания не могли испортить прекрасного настроения.

— Выспалась?, — перепрыгнул с лавки на лежанку кот.

— Да, лапушка, от души. Ночь пролетела как мгновенье!, — от избытка эмоций шаловливо повалила зверушку на бок и почесала пушистое брюшко.

— Не люблю, знаешь ведь, — заворчал фамильяр, отодвигаясь от меня.

— Хозяюшка, ты две ночи и день проспала, — информировал домовой, любящий точность.

— Сколько?!

— Ты же слышала, чего орёшь?, — ответил Филипп, приглаживая языком шёрстку.

«Может так оно и лучше, — размышляла, собираясь в душевую каморку за печкой. — Все системы организма адаптировались к изменениям тела, психика тоже отдохнула после встряски, и мне проще будет начать новую жизнь».

Драконья кожа не давала в полной мере ощутить приятные прикосновения водяных струй, нюансы разницы температур и нежность махрового халата. Мне казалось, что я заново родилась, переживая забытые тактильные впечатления простых удовольствий. Чтобы не мучиться с волосами, наложила на них

заклинание Ресты и к столу вышла почти счастливая. Только очень голодная.

— Будь здрава, Агуня, — поднялся с лавки Кощей.

Хотела было почесать затылок, чтобы найти ответы на несколько вопросов, но, вспомнив, что полы халата лучше придерживать обеими руками, раздумала.

— И тебе не хворать, Кощей Гассанович, — подхватив забытый пояс и потуже завязывая его на талии, вежливо ответила незваному гостю. — Отобедаешь со мной?

— Благодарю, но обещал жене не задерживаться.

— Трофимушка, свари нам кофе, родной.

Молча присели к столу и так же молча ждали, когда проворный домашний дух выставит на стол мёд, варенье, блюдо со свежеиспечёнными ватрушками и принесёт джезву, увенчанную шапкой коричневой пены.

— У тебя хороший кофе, — нарушил молчание царь, пригубив ароматный напиток.

— Ты как меня нашёл?, — напрямую спросила, отбросив надоевшую церемонность.

— По зеркальцу.

Дотянулась до лежавшей тут же на лавке душегрейки, достала из кармана колдовской навигатор и подвинула к гостю:

— Забирай!

— Оставь себе. Вдруг помощь моя понадобится.

— Чтобы ты, ориентируясь на него, шастал сюда когда захочешь? Нет уж! Забирай!

— Мы с Афиной беспокоились о тебе! Несколько раз стучал по стеклу, но ты не отзывалась. Пришлось вот так… без приглашения прийти.

Кивнув головой в знак примирения, полюбопытствовала:

— Угодила супружницей?

Видя, как засияли глаза гостя, а губы растянулись в довольной улыбке, искренне обрадовалась за товарища и не ждала уже никаких слов. Но Кощей встал, достал неведомо откуда резной ларец, украшенный перламутровыми листочками, и, склонив голову, протянул мне:

— Прими от нас женой в знак признательности и на память долгую.

Ларец тяжёленький. На вытянутых руках долго не удержишь, поэтом сразу на стол поставила. Материализовавшийся рядом кот боднул головой:

— Открывай! Дай посмотреть, что там.

Трофим, скромно сидевший на моей лежанке, тоже с любопытством тянул шею и косил глазом, нетерпеливо

постукивая пятками по печному боку. Покатая крышка открылась с приятным перезвоном встроенного механизма, и я забыла, как дышать. Абсолютно равнодушная к золоту и бриллиантам, в прежней жизни я маниакально любила крупные украшения с полудрагоценными и поделочными камнями, оправленными в серебро. Перстни, прикрывающие фалангу пальца, серьги длиной от мочки до ключицы — вот моя болезнь и страсть. Шкатулки, коробки и футлярчики были наполнены аметистами, белым янтарём, опалами, розовым кварцем, агатами, турмалином, малахитом и лабрадорами. Что-то носила часто, что-то изредка, но обладание «сокровищницей» радовало. После попадания в Иномирье мне некогда было вспоминать или грустить об оставленных в другой жизни украшениях. «Потеряв голову, о волосах не плачут». Но сейчас в этой шкатулке были все мои «цацки».

— Как?!, — только и смогла выдохнуть я.

— Похоже, когда я получал твою энергию, то ненароком зацепил некоторые воспоминания…, — увидев, как я нахмурилась, Кощей приподнял руки открытыми ладонями к груди и, глядя прямо в глаза, заявил: — Клянусь, что никогда и никому не скажу о том, что увидел и узнал. Хотя там и не было ничего такого… Отчётливо только украшения видел. Их и заказал ювелирам своим. Некоторые пришлось повторно делать. Афине понравились аметисты, янтарь и турмалины.

Отойдя от шока, встала с лавки и чинно поклонилась:

— Принимаю с благодарностью. Угодили — от души говорю, — потом, вспомнив о втором яйце, добавила: — У меня для тебя тоже подарок есть. Свадебный.

На яйцо Кощей смотрел равнодушно. Даже обидно стало. Можно сказать, от сердца оторвала, а он даже бровью не повёл, суккубий сын!

— Не нравится подарок?

— Без надобности он мне. Оставь себе, вдруг пригодится. Ты мне помогла резерв магический расширить, и я теперь действительно могучий колдун. Знаний всегда было много, а теперь и сила есть.

— Лишь бы ума хватило всем этим правильно распорядиться, — забирая непринятый подарок со стола, проворчала в ответ.

— Не сердись, Агуня!, — поднялся Кощей. — Ты мне сделала подарок намного ценнее. Было пророчество, что, если в течение года моя магия не войдет в полную силу, я так и останусь недоколдуном.

— Об этом тебе Рябокура напомнила в моём сне?

— Да. Удивительное существо: несёт яйца, наполненные

силой, может предсказать будущее, явившись во сне. Жаль, что живёт далеко. Было бы интересно познакомиться.

— Что мешает? Ты теперь Навью ходить можешь беспрепятственно.

— А ориентироваться на что?

— Трофим, далеко ли ты тесёмки прибрал?

Домовой, как фокусник, достал из кулака несколько разноцветных витых шнурочков, которые я забыла, торопясь спасать Афину. Выбрала один и протянула царю:

— Точно такой же, с таким же наговором, привязан у порога пещеры Дедобаба. Подойдёт?

Пестрые кусочки шерстяных ниток, переплетённых между собой умелыми лапками домового, обрадовали гостя больше, чем драгоценный артефакт.

— Вот это ты меня одарила, ведьмочка!, — он крепко зажал в кулаке подарок и потянулся губами к моему лицу.

Шустро отскочила подальше и руки вперёд выставила:

— Нет уж, дорогой друг! Давай обойдёмся без поцелуев. Я безмерно благодарна тебе за то, что стала прежней, но давай больше не будем экспериментировать!

— Что не будем? Экспри… экмити… Не понял, что ты сказала, — растерянно и немного виновато смотрел на меня Кощей.

Опять мой безудержный язык выдал слово, не соответствующее эпохе.

— Забудь! Это я от страха мелю незнамо что, — попыталась я сгладить неловкость.

— Ты часто говоришь непонятные слова. Это язык драконов?, — не хотел «забывать» мой промах собеседник.

«Это язык безмозглых болтушек, проваленных явок и рассекреченных шпионов!», — прозвучал в сознании упрёк фамильяра.

— Драконьего языка не знаю. То, что ты выпил, мне давала капля крови, которую знакомый влил в рану, спасая от смерти, — ответила на вопрос абсолютно правдиво, невольно прикрыв ладонью место на груди, куда вонзился кинжал. — Больше мне сказать нечего. Разве что попрощаться.

Кощей понимающе кивнул, что-то прошептал, подтвердив жестом, и шагнул в полосу серого тумана, от которой несло холодом и печалью. Ещё миг — и нет уже ни царя, ни прохода, в который тот ушёл.

— Вот же бестолковый!, — заохал Трофим. — Нельзя в дом Навь пускать. Чистить теперь избу надо.

— Может, сначала меня покормить?, — взмолилась я.

Бедный домовой не знал, куда бежать и что делать. Пожалев старика, взяла несколько ватрушек со стола, сложила в холстинку чистую, завязала узелком, положила в корзину и пошла к выходу.

— На свежем воздухе поем.

— В кладовке простокваша в крынке и мёд в мисочке, — виновато, но непреклонно выпроваживая нас с котом из горницы, посоветовал расширить меню домовой.

Бросив на травку половик, прихваченный из сеней, устроили пикник у ограды. Кот с удовольствием жевал ватрушку, не обращая внимания на птичек, время от времени присаживающихся на колья.

— Ты уже подумала, как дальше жить будем?, — прожевав очередной кусок и вожделенно поглядывая на последнюю вкусняшку, оставшуюся на салфетке, озвучил он вопрос, который мне и так мешал наслаждаться едой.

— Согласно обстоятельствам, — разломив печево, половину протянула коту. — Хочу рапорт об отставке написать. С дедом надо объясниться. Правда, не знаю, дед ли он мне теперь или…, — подняла лицо к небу, рассматривая розовеющие на закате облачка и удерживая слёзы сожаления.

Единственное, о чем сокрушалась, выплеснув искорёженную драконью суть, это о родстве с Тесшасом вар Фламери.

— Хозяюшка, готово всё, и ящик иззвенелся весь, — помахал нам с крыльца Трофим.

Действительно, минипорт призывно сигналил, требуя забрать почту, скопившуюся за несколько дней. Пачка свитков, пакеты и конверты уже с трудом помещались под крышкой. Перегрузив корреспонденцию на стол, стала вскрывать письма.

«Сим уведомляю, что по личному распоряжению лэра Керепа дель Риби наблюдателю Агапи вар Фламери предоставляется бессрочный отпуск по семейным обстоятельствам. Сдать пост надлежит согласно пункту инструкции. Смена прибудет в течение ближайших суток. Старший чин отдела наблюдателей…» Далее следовала размашистая заковыристая подпись.

«Девочка моя! Не дождавшись ответа, я решил действовать сам. Потребовал у старого друга, а ныне начальника стражи, чтобы немедленно отпустил тебя в отпуск. До свадьбы Рактия не так много времени, чтобы успеть подготовиться. Ты должна выглядеть достойно, как член клана и моя внучка. Не задерживайся. Любящий тебя Тесшас вар Фламери».

В трех разноцветных пакетах были предложения от модных портных Драконниды с образцами ткани и эскизами моделей. Как только узнали адрес перспективной клиентки, проныры? Небось Оллия постаралась. Переживает «матушка», что испорчу

торжество, явившись в драных джинсах? Отложила рекламу в сторону — не до них пока. Свитки были пронумерованы и оказались отчётными ведомостями, по которым мне предстоит передавать имущество. Бюрократы, как тараканы, живут везде и всегда. Уверена, что если при сверке не хватит деревянной ложки или глиняной миски, то их стоимость вычтут из моего жалования.

— Вот такая почта, — констатировала я, закончив чтение. — Всё за нас с тобой, котенька, решили. Пора собираться в путь.

Меня прервали тихие всхлипывания, доносящиеся из кухонного закутка за занавеской.

— Трофимушка, родной мой, — присела около заплаканного домового. — Ну что ты?

— Уйдёте, как я здесь один буду?, — сморкаясь в тряпицу, вздохнул домовой.

— Почему один? Ты же слышал, что нам смену пришлют. Познакомлю вас, подружитесь. Может, еще лучше будет, чем прежде.

— Не грусти, — боднул головой в плечо друга Филипп. — Ты теперь грамотный, а мы книжки тебе оставим и ещё передадим. Будешь читать и узнавать новое.

— Хотите пирог со щавелем? Утром леший принёс охапку свежего, — спросил смутившийся от внимания Трофим и прогнал нас в горницу.

Выкладывая из сундука на стол то, что я хотела забрать с собой, удивлялась, что за столь малый срок обросла таким количеством имущества. Первыми, чтобы не забыть в спешке, достала кристаллы Амбросия. Их оставалось еще немало, и пора вернуть хозяину эти несметные сокровища. Яйцо Рябокуры завернула в цветастый платок с кистями, что подарил Здеслав. Со дна сундука вынула свои рисунки и эскизы, краски, кисти, карандаши, оставшуюся бумагу, альбомы и блокноты, мольберт. Кофейная чашка из подарочного набора, полюбившаяся мне. Ларец Кощея… Гора росла пропорционально моему недоумению.

— Как я всё это потащу?!

— Ты ещё меня не посчитала, — ехидно отозвался с лежанки фамильяр.

— Даже не думай! Пешком пойдёшь, — не менее зловредно ответила я.

— Хозяюшка, позволь подарок тебе сделаю? На память, — подергал за юбку домовой.

— Трофим, миленький, да куда ещё-то? Не знаю, как это уместить!

— Не торопись отказываться, — старичок из-за спины достал небольшую пёструю сумку из домотканого холста, украшенную

вышивкой, тесьмой, пуговицами из дерева, рога и металла. — Вот возьми.

Торбочка мне понравилась с первого взгляда. Длинная ручка позволяла носить через плечо, оставляя свободными руки. Этностиль аксессуара хорошо сочетался с любимыми джинсами и кроссовками. Да и энергия доброго посыла домашнего духа не помешает в моей беспокойной жизни. Приняла с поклоном:

— Благодарю, дедушка! Буду носить с удовольствием. Хороша сумочка, красивая и удобная.

— Ещё и вместительная, — захихикал Трофим.

Положил сидр на стол, взял со стола узелок с яйцом и ловко вкатил внутрь. Следом вложил упаковку красок и кистей, туда же — блокноты и альбомы. Остановился, хитро поглядывая на меня, довольный моим изумлением. Размеры содержимого были раза в три больше сумки, но она как была плоской, так и оставалась лежать словно пустая.

— Подними, попробуй, — предложил домовой.

Помня вес яйца и канцелярских принадлежностей, я ухватила ручку и приготовилась поднять со стола вес килограмма на три-четыре. Но торбочка, повинуясь моему усилию, легкой птицей вскинулась под потолок.

— Она пустая!, — охнула я, горюя о потере подарка Рябокуры.

— Загляни вовнутрь, — посоветовал Трофим.

Подняла клапан и раздвинула края, обшитые для прочности плотным шнуром. В сумке, где-то далеко на дне, лежали мои вещи.

— Всё, что туда ни положишь, везде будет с тобой, а веса иметь не будет, — прокомментировал свой подарок добрый домашний дух.

— И в других мирах тоже? Даже когда через портал пройду?, — я всё ещё с недоверием разглядывала необычную суму.

— В Дремлесье мы говорим «Навь». Ты как-то сказала «Изнанка». Она общая для всех миров. Торбочка — это вход в твою маленькую кладовку.

— Доставать как? Не дотянусь же.

— Положи на стол, или лавку, или даже на колени себе — и бери что надо, — проинструктировал домовой, скрываясь за занавеской.

Так и сделала. Разложила суму, засунула руку и тут же нащупала яйцо, завёрнутое в платок, связку кистей и стопку альбомов. Радуясь чудесному подарку, принялась складывать вещи, стараясь запомнить, куда и что положила. Оглядела пустую столешницу, подняла торбочку, дивясь тому, что веса в ней не

прибавилось, примериваясь, надела через плечо.

— Красота!

Когда мы, успокоившись от эмоций, связанных с внезапным отъездом, пили чай с пирогом и через распахнутую дверь любовались розовым закатом, у крыльца послышались неровные шаги.

— Вот и смена, — предположил кот.

Но никто из нас с места не тронулся. Даже домовой, следуя привычке своего скрытного народа, не исчез, а спокойно потянулся долить себе чая.

— Здравы будьте, — проскрипела темная фигура в дверном проёме, заслонившая сумеречный свет своим появлением.

Домовой и кот уставились на меня. Тоже на них покосилась, уж больно голос показался знакомым, но опознать не смогла.

— Проходи, только дверь прикрой, а то мошки разные налетят, — пригласила я гостью.

— Сколько навязала защитных тесёмок по Заречью, а свою избушку не удосужилась от комаров защитить, — попенял кот.

— Сделаю. Хорошо, что напомнил, — почесала фамильяра за ушком. — Скажи, где я могла этот голос слышать?

— Хозяюшка, ты сама три дня назад так говорила! Не признала?, — удивился домовой.

Тем временем гостья закрыла двери и в сенях, и в горнице и присела на лавку к столу:

— Не узнаёшь, Агапи?

Щелкнула пальцами, зажигая светлец, и стала всматриваться в горбатую фигуру. На меня смотрела точная копия меня недавней. Мамочка дорогая! Это вот такой страшной я была? Как же люди после общения со мной заиками не становились? От удивления смогла только головой отрицательно покачать: не узнаю.

— Начальство, проанализировав твою деятельность, пришло к выводу, что такая внешность очень эффективна для работы наблюдателя. Теперь всех, кто здесь жить будет, так наряжать станут… И звать Агунями, — последнюю фразу гостья из себя выдавила с явной неприязнью. — Дожил! Мало, что нарядили бабкой страшной, так еще на имя твоё откликаться придётся.

— «Дожил»?, — ошеломлённо переспросила я. — Ты мужчина? Извини, но в гриме тебя не узнаю.

Сменщик поднялся, отвесил шутовской поклон:

— Лэра, позволь напомнить: я Тикар рес Ветис — тот, кого ты опалила своим дыханием донага, тот, кого благодаря тебе выгнали из учебки в самом постыдном виде… Теперь я сам себя в этом образе не узнаю.

— Но как ты вернулся в стражи?, — воскликнула я без толики раскаяния, но слегка опасаясь мести.

— Лэр Инк рес Плой посодействовал. Посетил замок отца с целью объяснить произошедшее. Меня под домашним арестом держали, лишив всех радостей жизни. Даже служанок в покои не пускали. Отец думал, что со мной делать. То ли изгнать, лишив титула, то ли женить выгодно на старухе, то ли сослать навечно в приграничную провинцию наместником. Третий сын — не большая ценность в наших семьях, а я ещё и позором покрыл себя. — Тикар мотнул головой, отгоняя воспоминания. — Перспектива была грустная, но лэр тайный страж, выслушав родителя, предложил свой вариант. Отрабатываю два срока наблюдателем, и если моя служба будет безупречной, то он станет ходатайствовать о моём восстановлении в учебке. Согласился без раздумий. Что такое один оборот по сравнению с пожизненной женитьбой?! Шуткой ещё одно условие предложили: если полюбит меня кто в образе чудовищном да поцелует в уста с чувством, так и простятся мне прегрешения. Но этого я уже сам боюсь. Роль у меня женская, значит, с ласками мужик полезет.

Услышав последнее условие, мы покатились со смеху. Чувство юмора у Инка было потрясающим.

— Не переживай, сменщик!, — вытирая слезы, выступившие от хохота, успокоила парня. — Поискать ещё надо того смельчака, что отважится Бабу-Ягу поцеловать. Оборот быстро пролетит, и не заметишь. По себе знаю.

— Хорошо тебе говорить. Вон у тебя какая компания веселая, — он кивнул на домового и кота, которые всё ещё не могли успокоиться и хихикали, откинувшись на лавке.

— Не переживай, один не будешь. Часть хорошей компании тебе достанется. Трофим — домашний дух. Домовой по-местному. Он в избе живет со дня постройки. Подружись с ним и слушайся советов, — заметив, как капризно дернулось плечо третьего сына Ветиса, продолжила строго: — Ты плечиками не дёргай, юноша. Дедушка старше нас с тобой, вместе взятых, будет. Опыта жизненного и мудрости житейской много, есть чему поучиться. Заодно язык местный подтянешь, а то через два слова на третье межгалактические слова вставляешь.

— Язык-то мне зачем? Кто в эту глушь забредёт?, — удивился Тикар.

— Знаешь, были времена, когда я мечтала остаться одна, столько гостей тут было. Надеюсь, что тебе повезёт больше, чем мне.

— Хозяюшка, а можно он меня вашему языку обучит? Чтобы я книжки иномирские читать мог о зверях и укладе чужом?, —

потеребил меня за рукав Трофим.

— Научишь межгалактическому друга нашего?, — повернулась к изумлённому парню. — Дедушка у нас грамотный. Читать и писать умеет. В шашки отлично играет. А еще кулинар первоклассный.

Домовой смутился немного и засопел в усы, но было видно, что похвалой доволен.

— Похоже, скучно мне не будет, — констатировал преемник, полностью смирившись с новой жизнью.

— Это я тебе гарантирую!

Эпилог.

Безбоязненно распахнув сознание, блаженно прижавшись щекой к стволу любимой подруги, я умиротворённо наслаждалась душевным покоем, сидя на Острове между переплетённых корней Разумного Древа. Френки, читая мои воспоминания, едва слышно то ворчала, то хихикала, но я не прислушивалась. Мне было идеально хорошо. Почти… Три суетливых дня после Дремлесья пролетели быстро, и я, отпросившись у деда, сбежала на Океан.

Воспоминание о Тесшасе добавило тёплых эмоций.

Давая массу наставлений и инструкций сменщику, вытирая слёзы и хлюпая носом, с обещаниями часто писать домовому, простилась я с Дремлесьем, шагнув в портал, переворачивая очередную страницу жизни.

— Лэра, проходите, не задерживайте работу, — поторопил служащий, корректно, под локоток, выпроваживая из зоны перемещения в переход, ведущий в зал ожидания.

От суеты толпы, гула множества голосов и топота ног, беспрерывных сервисных сообщений вдруг почувствовала легкую оторопь. Оказывается, за полгода я совершенно отвыкла от многолюдья и шума. Кот, сидящий у меня на руках, тоже настороженно озирался и при особенно резких и громких звуках, напрягаясь, прижимал уши и топорщил усы. Решила, что мне надо присесть где-то в уголке и немного привыкнуть к этому ритму, но тут над головой, заглушая все звуки в зале, прозвучало приветствие:

— Ваше высочество! Рад вашему возвращению!

Кот зашипел, я зажмурилась, вжав голову в плечи.

— Что же ты так орёшь, уважаемый Огокс?, — отойдя от накрывшей меня легкой звуковой контузии, спросила главного сержанта.

— Так рад видеть вас, — улыбаясь от уха до уха, ответил воин.

— Сержант, за что меня вычеркнули из списка группы, ходившей в подвалы Корпуса?, — настороженно спросила я.

Улыбка сползла с лица Огокса.

— Когда это? Ничего такого я не знаю, — пожал плечами мужчина.

— Так какого… беременного зулика ты меня высочеством величаешь?, — рявкнула я на соратника.

— Ну а как?, — еще больше растерялся служака.

— Имя забыл? Напоминаю: меня зовут Агапи вар Фрамери,

но я не высочество, а наблюдатель тайной стражи в отпуске, — и протянула сержанту раскрытую ладонь правой руки.

Пожав руку, тот сгрёб нас с котом в охапку и облегчённо рассмеялся. Похоже, его сильно напрягало поручение по встрече высокородной девицы.

Прежде чем перейти на планету Учебного Корпуса, вытребовала время на шопинг.

— Хочу переодеться в нормальную одежду, — объяснила свои действия спутнику. — Комбинезон учебки мне уже не положен, а в юбке из Дремлесья по подвальным лестницам лазать неудобно.

При дворце порталов было много разнообразных магазинов, чем-то напоминающих галереи дьюти-фри при земных аэропортах. Заглянув в несколько, я расстроилась. Не было желания общаться с персоналом. Кто-то презрительно отворачивался, глядя на мой наряд а-ля Дремлесье. Кто-то, напротив, начинал навязывать «деревенщине» нелепые, явно залежавшиеся наряды, выдавая их за последний писк межгалактической моды.

— Огокс, не знаешь ли ты, как можно сделать заказ по информативнику?

— Нет ничего проще!, — ответил спутник и отвел меня в дальние торговые ряды.

Это были отдельные просторные кабины с мониторами в человеческий рост, которые заодно выполняли функцию терминала и зеркала. Вставив карточку драконьего банка в паз на раме, получила доступ в сеть и с головой погрузилась в мир моды и стиля. Для начала из предложенного списка выбрала магазин белья и отвела душу, любуясь нежным кружевом, изящными бантиками, элегантными шнуровками, но выбрала для себя удобные и практичные комплекты. Интуиция подсказывала, что как бы ни хотелось, но пока рано менять стиль. Потом примеряла обувь, остановив выбор на комфортных кроссовках и, удивляясь самой себе, тяжёлых берцах. Простые джинсы без украшений и дизайнерских прорех, а на смену плотные штанишки в стиле милитари с десятком карманов. Увидев футболку со знакомым рисунком дерева, обрадовалась ей как старой знакомой и заказала несколько разных расцветок. Куртка защитной расцветки дополнила комплект выбранной мною одежды.

— Ты бы еще кепи надела, чтобы косы прикрыть, и можно в наёмницы подаваться, — фыркнул Филипп, вальяжно развалившийся в кресле, терпеливо ожидая окончания шопинга.

— Легко!, — откликнулась я и выбрала несколько для примерки.

Покрутившись перед зеркалом, оставила один объемный

головной убор с длинным козырьком, затенявшим лицо. Остальные отправила назад.

— Настала твоя очередь, лапушка, — обратилась к коту, рассматривая вместительные ранцы. — На руках таскать твою тушку тяжело и несподручно.

Из «примерочной» выходила к заждавшемуся сержанту полностью экипированная и загруженная пакетами с подарками. О сувенирах подумала, когда искала ранцы и в поиске своём забрела в магазин приятных мелочей.

— Уважаемый Огокс, позволь через тебя сделать подарок всей нашей боевой команде, — и я протянула ему узкий пакет. — Оказывается, в межгалактических магазинах можно найти и такое. Попробуйте напиток, который большинство мужчин моей родины предпочитают всем напиткам мира. Русская водка. Знаю, что спиртное в учебке запрещено, но зачем правила, если их иногда не нарушать?

Сержант понимающе кивнул. Аккуратно похлопал по плечу, забрал пакеты и повёл в ту часть зала, где располагались служебные порталы. Через полчаса я уже входила в кабинет ректора Учебного Корпуса тайной стражи лэра Тесшаса вар Фламери. Чинно сняла с плеч рюкзак с фамильяром, присела в безупречном книксене:

— Высоких полётов!

Дед, увидев меня прежней, обрадованно кинулся ко мне, но, услышав официальное приветствие, остановился. Удивлённо вскинув надбровные дуги, промолчал. Жестом приказал подняться и повернулся к моему провожатому. Принял короткий рапорт от главного сержанта, пристально посмотрел на подарочный пакет, который предательски выглядывал из-за спины подчинённого, покачал головой и предупредил:

— Под твою ответственность, Огокс!

Когда за дверь за воином закрылась, ректор повернулся ко мне:

— Что случилось, девочка?

Стараясь сдерживать эмоции, без лишних подробностей рассказала, какой ценой вернулся ко мне прежний облик.

— Теперь у нас нет ничего общего и я не имею права звать тебя дедом, — закончила я свою речь, но не выдержала и хлюпнула носом.

Дракон сердито фыркнул чёрным дымом и заходил из угла в угол.

— Того, что любовь к тебе живет в четырёх моих сердцах, тебе недостаточно? Ты моя внучка, и это навсегда, что бы ни случилось!

Когда эмоции улеглись, дед предложил выпить кофе. Вид за окном, который прекрасно просматривался с дивана, стал для меня открытием. Красная степь начала менять облик. Параллельно зданию Корпуса разрослись кусты ивы, через гибкие ветви и узкие листья которой поблёскивала вода.

— Это ручей?, — прилипла я к окну. — Такой полноводный… Почти река.

— Там дальше он впадает в большой пруд, — с гордостью информировал подошедший ректор. — Тебе нравится?

— Очень! Вы много потрудились, создав такой оазис в голой степи.

— Всё благодаря лэре Ивице, преподавательнице травоведения. Она прекрасно ладит не только с растениями, но и с учениками. Желающих работать на озеленении планеты всегда много.

Во время рассказа выражение лица и взгляд дракона изменились, как тогда, в избушке, когда я впервые услышала о новой учительнице Корпуса. Интересно, чувства взаимны? Ах, как хотелось бы, чтобы Тесшас был счастлив в любви. Надо Лизу спросить, «светится» ли Ивица к деду.

— Деда, а как чотты поживают? Соскучилась по ним страшно!

— Спустись, навести. Королева часто о тебе спрашивает, — предложил ректор, допивая свой кофе. — Дорогу сама найдёшь или провожатых дать?

— Найду!, — выбегая из кабинета, ответила я.

Лапки керсов гладили меня по плечам и спине, временами нечаянно цепляя и больно дергая за волосы. Но я почти не замечала этого, тоже поглаживая всё, до чего дотягивались руки. Филипп сидел на верхней ступени лестницы и взволнованно шипел:

— Ты уверена, что они тебя не сожрут? У них очень агрессивный вид.

«Агапи, это маленькое существо сильно о тебе тревожится, — информировала меня Лиза, с которой мы обнимались немного раньше. После чего она уступила меня керсам. — Оно боится, что мы тебя обидим?»

«Да, переживает. Хоть и объясняла ему, что вы миролюбивые и очень славные создания».

Наверное, решив, что я уже достаточно чистая, королевская свита убежала по своим делам, а мы с Лизой смогли спокойно общаться. Королева рассказывала, как они постепенно осваиваются на поверхности планеты, выводя юных чоттов помогать ухаживать за растениями. Молодёжь быстро привыкла к курсантам, и те тоже без неприязни относились к резвым

помощникам.

«Твой большой керс, — так Лиза назвала деда, — светится к самочке, которая сажает кусты и травы», — наябедничала мне подружка.

«А она к нему светится?», — осторожно полюбопытствовала я.

«Светится. Почти так же сильно, как и он к ней. Почему ты радуешься этому?, — королева недоумённо потопала лапками. — Мне трудно понять ваши отношения, но я тебе верю!»

Пора было прощаться. Где-то глубоко на дне интуиции непрерывно тикали часы, торопя заканчивать дела: «Быстрее, еще быстрее!» Иногда они затихали, а иногда стучали, как пепел Клааса в сердце Тиля Уленшпигеля, тревожа до слёз.

«Лиза, мне пора уходить. Рада, что мы встретились!», — погладила протянутую лапку.

«Ты спасла нас. Каждый чотт на этой планете будет помнить твоё имя и желать тебе легкого пути, — нежно притянула меня к себе королева, вводя фамильяра в полуобморочное состояние. — Будь счастлива!»

Все знакомые, с кем я повстречалась в Учебном Корпусе в эти дни, при встрече желали мне счастья. Принимая пожелания и вручая пакеты с заготовленными подарками, я старательно улыбалась, вслушиваясь в нарастающую тревогу.

— Девочка моя, ты ответила отцу на приглашение? Пора готовиться к торжеству, — спросил меня дед к концу второго дня. — Рактий сильно переживает, давай мы не будем добавлять тяжести его крыльям.

— Он так сильно волнуется из-за свадьбы?

— Он сильно переживает из-за Инка рес Плоя, — видя моё возбуждение и интерес, дракон продолжил: — Архимаг исчез. Сын послал ему именное императорское приглашение, которое доставляется адресату, где бы тот ни был. Послание вернулось. Это говорит о том, что стража нет в пространстве Межгалактического Союза.

Невольно с силой скрутив салфетку, лежащую у меня на коленях, в тугой жгут, я сипло спросила:

— Он жив?

— Не знаю…, — вздохнул дед.

Даже сейчас, обнимая подругу, не могла избавиться от тревоги за друга.

«Мышь, успокойся! Не могу ничего прочитать. В твоём сознании одна эмоция — беспокойство за стража».

«Френки, у тебя же есть связь с другими Разумными Древами? Ваш род распространён во всей Вселенной. Можно как-то отследить Инка?»

«Не хочу тебя огорчать, но мои сородичи не станут на это тратить время. Каждое Древо занято своими изысканиями, опытами и экспериментами. У нас не принято отвлекаться на эмоции».

«Но попробовать-то можно?!», — взмолилась я.

Понимаю, что, общаясь с Френки, я очеловечивала её поступки. Вот и сейчас мне показалось, что она вздохнула, хоть и не было у неё легких.

«Мышка, у меня нет такого большого энергоресурса, чтобы я смогла послать запрос по всем галактикам».

«Могу помочь!, — положила на колени суму, подаренную Трофимом, и достала яйцо Рябокуры. — Это мощный накопитель. Есть еще кристаллы вампирские. Хватит, если использовать все?»

«Сейчас просчитаю», — отозвалась подруга и затихла, углубившись в расчёты.

Филипп, нагулявшийся по Острову, давно уже спал, устроившись в ранце, оттягивающем мои плечи. Но встать, чтобы снять ношу, желания не было. Нетерпеливо ожидая окончания расчётов энергозатрат на передачу, я катала магический подарок из Дремлесья между ладонями.

Неожиданно, поддавшись эмоциям, сложила ладони гнёздышком, внутри которого лежало яйцо, поднесла их губам и прошептала:

— Хочу найти Инка!

Конец четвёртой книги.